

АЛЕКСАНДРА
ЛИСИНА

— АРТУР РЭЙШ —
ПРОКЛЯТИЕ
КОРОЛЕЙ

— Магия, меняющая мир —

Annotation

Наконец-то в Алтире воцаряются мир и порядок, за которые так долго боролись сотрудники Главного Управления столичного сыска. «Двойной» убийца уничтожен, высшая нежить повыведена, уровень преступности вернулся к своим обычным значениям. И, казалось бы, не о чем больше переживать... если бы не цепочка случайных с виду событий, не дающих сыскарям расслабиться. Для Артура Рэйша новое дело тоже поначалу выглядит несерьезным, но, как известно, чем туже сжимается пружина, тем больнее она потом ударит. А что такое пружина? Обычная спираль, с помощью которой можно вернуться к истокам.

- [Александра Лисина](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Александра Лисина
Артур Рэйш
Проклятие королей

Серия «Необыкновенная магия. Шедевры Рунета»

Серийное оформление – Екатерина Петрова

Иллюстрация на обложке – Дарья Родионова

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© А. Лисина, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

... Пролог ...

Зима... Кажется, только после трех с половиной лет, прожитых в промозглом Верле, я научился по-настоящему ценить зиму. Время, когда лишенные листвы деревья покрываются новыми, только не зелеными, а серебристо-белыми нарядами. Время, когда под слоем снега становятся не видны черные крыши, грязные улочки и разбросанный по углам мусор. Когда с тротуаров исчезают надоевшие за осень лужи, а воздух становится кристально чистым и поразительно свежим.

Я толкнул тяжелую дверь и под веселый перезвон колокольчиков зашел в просторный холл западного Управления городского сыска.

– Доброе утро, мастер Рэйш! – бодро помахал из-за регистрационной стойки молодой паренек, которого не так давно прислали на практику из Военно-управляющей академии.

– С добрым утром! – улыбнулась пробегающая мимо хорошенькая светлая магичка.

– Мастер Рэйш, здравствуйте! – скороговоркой проговорил еще один паренек – довольно смышленный некрос, которого удалось сманить из Королевского университета. За время практики парень отлично освоился и в данный момент неся куда-то с пухлой папкой наперевес и с крайне озабоченным выражением на веснушчатой физиономии.

Махнув всем сразу, я пересек холл, машинально отвечая на сыплющиеся со всех сторон приветствия. Раз пятнадцать кивнул, еще столько же ответил вслух. Слегка поморщился от царящей в Управлении суеты и несильного, но почти незатихающего шума, который неизменно сопровождал каждый наш рабочий день. Заодно чуть не пожалел, что своими руками привлек на службу столько народу. Затем с ностальгией припомнил времена, когда у нас было в разы меньше подчиненных. На всякий случай отступил в сторону, когда мимо с шумом пронеслась ватага мелюзги под предводительством страшно гордящегося новым назначением Сеньки.

А затем поторопился подняться на второй этаж, где располагалось начальство, а следовательно, было потише.

– Да твою ж темную душу! – с нескрываемым раздражением воскликнул Йен, когда я зашел в его кабинет. При виде меня Норриди скривился, а затем махнул бумажкой с внушительной печатью Ордена магов на обороте и раздраженно выпалил: – Представляешь?! Эти сволочи все-таки надумали меня отстранить!

Захлопнув дверь, я бросил покрытый легким снежком плащ на стоящее возле входа кресло. Затем туда же полетела шляпа. После чего я спокойно дошел до массивного письменного стола, который сделал бы честь даже недешево обставленному кабинету Корна, и, выудив из пальцев друга бумагу, мельком на нее взглянул.

– Да, – согласился я, прочитав самое важное. – Не прошло и полугода, как чиновники все-таки сообразили, что оставлять во главе сысского Управления необученного темного мага опасно. Приказ от Корна уже поступил?

– Сегодня какая-то писулька пришла, – буркнул Йен, покопавшись на столе и выудив оттуда еще одну бумагу. На этот раз – с печатью Главного Управления столичного сыска. Не дожидаясь, пока я спрошу, он сам распечатал конверт, развернул официальный приказ и, не дочитав его до конца, раздраженно сплюнул. – Ну что за придурки заседают в руководстве нашего Ордена?! У них что, начальники участков в очереди за воротами стоят?! Кого, спрашивается, я должен оставить в качестве заместителя на такой длительный срок?!

Я хмыкнул.

Уж точно не меня – я Йену еще четыре месяца назад об этом сказал, когда тот все-таки вышел из отпуска. Хватит. Насиделся в чужом кресле и возвращаться туда не собираюсь.

Правда, орденские чиновники в своем праве, ведь формально у Йена не было учителя. Поскольку дар у него открылся поздно, то в Школу магов, а тем более в Королевский университет путь ему был заказан. Норриди требовалось индивидуальное, совершенно официальное ученичество у какого-нибудь маститого наставника. И столь же официально полученный магический перстень, без которого никто не имел права оставлять за Йеном высокий пост в УГС^[1].

Вон даже Корн не замедлился с уведомлением о временном отстранении, хотя прекрасно знал, что с Норриди вот уже полгода

плотно занимаемся я, Хокк и Триш. Другое дело, что официальным учителем никто из нас не мог для него стать. Я – по причине того, что уже имел одного ученика. Триш сама только-только избавилась от статуса ученицы. Ну а Хокк еще недостаточно освоилась с новыми возможностями, поэтому экзамен на профпригодность попросту не прошла бы.

– Это гадство какое-то! – с чувством повторил Йен, пнув ни в чем не повинный стол и заметавшись по кабинету. – Сколько они планируют меня учить? Год? Два? Десять?! Работать по основному профилю не дают, значит, на нормальное жалование в эти годы можно не рассчитывать! Стипендию наверняка назначат мизерную! А как я должен содержать жену?! На какие, спрашивается, шиши смогу купить жилье и обеспечить Триш самым необходимым?! На ее зарплату буду жить, что ли?!

Я отобрал у Норриди вторую бумагу и, развернув ее до конца, пробежал глазами.

– Да погоди паниковать. Корн не дурак, нашел-таки для тебя лазейку.

– Чего? – непонимающе обернулся Норриди.

– Смотри, – я ткнул ему в лицо свежим приказом. – В самом низу. Мелким шрифтом. И не говори, что шеф плохо о тебе заботится.

Йен торопливо вчитался:

– ...Ввиду особых обстоятельств и заслуг перед Орденом, согласно третьей поправке к «Уложению о рангах», считаю возможным предложить виконту Норриди должность внештатного консультанта и прикрепить к западному Управлению городского сыска на общих основаниях... Арт!

– Ну чем ты еще недоволен? – осведомился я, когда Йен поднял на меня посветлевший взгляд. – Корн дает тебе возможность остаться в Управлении. Даже жалование сохранит почти на том же уровне. И работать ты сможешь, правда, не каждый день и не по каждому делу.

– Корн... он же... он...

– Не такой уж и козел, да?

Глаза Норриди радостно блеснули: подсказка шефа в буквальном смысле спасла ему жизнь и позволяла совмещать учебу с любимым делом. Но ответить он не успел, поскольку в этот момент в дверь решительно постучали, а еще через миг в кабинет заскочил одетый в

новенькую униформу малец и, протянув мне солидный конверт, привычно козырнул.

– Мастер Рэйш, вам письмо из ГУССа^[2]. Только что доставили.

– Спасибо, Найл, – кивнул я, бесцеремонно вскрывая почту и изучая короткое послание от Корна. – Хм. Кажется, мне пора – шеф очень хочет меня увидеть. Причем сегодня и вот прямо сейчас.

– Что ему надо? – тут же насторожился Норриди. – Может, все еще надеется забрать к себе в штат? Или наконец-то созрел для откровенного разговора?

Я пожал плечами и, знаком отпустив мальчишку-посыльного, бросил письмо в мусорную корзину.

– Скоро узнаем.

– Арт... – привычно занял Йен, когда я развернулся к выходу. – А может, ты выручишь меня на время учебы, а? Всего разок?

– На год? – саркастически переспросил я. – Или на два? А то и на все десять?

– Рэйш... демон тебя задерит! Мне больше некому это поручить!

Я фыркнул, накинул на плечи плащ и, подобрав шляпу, нахлобучил ее на голову.

– Поручи Херьену. Лив – парень способный, неглупый... справится. Зря я его, что ли, от Жольда сманил?

– Но он же ни разу никем не руководил! – крикнул Норриди мне в спину.

Я отмахнулся и вышел:

– Научится. Не все же ему штаны на дежурствах протирать? Да и тебе давно пора подобрать толкового заместителя.

– Арт, а ты ему поможешь?! – донеслось отчаянное уже из-за двери.

Я только вздохнул.

Куда ж я денусь? Но для начала выясню, какого демона понадобилось от меня шефу и почему лишь спустя полгода после посещения первохрама он все-таки решился на разговор.

...Глава 1 ...

– Здравствуй, Артур, – широко улыбнулся отец Гон, заставив меня озадаченно замереть на пороге кабинета Нельсона Корна. – Как твои дела? Давно ты не навещал храм...

Я прокашлялся.

Что значит давно? Всего пару недель там не объявлялся. Незачем было. Но как отец настоятель оказался здесь? И главное когда?! Я же проверил комнату и был готов поклясться, что, кроме шефа, внутри никого нет! Корн, кстати, так и остался на положенном месте, за столом, настороженно поглядывая на нас с настоятелем. А святой отец, понимаешь ли, шутки шутить вздумал. Хотя...

Я прищурился и оглядел его через темную линзу.

Хм. Интересно, почему правым глазом он все-таки виден, а левым – нет? Подарок Фола? Особые привилегии для хранителя?

Не сходя с места, я провалился во Тьму, но и там меня поджидал сюрприз – оказывается, с некоторых пор отец-настоятель перестал быть виден с темной стороны. Ни ауры, ни даже силуэта, словно передо мной находилось пустое место. Пришлось вынырнуть обратно, обойти откровенно веселящегося жреца по кругу. А потом накинуть на левый глаз вторую линзу и тихо присвистнуть.

– А вы изменились, святой отец, – скупо заметил я, убедившись, что ауры у него действительно больше нет.

Жрец вместо ответа поднялся с кресла, на котором дожидался моего прихода, уже другим взглядом посмотрел на молчаливого Корна и коротко наклонил голову.

– В общем-то это все, что я хотел вам сообщить. А теперь позвольте откланяться... Артур, если у тебя снова появятся вопросы, ты знаешь, где меня найти.

Я проводил растворившегося в воздухе жреца скептическим взором, но отец Гон действительно исчез. Причем ушел он не на темную сторону, а словно телепортировался. Раз – и его не стало. В том месте, где он только что был, ни иней не выпал, ни снежком не

посыпало. Пространство перед ним сперва открылось, потом закрылось, и даже я не мог сказать, каким именно образом отец настоятель нас покинул.

– Проходи, чего стоишь? – в своей манере буркнул Корн, когда мы остались одни. – И дверь закрой. Из коридора сквозит.

Я только хмыкнул. Пожалуй, впервые на моей памяти перед кабинетом начальника Главного Управления столичного сыска не толпились люди. Коридор третьего этажа был сегодня на редкость пустынным, можно даже сказать, вымершим. Так что насчет сквозняка шеф почти не шутил.

– Садись, – снова велел Корн, когда я исполнил его первую просьбу. – Мне нужно задать тебе несколько вопросов.

Я покосился на него с интересом и, устроившись в том самом кресле, где недавно сидел жрец, испытующе уставился на начальство. Корн, как это нередко бывало, не торопился начинать разговор, поэтому какое-то время мы просто играли в гляделки, бодаясь взглядами почти как в первую встречу.

На всякий случай я порылся в памяти, но не сумел вспомнить ни одного прегрешения, за которые Корн мог бы зацепиться. После первохрама одна беседа у нас уже состоялась. В присутствии отца настоятеля, кстати. Причем отец Гон взял на себя труд пояснить подоплеку некоторых моих поступков, приоткрыл несколько храмовых тайн, заодно отвел от меня ненужные подозрения и недвусмысленно намекнул, что мой вклад в восстановление божественных вместилищ был настолько значителен, что даже жреческий Орден не рискнул бы его преуменьшить. Более того, обители богов отныне требовался не только хранитель, но и страж. И раз меня в этом качестве признал весь алторийский пантеон, то не дело мирских перечить божественному решению.

Корна, как мне показалось, такое объяснение успокоило, так что о жнецах при мне больше никто не упоминал. Правду об уничтожении умрунов и вампиров он из меня тоже вытянул, после чего, как и обещал, со спокойной душой закрыл то старое дело и отправил его в архив. Еще несколько деталей из моей биографии всплыли по ходу беседы сами собой, сделав рассказ отца настоятеля еще более достоверным. Затем свою лепту внес лорд Аарон Искадо, официально отдав мне сына в ученики. Наконец, в моей защите поучаствовал даже

Ал. После этого шеф больше ни словом, ни делом не намекал, что его в моих объяснениях что-то не устроило.

И вот сегодня он внезапно пригласил меня на беседу. Ни Йена, ни Хокк с Триш... ни одного из начальников других участков. Только меня.

Я вопросительно приподнял брови, молча интересуясь у Корна причинами. И тот, привычно нахмурившись, вдруг положил ладонь на внушительную кипу бумаг, лежащую на самом краю стола.

– Знаешь, что это такое?

– Детали какого-нибудь важного дела?

– Результаты служебного расследования о чередке двойных убийств, случившихся в столице полгода назад, – жестко ответил Корн. – Вернее, это копия, которую я должен буду в ближайшее время отправить в королевскую канцелярию.

Я откинулся на спинку кресла.

– Что в этих результатах неправильно?

– Почему ты спрашиваешь именно об этом? – прищурился шеф.

– Просто так вы не стали бы подсовывать мне эти бумаги. Значит, в них есть что-то, что не устраивает лично вас. И что не позволяет со спокойной совестью передать дело в королевскую канцелярию. Я имею к этому отношение?

Корн взглянул на меня совсем недобро.

– Данная в храме клятва не позволяет мне раскрывать подробности даже перед королем, поэтому для официального отчета версия была сильно урезана.

– А для неофициального? – насторожился я.

Шеф помолчал, а затем устало добавил:

– Как ты понимаешь, расследование велось параллельно – нашими людьми и спецами из Управления дворцовой стражи. Таков порядок, раз уж в поисках убийцы участвовали оба ведомства. Но уже по тому, что удалось нарыть моим магам, можно твердо сказать, что кое-что из твоих показаний и показаний, данных другими участниками событий, включая людей лорда Исадо, мягко говоря, не сходится.

– Что же именно в них не так?

– Если сопоставить время, в течение которого происходили убийства на Сенной, Седьмой и Сорок второй улицах... ну ты помнишь – умруны и прочая нечисть, которая атаковала нас в самый

неподходящий момент, а до этого – уничтожение моргулов по двум другим адресам, то даже с учетом способности перемещаться прямыми тропами получается, что ты уже в то время действовал не один. Проще говоря, у тебя был помощник, который тоже умеет быстро перемещаться во Тьме. И который достаточно ловок, чтобы без проблем укокошить несколько моргулов за раз, о чем есть свидетельства не только моих людей, но и жрецов.

Я насторожился еще больше:

– Вас интересует что-то конкретное?

– Твой учитель в свое время занимался изучением искусственных сущностей и, судя по некоторым данным, научился ими управлять. Эта информация есть в архивах, – тихо сказал шеф, не сводя с меня пристального взгляда. – В твоём доме живет несколько духов с уникальными свойствами. Он оборудован артефактами, позволяющими ослаблять границы между мирами. Ты встречался с одной искусственной сущностью в Верле, имел доступ к разработкам учителя и не так давно доказал, что стал достойным его преемником в полном смысле этого слова. Более того, присутствие в тот день как минимум одного духа с весьма похожими свойствами в храме, когда ты убил Лотия, не вызывает у меня никаких сомнений. Поэтому я не могу не спросить: кто твой новый служитель, Рэйш?

Вот прицепился, а ведь как аккуратно я обошел эту тему в отчетах! И как деликатно участие брата прикрыл наш общий благодетель отец Гон! О том, что у меня появился новый служитель, Корн, разумеется, сообразил. Что-то даже успел заметить, пока Роберт на пару с Мэлом воевали с Палачами. Но об этой части наших злоключений Фол запретил ему распространяться, поэтому в рапорте данные сведения фигурировать не могли. Свои личные подозрения Корн тоже не стал бы излагать в официальном отчете. Но тогда получается, что неточности во времени были замечены кем-то еще. Причем не сразу. Не после того, как столицу всколыхнуло ошеломляющее известие о возрождении темного пантеона, и не после того, как эта благая весть была подтверждена целой серией божественных знамений.

Само собой, когда алтари во всех храмах страны внезапно ожили, начальству какое-то время было не до нестыковок в моем рассказе. Но как только все улеглось, кто-то начал разбираться в случившемся. И

разбирался долго, упорно, до последнего словечка сверяя показания участников тех сражений. Целых полгода копал. И, как говорится, накопал... на мою голову.

– Рэйш? – напряженно повторил Корн, когда я откровенно задумался над ситуацией. Спецы в Управлении дворцовой стражи умели работать не хуже наших. И раз уж до шефа успела дойти кое-какая информация, то это значит, что вскоре в руки Аарона Искадо, его старшего брата и, вероятнее всего, короля попадет потенциально опасная для меня информация. – Рэйш, скажи, что я ошибся в выводах и что твой новый служитель – не Палач!

Я спокойно посмотрел на встревоженное начальство.

– Моего служителя зовут Мэл. И к убийствам в столице он непричастен.

– Рэйш, не играй со мной. Кто он? – недобро прищурился шеф. – Откуда ты его взял?

– Когда-то Мэл был человеком, – так же спокойно отозвался я. – Но ему не повезло – вместо перерождения его душа попала на темную сторону. Все, что его составляло, было утрачено. Да и время, проведенное во Тьме, Мэл до сих пор воспринимает, скажем так, с отклонениями.

– Это нормально?

– Такое часто бывает – когда смерть неестественна, духи теряют ориентацию, забывают себя и порой не способны понять, год они провели на темной стороне или все сто. Я нашел Мэла в Алтире. Вернее, это он меня отыскал и самостоятельно принял решение служить. Если помните, алторийские законы дают людям право выбора. Даже в том случае, если это мертвые люди. Поэтому я не стал его прогонять.

– Что в тебе было такого, что незнакомый дух вдруг решил пойти в услужение? – снова насторожился шеф.

– Мэл посчитал, что я его спас. Я в этом не уверен, но ему, наверное, виднее.

– В каком смысле спас?

– Его личность была практически стерта, когда мы впервые встретились, – не стал лукавить я. – Мне удалось остановить процесс ее распада, но даже с моей помощью многое из своей новой жизни Мэл вспоминает с трудом. Тем не менее когда-то он был солдатом на

службе его величества. Причем хорошим солдатом. Темная сторона добавила ему проворства, умений и физических сил, поэтому мне показалось, что его навыки могут быть полезными.

Корн нахмурился:

– Почему я не смог его увидеть? Тогда, в храме? Да и потом ты никому его не показывал.

– Вы в курсе, что духи чаще всего сохраняют ту внешность, которая была у них в момент гибели? – вместо ответа поинтересовался я. – Так вот, как я уже говорил, Мэлу не повезло: умирал он скверно. Поэтому дефекты внешности у него настолько выраженные, что даже подготовленного человека это способно выбить из равновесия. Мэлу это доставляло неудобства, поэтому Ал избавил его от необходимости демонстрировать свой внешний вид посторонним.

– И все? – отчего-то усомнился в моих словах Корн.

Я пожал плечами:

– Да.

– Почему он способен пользоваться темными тропами?

– Потому что за столько лет, проведенных во Тьме, даже духи чему-нибудь да учатся. И чем больше проходит времени, тем сильнее они становятся. Это правило касается даже нежити. Особенно высшей. А Мэл провел на темной стороне гораздо больше лет, чем может вспомнить.

– Каким образом он к тебе привязан? Ты провел обряд на крови?

Я с укором посмотрел на Корна:

– Как вам не стыдно, шеф? Изначально Мэл зависел от перстня. Но поскольку некоторое время назад он начал потихоньку вспоминать прошлое и это всерьез поколебало его душевное равновесие, то мне пришлось провести обряд привязки душ. Так что по наследству, если вы об этом хотели спросить, он ни к кому не перейдет и перестанет существовать в тот самый миг, когда меня не станет.

– То есть это действительно не Палач? – упрямо продолжал гнуть свою линию Корн.

– Палача я убил в Верле. Еще год назад. А его тело по совету мастера Нииро сжег. У вас же есть амулет правды. Достаньте его, если моего слова вам недостаточно. Или, может, вам лучше пепел в баночке привезти?

– У меня тут полтора десятка амулетов лежит, включая те, о которых ты даже не слышал, – буркнул шеф, отведя глаза. Однако за артефактом все-таки не полез. – Ладно, я тебя понял.

Я кивнул:

– И предупредил. Спасибо.

– Но пепел все равно привези на всякий случай, – проворчал Корн, явственно успокоившись. – И будь готов к тому, что какой-нибудь крючоктвор из Ордена все-таки потребует доказательств. А также к тому, что далеко не во всех вопросах жрецы смогут тебя прикрыть. Тем более что ты теперь отвечаешь не только за себя.

– Можете передать лорду Искадо, что при любом раскладе его сына это не коснется, – заверил шефа я, запоздало сообразив, откуда ветер дует. – Хотя с его стороны было очень предусмотрительно попросить вас окинуть профессиональным взглядом отчеты его людей до того, как бумаги окажутся на столе у его величества.

Корн фыркнул:

– Управление дворцовой стражи никоим образом не связано с ГУССом. А чтение чужих отчетов не входит в мои служебные обязанности.

– Само собой. Но чисто по-дружески вы могли бы это сделать. Разумеется, милорд ни за что не пошел бы на должностное преступление. Зато он мог случайно забыть убрать со стола важные документы в то время, когда вы, например, изволили зайти к нему в гости.

– По-моему, тебе пора, – сделал вид, что не услышал, шеф. – Не то я скоро перестану понимать, кто из нас кого допрашивает.

– О, так это был допрос?

– Пошел вон отсюда, Рэйш, – беззлобно отозвался Корн. – И чтоб глаза мои тебя не видели. Как минимум до завтрашнего вечера.

Я с готовностью поднялся:

– А что, позвольте спросить, у нас планируется завтра на вечер?

– А ты не в курсе? – изумился шеф. После чего порылся в бумагах, выудил откуда-то большой белоснежный конверт с королевским вензелем на обороте и добавил: – Завтра состоится большой королевский прием. И нам с тобой предписано туда явиться.

Когда я вышел на улицу и развернул приказ, то понял, что испытываю сильное желание убить своего шефа: бумага была подписана в королевской канцелярии седьмого числа. А сегодня уже двадцатое. Корн продержал у себя письмо почти две недели! Две. Гребаных. Недели! Оставив мне всего сутки на подготовку к королевскому приему.

– Это катастрофа! – схватился за голову Нортидж, когда я заскочил домой и сообщил последние новости. – Завтра вечером... боже мой! Все лучшие портные наверняка заняты еще с прошлой недели! Обувных дел мастера вообще будет не найти! Мастер Рэйш, это же кошмар! Мрак!

Я поморщился:

– Обычный деловой прием. Ничего больше.

– Но людей во дворце все равно соберется не счесть! Как по поводу, так и без. И каждый сочтет своим долгом обсудить с соседями ваш внешний вид! Поэтому вы должны выглядеть безупречно! Тем более вам пришло личное приглашение от короля!

– Уведомление, – поправил я горестно причитающего дворецкого. – Причем не на домашний адрес, а в Управление городского сыска. Значит, рассматривать его надо как приказ явиться в расположение части, как в армии. А в этом случае я могу использовать служебную одежду.

– Нет! – в ужасе отшатнулся Нортидж, а выглянувшие на шум в гостиной горничные картинно упали в обморок. – Только не в этой ужасной шляпе!

– Да чем она всех не устраивает? – фыркнул я, нахлобучивая обсуждаемый предмет гардероба на голову. – Хорошая шляпа. Благодаря ей мусор на голову не сыплется. И дождь со снегом за шиворот не попадают.

Дворецкий умоляюще возвел глаза к потолку, всем видом демонстрируя отношение к моей рабочей одежде, а потом шуганул хихикнувших девиц и упер руки в бока.

– Так. Вертихвостки, марш за парадным камзолом хозяина! Марта! Выдай им новые иголки и ткань, что я заказал в прошлом месяце! Мардж! От тебя мне срочно потребуется...

Поняв, что в моем присутствии нет необходимости, я тихо слинял из дома, успев по дороге потрепать по холкам соскучившихся собак, и вернулся сперва на западный участок, а затем, поняв, что Йен и без меня прекрасно проинструктирует Лива насчет его новой должности, ушел на темную сторону. Подальше от города. В окрестности малоизвестной, богами забытой деревушки на севере от Алтира. А точнее, на расположенное неподалеку от нее кладбище, которое вот уже полгода исправно служило нам в качестве испытательного полигона.

Именно здесь этим утром я оставил Мэла и Роберта, наказав ученику отработать несколько полезных связок из магических знаков и опробовать во Тьме пару новых заклинаний.

По привычке сойдя с тропы чуточку раньше и окинув быстрым взглядом перепаханное на несколько локтей в глубину поле за холмом, я не нашел ни ученика, ни служителя. Следы воздействия нужного заклинания, правда, увидел – от него до сих пор земля в паре мест дымилась, так что можно было утверждать, что мальчик успешно его освоил. Знаки, которые я показал ему этим утром, тоже висели в воздухе и даже были продублированы на земле. Я, кстати, едва не вляпался в один, когда выходил с тропы. Однако спросить за это оказалось не с кого.

Когда же я провалился на нижний слой, то оказалось, что и Роберт, и Мэл действительно здесь. А вот чем они при этом занимались... честное слово, я аж поперхнулся, обнаружив, что мой ученик с азартом скачет по призрачному миру верхом на бывшем Палаче, при этом то и дело издавая воинственный клич. Одной рукой он держался за острые иглы на хребте служителя, где раньше висели боевые трофеи, а второй яростно размахивал, расплескивая во все стороны ожившую Тьму и словно сражаясь с невидимым противником. За Мэлом из-за этого тянулся такой густой черный шлейф, что стороннему наблюдателю могло показаться, будто по темной стороне скачет демон-предвестник^[3].

Я даже порадовался, что кроме меня здесь никого не было. И тому, что хотя бы у одного из этих двоих хватило соображения устроить скачки на нижнем слое, куда даже Хокк пока путь был заказан.

Увидев меня (а скорее, почувствовав, как дернулся поводок), Мэл на полном ходу запнулся, и Роберт, не успев среагировать, кубарем слетел с паучьей спины. Правда, на обледеневшую землю он все-таки не грохнулся – служитель молниеносно выпростал длинную лапу и цапнул неосторожного мальчишку за шкирку. После чего аккуратно поставил его на ноги и неловко кашлянул:

– Привет, Арт. Ты сегодня рано.

– Ой, мастер Рэйш! – спохватился Роберт и под моим строгим взглядом мучительно покраснел. – А мы тут это... ну... вроде как вас... мм... ждем.

– Вроде как? – переспросил я, отчего ученик совсем смутился.

– Я уже освоил знаки, которые вы показали. И заклинания тоже!

– И что?

– Ну... делать было больше нечего, поэтому мы... то есть я...

– Хочешь сказать, тебе не хватило работы, ученик? – вкрадчиво поинтересовался я, отчего мальчишка мгновенно сник. – Мне напомнить тебе значение термина «повторение»?

Роберт уныло вздохнул.

– Вы правы, учитель. Я непростительно расслабился. Наверное, я заслужил наказание?

– Обед ты заслужил, – бесстрастно отозвался я, бросив на брата укоризненный взгляд. – Двухчасовой. Официальный. Со всей семьей. Мэл, верни его домой. Пусть отрабатывает свое легкомыслие.

Мордашка у пацана стала совсем несчастной – как и большинство детей, скучные, чопорные и несытные домашние обеды Роберт страшно не любил. Конечно, я все понимаю: мальчишки есть мальчишки – порой им нужно и побегать вволю, и подурачиться, и пошалить. Но темная сторона – это не то место, где можно позволить себе проявить беспечность. Даже в присутствии Мэла. Даже на нижнем слое и под бдительным присмотром Тьмы, которая баловала юного герцога Искадо, как собственного сына.

– Да, мастер Рэйш, – вздохнул маленький жнец, смиренно принимая наказание. – Как скажете.

Мэл сконфуженно кашлянул, после чего подхватил мальчика на руки и испарился. Однако вскоре вернулся, смущенно отводя глаза.

Ну да. К мальчишке за эти полгода бывший Палач умудрился привязаться больше всех. Был готов возиться с ним с утра и до самой

ночи. Неусыпно охранял, берег, следил, чтобы пацан по неосторожности не поранился. Учил его сражаться на мечях и ножах, подсказывал с заклинаниями, порой даже там, где этого не требовалось. Пару раз мы по этому поводу даже поспорили, и в конце концов Мэл сообразил, что перегибает палку. Такие, как мы, должны уметь думать, оценивать и принимать решения самостоятельно. Как и отвечать за их последствия.

Я учил Роберта именно этому. Но в то же время не возражал против небольших отступлений от правил, которые давали пацану возможность даже во Тьме чувствовать себя живее всех живых. Мэл выполнял для него роль доброго учителя, позволяя делать то, чего не одобрял я. Да, я не ругал ученика за его стремление похулиганить, но за каждым таким отступлением следовало маленькое наказание. И это тоже был элемент обучения.

– Завтра оставишь его дома? – тихо осведомился брат, когда прочел мои мысли и успокоился.

Я качнул головой:

– Одного вечера на осмысление ему хватит. Завтра после обеда я его заберу, а ты поработай с ним на скорость. И особенно на контроль – он все еще плохо дозирует силу.

– А ты чем займешься вечером?

При воспоминании о подставе захотелось сплюнуть.

– А... понял, не отвечай, – уловил мои эмоции брат. – Все-таки Корн – мстительная и злопамятная сволочь. Но одного у него не отнять: заботиться о своих людях он умеет. Йена прикрыл, работу и жалованье за ним сохранил, даже с герцогом по твоему поводу сумел договориться. И если отчеты из спецотдела совпадут с тем, что накропал на тебя он, то внимания Ордена еще несколько лет можно будет не опасаться. А вот прием у короля мне совсем не нравится. Раз ты получил официальную бумагу, значит, твое имя все-таки успело засветиться.

– После возрождения первохрама это было неизбежно: король, когда узнал, наверняка затребовал подробности. Но полагаю, со мной его величество пока желает только познакомиться.

– Настоятель в случае чего тебя прикроет? – тревожно переступил лапами Мэл.

– Скорее всего он уже это сделал. Я видел его сегодня в ГУССе.

– Защиту все равно надень. Вокруг вас, темных магов, вечно происходит что-то нехорошее...

– Вокруг *нас*, ты хотел сказать? – со смешком переспросил я.

Мэл вздохнул:

– Пойду-ка я присмотрю за мелким. Неровен час, Тьму из-под контроля выпустит. Кто за ним тогда приберет?

«Гули, например, – едва не брякнул я. – Или моргулы».

Но Мэл, к счастью, этого не услышал. Отношение к нежити у него было не в пример менее терпимым, чем у меня, так что друзья маленького Роберта его сильно напрягали. С другой стороны, раз уж пацан выбрал для себя такую роль, то моргулы, вампиры и гули все равно будут виться вокруг него, как мухи вокруг меда. Тьма сама будет приманивать их к маленькому хозяину, и пацану рано или поздно придется искать способ примирить Мэла с их присутствием.

Неплохая задача для юного мага, да?

В этот момент в правом нагрудном кармане завибрировала зачарованная монетка, красноречиво возвещая, что меня ждут в западном Управлении городского сыска.

Хм. Вот и работа подоспела. Никак очередное убийство стряслось? Да еще с отягчающими? В противном случае Йен не стал бы меня тревожить, правда? Особенно если основные вопросы мы успели уладить еще с утра.

...Глава 2 ...

– На. Подписывай, – хмуро заявил Норриди, стоило мне появиться у него в кабинете.

Я с сомнением уставился на протянутую бумагу: и вот ради этого он вытащил меня в Управление? Затем перевел взгляд на неловко отводящего глаза Лива Херьена и снова с подозрением уставился на непонятный документ:

– Что это?

– Подписывай, кому сказал! – повысил голос Йен, заставив меня усомниться в происходящем еще больше и внимательно прочитать текст приказа.

– Это что, шутка? – фыркнул я, обнаружив, что теперь там появилась приписка. – С какого перепугу ты включил сюда пункт, что в случае, если Лив выйдет из строя, то место начальника западного УГС займу я? Мы же договорились!

Норриди одарил меня сумрачным взглядом:

– Без твоей подписи Корн не утверждает назначение Херьена. А у меня сегодня последний день на службе. Надо все успеть: и Лива в курс дела ввести, и бумаги оформить, и с текучкой разобраться, и с отчетами все утрясти. Завтра в восемь утра я должен быть в Ордене магов, а без приказа мое отсутствие в Управлении будет засчитано как неисполнение обязанностей. Попросту – прогул. Если же я не явлюсь в Орден, то прогул поставят уже там. И тогда шиш мне, а не нормальный учитель.

Я с еще большим подозрением уставился на мнущегося рядом светлого:

– С чего бы Корн вдруг обеспокоился состоянием твоего здоровья?

– Понятия не имею, – честно ответил наш штатный целитель, патологоанатом и по совместительству дежурный маг. Кстати, отличный маг. Опытный, неконфликтный и аккуратный настолько, что его отчеты Йен уже несколько месяцев ставил всем в пример.

– А ты точно здоров? – счел нужным уточнить я.

Лив оскорбленно всхрипнул:

– Как бык.

– Уверен? Не прикидываешься? Не симулируешь?

– Нет, конечно!

– Если заболеешь, убью, – предупредил его я, наклоняясь и все-таки ставя закорючку в обновленном приказе.

– Арт, ты издеваешься? – возмутился моей наглостью маг. – Я же целитель – мы не боеем в принципе!

– Не знаю, не знаю. После сегодняшнего разговора с шефом я готов поверить, что он самолично будет бродить за тобой по пятам с какой-нибудь особо злостной заразой в кармане, лишь бы ты слег, а мне снова пришлось занять это дурацкое кресло.

– Ты что, повздорил с Корном? – без особого интереса спросил Норриди, роясь в бумагах на своем столе.

Я скривился и достал из кармана помятый конверт:

– На, полюбуйся.

– Фьють! – присвистнул Йен, ознакомившись с его содержимым. – Прости, Арт, был не прав. Мои проблемы по сравнению с твоими – детские шалости. Кстати, не вздумай явиться во дворец в рабочей одежде! А то я тебя знаю – напялишь плащ, грязные сапоги и припрешься в тронный зал с таким видом, будто так и надо!

– У меня весь разговор с Корном на кристалл записан. Если что, пусть с него и спрашивают.

– Он сошлется на занятость в делах и тот факт, что ты до сих пор не носишь переговорного амулета, – убежденно отозвался Норриди. – Заявит, что тебя аж официальным письмом пришлось искать по всей столице. Небось сначала его во все Управления занесли, чтобы подольше получилось. Ну а то, что ты явился на прием к начальству лишь в предпоследний день перед приемом у короля – уже твои трудности. А Корн вообще не при делах.

– За что он тебе мстит? – с любопытством покосился на меня будущий начальник западного УГС.

Я сплюнул:

– За все хорошее.

– Ну а все-таки...

– Шеф! У нас убийство! – радостно доложила распахнувшая дверь Лиза Шарье, но, заметив, что Йен не один, замерла на пороге и неловко кашлянула. – Простите. Нам с Тори самим туда ехать или вы с нами?

– Арт? – вопросительно уставился на меня Норриди.

Я молча кивнул и направился к выходу.

– Спасибо, мастер Рэйш! – воскликнула просиявшая девчонка и тут же умчалась, словно на нас не новое дело повесили, а подарили билет на бесплатное представление в королевском театре. Эх, молодежь...

– Триш с собой возьми, – бросил Йен прежде, чем я успел закрыть за собой дверь.

– Не возьму. У меня вообще-то напарница есть.

– Она на кражу со взломом уехала. Бери Триш и не вздумай сбросить на нее отчеты, понял?

Я досадливо фыркнул:

– Вот это и называется – использование служебного положения в личных целях. Не была бы Триш твоей женой, фиг бы ты озаботился, кто там напишет за меня отчеты.

– Что ты сказал?! – моментально ошетинился Йен.

– Ничего, – буркнул я и захлопнул дверь до того, как этот без пяти минут ученик мага открыл рот, чтобы прочитать пространную лекцию на предмет уважения к начальству.

Когда я спустился вниз, у подъезда нас уже ждал новенький кеб с молодым возницей, а возле него собрались сразу трое магов и один следователь.

– Адрес? – коротко поинтересовался я.

– Бурая, десять, – бодро отрапортовала кутающаяся в теплое пальто Лиз.

– Езжайте. Я по темной стороне пройду.

– А можно с вами?! – хором спросили Тори и Триш.

– Тебя возьму, – кивнул я Хелене и строго посмотрел на Тори: – А тебе еще рано.

Парень огорченно кивнул и следом за Лизой полез в кеб, тогда как я протянул руку, сжал похолодевшие от волнения пальцы жены своего лучшего друга и, распахнув прямую тропу, одним движением втолкнул туда опешившую магичку.

– Мастер Рэ-э-эйш!.. – взвизгнула она, проваливаясь в темноту.
Я молча шагнул следом.

А она думала, что я ее на место преступления на ручках понесу? Ну и что, что она раньше прямыми тропами не ходила? Щас. Йен вон тоже не ходил, и ничего – как приспичило, так даже не пошел, а побежал, прямо-таки полетел, лишь бы не получить по шее. К тому же леди Смерть давно намекала, что девчонке пора двигаться дальше. Вот и пусть топают. Благо пока я рядом, ей ничего не грозит.

– М-мастер Р-рэйш... – простучала зубами Триш, когда я вышел с тропы и, как куклу, повернул к себе застывшую посреди улицы, посиневшую от холода магичку с покрытым инеем лицом. – Ш-што ж в-вы б-без п-предупреж-ждения-то?

– Йен и так над тобой трясется, как над сокровищем. Себя изводит и тебе покоя не дает. А тут вон как удачно: зашла, вышла – и порядок.

– Д-да... к-конечно...

– Ну замерзла слегка, – согласился я, помогая ей растереть онемевшие от холода щеки. – Пока сюда доедут наши, ты уже половину дел сделаешь, а то и убийцу найдешь. Ну, пришла в себя?

– П-почти.

– Тогда за работу. Где там наш дом?

– П-похоже, вот этот, – лязгнула зубами магичка, подбородком указав на полуразвалившееся здание, вокруг которого озабоченно бродили несколько призраков в мундирах городской стражи.

Ну да. Оцепление. И куча зевак неподалеку, среди которых мелькнули два слабеньких светлых мага. Случайные прохожие? Соседи? Очевидцы?

– Обойди периметр и проверь тут все на предмет присутствия посторонних. Люди, маги, нежить...

Триш с трудом уняла бьющую ее дрожь и, едва переставляя одеревеневшие ноги, поплелась выполнять свои привычные обязанности. Сгорбленная, уставшая, все еще шокированная донельзя. И чего, спрашивается, разнервничалась? Не первый же день со мной знакома. И на полигоне я ее уже не раз гонял. А она как впервые, честное слово. Ну обледенела, подумаешь. Ну испугалась. Зато мы точно выяснили, что прямые тропы ей уже доступны. Йен, конечно, разорется, когда узнает, но девчонке это пойдет на пользу.

– Спасибо, мастер Рэйш, – на мгновение обернулась Триш, найдя в себе силы улыбнуться. – Вы извините, что я так... Просто не ожидала, что будет настолько быстро.

Я только отмахнулся. А когда девчонка исчезла в ближайшей подворотне, рывком вышел из Тьмы и направился к городской страже.

– Здравствуйте, мастер Рэйш, – уважительно посторонились двое дюжих парней в темно-синих с белой строчкой мундирах. Ребята Жольда. Новенькие, но меня в лицо успели запомнить. Вон даже бляху предъявлять не пришлось.

– День добрый, коллеги. Что скажете хорошего про место преступления?

Парни быстро переглянулись, а толпа зевак при виде мастера Смерти начала рассасываться прямо на глазах.

– Улица Бурая, дом десять, – исправно доложил один из стражников. – Вызов поступил в Управление около полутора свечей назад. Принял регистратор. Поскольку дежурный маг находился в это время по другому адресу, то сюда приехал не сразу. Но как только все осмотрел, мы тут же вызвали вас.

– Кто у вас сегодня дежурит?

– Господин Ольрадо.

Я кивнул: в кои-то веки в городской страже появился толковый маг. Недавно только поступил по распределению на место Шоттика, поскольку тот переехал на постоянное место жительства в дом умалишенных. Дела вел споро, действовал толково и серьезных косяков за ним пока не водилось. Значит, скорее всего дело действительно наше.

– Подробности?

– Сей момент, – неожиданно замешкался стражник и, порывшись в кармане, выудил оттуда блокнот. На мой удивленный взгляд он смутился и, торопливо пролистнув несколько страничек, быстро пробежал глазами свои же собственные записи. – Это чтобы не забыть. А то в последнее время стал грешить... устаю, наверное? Дежурства частые. Вот и путается все в голове. Итак, дом номер десять по улице Бурой...

Он наконец нашел нужную страницу, кивнул, словно убедился, что на этот раз все запомнил правильно, и, больше не заглядывая в блокнот, тараторил:

– Заявление в городскую стражу подала хозяйка дома, госпожа Ларина Найттерли. Этим утром, поднявшись с постели и не увидев супруга рядом, она спустилась на кухню и обнаружила его тело возле входной двери. На руках и лице господина Найттерли она заметила глубокие ожоги, поэтому незамедлительно обратилась в Управление городской стражи.

– Следы взлома? Разбоя?

– Ничего такого, мастер Рэйш, – качнул головой второй страж. – По словам супруги погибшего, она не заметила в доме следов беспорядка. Охранные амулеты тоже подтвердили отсутствие посторонних. Они смолчали все, кроме того, что висел на входной двери. Причем леди совершенно точно помнила, что накануне вечером супруг собственноручно его активировал. А поутру амулет оказался разряжен.

– То есть кто-то пытался проникнуть в дом через входную дверь и по стечению обстоятельств наткнулся на хозяина?

– Показания свидетелей говорят о том, что все произошло ранним утром, – неловко кашлянул первый страж. – На улице уже светало, когда соседи услышали шум, а соседский мальчик увидел небольшую вспышку. Она была не настолько сильна, чтобы напугать ребенка или заставить его родителей постучаться к соседям. К тому же воры в такое время на дело уже не ходят. И тем более не ломаются за добычей в парадную дверь.

Я покосился на весьма неплохо сохранившийся двухэтажный дом с добротным крыльцом и заботливо навешенным над ступеньками козырьком. Домик не бедный. На две семьи, но входы на каждую половину отдельные. Стены первого этажа, как и крыльцо, сложены из камня. Второй этаж – деревянный. Однако следы магического пламени виднеются лишь возле одного дверного проема и совсем немного не достают до окон второго этажа.

Получается, взрыв и впрямь был локализованным. Вероятнее всего, от срабатывания охранного амулета.

– Что за заклинание стояло на артефакте? – поинтересовался я, продолжая изучать пострадавший дом.

– Самое простое. Второго уровня по силе и всего первого по радиусу действия.

– Хм. Что ж он тогда так рванул-то? Неисправность в приборе?

– В том-то и дело, что нет, – синхронно вздохнули мои информаторы. – Дежурный маг сообщил, что артефакт совершенно исправен. И возможно, взорвался сугубо из-за того, что кто-то умышленно его активировал. Поэтому вас и вызвали.

– «Хм» два раза. А как госпожа Найттерли объясняет случившееся? И почему, если шум обеспокоил соседей, а кого-то даже разбудил, она так поздно обнаружила мертвеца?

– Она вся в слезах, мастер Рэйш, – понизил голос один из стражей. – У леди Найттерли проблемы со сном, поэтому по вечерам она принимает снотворное. Спит крепко. Чаще всего до позднего утра. Но просыпается примерно в одно и то же время, так что муж обычно приносил ей завтрак в постель. В это утро леди его не дождалась, поэтому и забеспокоилась. Еще она утверждает, что они с мужем вели тихую и незаметную жизнь. Ни с кем в последнее время не ссорились, судебных тяжб не затевали, большими средствами, чтобы ради них пойти на преступление, не владели... у них вроде как нет врагов. Да еще таких, чтобы решились на столь заковыристый способ убийства.

Я задумчиво кивнул – чтобы вывести из строя даже простенький охранный артефакт, нужны весьма специфические знания и еще более специфические навыки. Магов-артефакторов даже в столице сравнительно немного и каждый из них ценится на вес золота. Таким людям просто нет резона подставляться по мелочам. А представить, чтобы милая семейная пара, проживающая в небедном, но все же не престижном квартале столицы, вызвала пристальный интерес серьезных криминальных структур, как-то затруднительно. Хотя, конечно, чего только в жизни не бывает.

– А кем работал господин Найттерли, вы, случайно, не выяснили?

Забывчивый стражник снова зашуршал страницами блокнота:

– Лет десять назад он слыл весьма неплохим резчиком по дереву и, по словам супруги, даже выполнял заказы для аристократов. Благодаря ему пара не бедствовала, хотя полноценной семьи у них так и не получилось. Детей у четы Найттерли не родилось, приемыша они взять не рискнули, поэтому после того, как муж отошел от дел, они доживали жизнь в одиночестве. Леди когда-то работала горничной у одной состоятельной пары, но уже лет сорок, выйдя замуж за известного в городе резчика, ни в чем не нуждалась.

– Подозрительные связи? Визитеры? Ночная активность?

– Соседи ничего плохого за ними не замечали. Хозяева дома жили уединенно, но вполне по средствам, больших трат себе не позволяли и деньгами не сорили. О них отзываются как о добропорядочных гражданах. А если и стал господин Найттерли подслеповат на старости лет, так с кем не случается. Ему ведь далеко за шестьдесят... мм... было.

Пока мы беседовали, из-за угла дома вышла Триш и отрицательно качнула головой. Значит, подозрительных следов на темной стороне нет.

А вот и копыта за углом зацокали. Значит, скоро за дело возьмется Лиз, и только после этого мы сможем осмотреть тело.

Ну так и есть – не успел я подумать о молодежи, как с соседней улицы вывернул служебный кеб и всего через несколько ударов сердца остановился напротив дома номер десять. Триш, встретив коллег, коротко с ними переговорила. После чего я всех их отправил внутрь. Пусть работают. А потом сравним, у кого информация точнее.

Забывчивого стражника и его приятеля я отпустил через четверть свечи, когда выяснил все, что хотел. К тому времени Лиза уже закончила с телом, а остальные успели собрать показания у хозяйки дома и двух немолодых слуг, которые приходили лишь в дневное время, поэтому не видели момента смерти хозяина, зато подтвердили, что за эту ночь в доме ничего не пропало.

– Ну что, мальчики и девочки? – осведомился я, когда место преступления было описано, свидетели опрошены, а тело в прихожей дважды осмотрено. Причем самым тщательным образом.

Наши маги озадаченно почесали в затылках.

– Похоже, смерть не криминальная, – ответил за всех Тори. – След хозяина дома мертвый, но он спокойный. Не такой, как бывает при насильственной смерти.

– Охранительный амулет исправен, – подтвердила слова дежурного мага Триш. – Он действительно пуст, но сам заряд держит отлично, и сбоев в его работе я не отметила.

– Следов пребывания в доме посторонних лиц тоже нет, – согласилась Лиза. – А смерть господина Найттерли произошла от воздействия экстремально высокой температуры и болевого шока.

– Он умер почти мгновенно, – снова вмешался Тори, не дав коллеге закончить. – Цепочка свежих следов на темной стороне всего

одна и принадлежит хозяину дома. Сюда даже гули не успели наведаться. А криминальная смерть, окрашенная эманациями боли и страха, всегда привлекает множество низшей нежити.

Лиз сердито на него покосилась:

– Исходя из того, что мы узнали, наиболее вероятно, что это была трагическая случайность: господин Найттерли по утрам часто выходил на улицу. Супруга не одобряла, когда он курил дома, поэтому, пока она спала, он нередко выбирался на крыльцо. И скорее всего этим утром поступил точно так же. Поскольку амулет исправен и успешно прошел даже углубленную диагностику, которую Тори провел совместно с мастером Триш, следует предположить, что пожилой мужчина, не маг, да еще страдающий от потери зрения, случайно активировал артефакт, что и стоило ему жизни.

Я снова задумался, когда коллеги выжидательно на меня уставились.

– Триш, мощь амулета позволяет нанести такие повреждения человеку?

– Вполне.

– Лиз, как ты считаешь, подгадать со временем и взорвать амулет, находясь при этом на улице, возможно?

Девчонка покачала головой:

– Исключено, мастер Рэйш. Амулет был зачарован на ауру господина Найттерли. Только он мог его активировать и только он же мог его отключить. Снаружи, тем более постороннему лицу, это не удалось бы сделать. Амулеты такого типа примитивны, но привязка к ауре делает их абсолютно надежными в этом плане.

– То есть вы хотите сказать, что господин Найттерли убил себя сам?

– Случайно, – согласилась Триш. – На самоубийство это не очень похоже.

– Супруга согласилась с вашими доводами? – поинтересовался я.

И вот тут-то ребята смогли меня удивить.

– Да, – торжественно заявила Лиза. – Она не знала последовательности знаков для активации и дезактивации охранного амулета на входной двери. А если бы и знала, то все равно не смогла бы ими воспользоваться. Зато она сообщила, что в последние несколько недель у ее пожилого супруга стало совсем плохо с

памятью, так что он начал частенько забывать нужную комбинацию рун на амулете. Ему пришлось даже записать ее на листочке, чтобы не возиться по утрам с дверью слишком долго. Леди показала нам этот листочек. Раньше он хранился на полочке в прихожей, чтобы можно было легко достать. Но этим утром мы нашли его на полу. Перед дверью. В щели между половицами. Вероятно, когда господин Найттерли впотьмах добирался до двери, желая, как обычно, покурить на крыльце, он сослепу выронил подсказку и не смог ее найти. Будить жену ради такой мелочи он, наверное, не захотел. Вызывать в такую рань мага – тем более. Поэтому скорее всего попытался набрать комбинацию по памяти и ошибся в одном из знаков, что и привело в итоге к непроизвольному срабатыванию. Амулеты подобного типа не имеют надежного предохранителя, поэтому они такие дешевые. Хозяйка дома уже неоднократно советовала супругу приобрести более удобный в обращении артефакт, но тот постоянно откладывал покупку. Как результат, смерть господина Найттерли была непреднамеренной. Даже, я бы сказала, нелепой. Но ничего криминального в ней нет, так что имеет смысл передать дело городской страже.

Я молча кивнул: это было похоже на правду. Но ради успокоения совести я все-таки не поленился и своими глазами оглядел злополучный коридор на первом этаже. Затем прошелся по мертвому следу. Осмотрел окна, заднюю дверь, хозяйскую спальню, не особенно хорошо спрятанный тайник в несущей стене второго этажа. Само собой, сходил на темную сторону, еще раз все там проверил. Наконец внимательно осмотрел тело и пришел к выводу, что молодежь дала верное заключение. И только после этого отдал приказ сворачивать следственные мероприятия.

Отписываться за этот случай нам, правда, пришлось по полной программе, чтобы передать дело в городскую стражу, так сказать, красиво. Но Триш сама вызвалась заполнить за меня дурацкие бумажки, а я потом только подпись поставил, предварительно убедившись, что она все написала правильно.

– Мастер Рэйш, а давайте мы пока не будем говорить Йену про темные тропы? – шепотом попросила она, когда я расщедрился на похвалу. – Я не очень хорошо их переношу, а муж у меня такой нервный.

Я пожал плечами:

– Если не спросит, не скажу. Какой смысл лишний раз его расстраивать? Но и врать, если что, не буду.

– И не надо, – улыбнулась магичка. – Вы и без этого умеете так играть словами, что в них иногда очень сложно поверить. Даже в том случае, если вы говорите правду.

– Угу. Богатый опыт в верльском Управлении сыска сказывается. У Йена, между прочим, научился.

Триш удивленно округлила глаза:

– Вы шутите, мастер Рэйш?

– С таким занудой, как Йен, чему только не научишься, – доверительно сообщил я, забирая с вешалки шляпу и плащ. – Так что мотай на ус. Может, и тебе однажды пригодится. Вдруг он на старости лет и дома с тебя отчеты начнет требовать? Ну там, во сколько мусор вынесла? Всю ли посуду помыла, по каким дням собираешься исполнять супружеские обязанности...

Триш, не сдержавшись, расхохоталась, а я, нахлобучив шляпу и накинув на плечи выдавший виды плащ, отправился домой. Отдыхать. Благо рабочий день почти закончился.

...Глава 3 ...

– Вот скажи мне, Рэйш, – проворчала Хокк, с аппетитом уплетая ароматное мясное рагу. – Мы живем с тобой в одном доме, работаем в одном Управлении, наши кабинеты находятся на одном этаже почти рядом, но почему-то вижу я тебя только за ужином. И то не каждый день. Как так получается, не подскажешь?

Я отложил столовые приборы и мазнул по невольной сожительнице рассеянным взглядом. Рабочий кожаный костюм она сменила на простой домашний халат, влажные волосы откинула назад, не стесняясь продемонстрировать безобразный шрам на лице... Она, правда, и раньше не боялась показывать след, оставленный ей на память умруном, но за последние месяцы я так привык к этой картине, что даже замечать его перестал.

– Рэйш? – насупилась напарница, не услышав ответа. – Ты вообще меня слышишь?

– Все просто: наша с тобой пространственно-временная связь не отличается постоянством и не позволяет пересекаться в иных плоскостях, за исключением тех, что ты только что озвучила.

Хокк от неожиданности даже жевать перестала и воззрилась на меня, как на пятиногого и двухвостого пса с одним глазом, тремя ушами и четырьмя рогами на макушке.

– Чего?

– Говорю, что видимся мы так редко ввиду особого режима работы и того неоспоримого факта, что нам приходится выезжать на разные дела. По вечерам в выходные я обычно занимаюсь с Робертом. По будням – с Йеном, с Триш и с тобой. Через день. Иногда реже, если Йен задействует кого-то из нас в особо заковыристом деле. Что с того?

Хокк отмерла:

– Ничего. Просто это странно, не находишь?

– А ты хотела бы, чтобы я уделял тебе больше внимания?

Под моим взглядом магичка вздрогнула и едва не отшатнулась.

– Нет, конечно!

– Тогда мне непонятно, чем ты недовольна, – пожал плечами я и, промокнув губы салфеткой, поднялся из-за стола.

Хокк от такого заявления настолько опешила, что не сказала ни слова, пока я неторопливо покидал столовую. Но когда я поднялся на второй этаж и уже находился на полпути к кабинету, у нее в голове что-то щелкнуло. А следом донесся грохот отодвигаемого кресла и возмущенный вопль на весь дом, от которого задрожали стекла:

– Рэ-э-эйш! Это что ты сейчас имел в виду?!

– Ну вот почему с женщинами так сложно? – пожаловался я беззвучно скользящему рядом дворецкому. – И почему от них всегда столько шума?

– Рэйш, не смей меня игнорировать! – снова донеслось громогласное снизу. – Я задала тебе вопрос!

Я вздохнул:

– И после этого она спрашивает, почему мы редко видимся?

– Мм. Хозяин, – осторожно кашлянул Нортидж, – может, вы это... как-то помягче с леди, что ли?

– Рэйш!!! – в третий раз гаркнула из холла рассерженная донельзя «леди».

Я выразительно покосился на поежившегося призрака.

Признаться, порой я сожалел, что позволил Хокк временно пожить в своем доме. Конечно, не по простой прихоти Корн навязал мне такую напарницу. Да и заниматься с ней на заднем дворе было проще, чем каждый раз пешком тащиться на полигон или натаскивать леди в присутствии посторонних на территории ГУССа. Но после первых успехов и особенно после того, как Хокк стабилизировала дар и научилась видеть во Тьме хотя бы на триста шагов, что-то пошло не так. Хокк стала раздражительной. Требовательной. Эмоционально нестабильной. Периодически забывалась и начинала вести себя так, словно я ей чем-то обязан. Пыталась устанавливать в моем доме свои порядки. И буквально взрывалась, вот как сейчас, хотя, по-моему, я ничего обидного не сказал.

При этом магичкой она была способной. С нагрузкой справлялась. Не ныла по пустякам, не жаловалась на боль, слабость или женское недомогание. Если было нужно, могла работать сутками напролет и без единого возражения брала на себя всю бумажную работу, как и пообещала, когда я только-только взял ее на обучение.

Будь она для меня только напарницей, я бы назвал ее идеальной спутницей и без преувеличения превосходным партнером. Как маг она была надежной, грамотной, собранной. И что немаловажно, умела вовремя остановиться. Но в быту, как выяснилось, Лора кардинально менялась, умудряясь на пустом месте придумать такую кучу проблем, что я уже всерьез подумывал снять стазис со второго этажа, чтобы переселить ее туда и не встречаться даже за ужином.

– И все-таки вы бы полегче, мастер Рэйш, – с сожалением вздохнул Нортидж, когда мы зашли в кабинет. – Женщины, они ведь ласку любят, заботу, внимание, а вы с ней как с солдатом.

– Он пришла ко мне учиться, – буркнул я. – И пока ученичество не закончится, она и будет солдатом. Я не смешиваю личное с работой.

– И похоже, от других ожидаете того же, – едва слышно уронил дворецкий, заставив меня поднять на него глаза.

– Что ты сказал?

– Ничего, хозяин. Просто мысли вслух. Простите. Не желаете ли примерить новый камзол?

Я помолчал, внимательно изучая откровенно занервничавшего духа, но потом вспомнил о завтрашнем мероприятии и без особой охоты кивнул:

– Неси.

Призрак с облегчением испарился, а чуть позже в дверь робко поскреблись две горничные, которым Нортидж поручил заняться переделкой моей одежды.

Надо сказать, камзол особого энтузиазма у меня не вызвал. Такое впечатление, что девушки нашили на него все золотые нити, рюши и кружева, что только нашлись в доме. Единственное, что меня устроило, – это материал и цвет: глубокий черный бархат выглядел более чем достойно. Но строгий покрой и благородную красоту наряда напрочь испортило обилие украшений.

– Отпарывайте, – велел я, когда девушки приладили на место переделанные рукава и прикрепили карманы иголками. – Все это... золото, кружева... убирайте к демонам.

Горничные дружно ахнули:

– Как можно, хозяин?! Всю красоту испортить!

– Убрать, – непреклонно повторил я, окинув камзол критическим взглядом. – Если увижу хоть одну золотую финтифлюшку, во дворец

отправляюсь в шляпе и плаще.

Служанки захохали, завохтели и так, с причитаниями, уволокли недошитый камзол. Из коридора еще долго доносились их жалобные стенания, что «так не положено» и «новый хозяин честь рода совсем не бережет». Потом их, правда, оборвал строгий голос дворецкого, но плач, трагическое перешептывание и горестные вздохи раздавались в доме до самого утра. А то, может, и весь следующий день, который мне, как назло, довелось провести в нескончаемой беготне.

Четыре кражи подряд, одно-единственное заурядное убийство и целый ряд мелких правонарушений заняли все мое время до обеда. Затем, как и обещал, я наведаясь в Белый квартал и совершенно официально забрал из родительского дома своего единственного ученика, которого мне с рук на руки передала чем-то изрядно недовольная мать. Мне даже показалось, что леди Искадо сделала это не слишком охотно и вообще не особенно поддерживала решение супруга об ученичестве. Тем не менее Роберта я все же забрал, выслушал от него сбивчивые оправдания за вчерашнее поведение. Убедился, что мальчик все понял правильно, и со спокойной душой оставил его с Мэлом.

После этого времени осталось лишь на то, чтобы привести себя в порядок, обрядиться в тщательно выглаженный и по-военному строгий камзол, при виде которого на лицах слуг появилось совсем уж похоронное выражение. По их общему мнению, я бессовестно испортил внешний вид и безнадежно загубил свою и без того невеликую репутацию. А на мою верную шляпу они вообще покосились, как на врага народа. Шторм, поддавшись всеобщему настроению, даже уволок ее на темную сторону и спрятал под диваном. Но ругать его я не стал. Вместо этого прикрыл глаза и ненадолго призвал Тьму, обратившись к ней с не совсем обычной просьбой.

Моя Тьма, как оказалось, знала толк в красоте. Более того, не отказала в любезности и в считанные мгновения раскрасила бархат тонкими стежками инея, превратив простое черное полотно в эффектное, строгое и изысканное по своей простоте одеяние.

Слуги, увидев преобразившуюся одежду и убедившись, что их хозяин не заявится к королю в однотонном камзоле, как какой-то нищелюб, с невыразимым облегчением выдохнули. Я удовлетворенно

кивнул. И, оттолкнув от себя возбужденно сопящих псов, перешел на темную сторону. Успев в последний момент заметить мелькнувшую в столовой знакомую ауру и мысленно посетовать, что перед уходом не проверил дом на предмет посторонних лиц.

Во дворец я, естественно, явился по темной стороне, проскочив созданную в незапамятные времена защиту по нижнему слою. В реальный мир перешел в глубокой нише одного из дворцовых коридоров, оставив после себя тонкий слой инея на изысканно украшенных стенах. Убедившись, что рядом никого нет, выскользнул из-за тяжелой шторы. Без особого труда добрался до зала приемов, а у самого входа смешался с толпой и, отыскав по ауре стоящего в сторонке Корна, неслышно возник у него за спиной:

– Привет, шеф. Скучаете?

Светлый от неожиданности едва не подпрыгнул:

– Рэйш?! Да Фола тебе в душу...

– Тсс, – с укором посмотрел на него я. – Зачем же так нервничать? На нас и так уже оборачиваются.

И правда, в кругу богато одетого народа, где сплошь виднелись породистые аристократические мужские морды и разной степени надменности женские личики, на нас тут же обратили внимание. Правда, под раздраженным взглядом начальника столичного ГУССа количество любопытствующих быстро сократилось. И теперь на нас изучающе косились лишь те, кто успел услышать мою фамилию, и те, кто по статусу мог себе позволить такую роскошь.

– Где ты был? – процедил шеф, любезно улыбнувшись проходящей мимо престарелой даме, чья дряблая шея просматривалась даже сквозь обилие баснословно дорогих побрякушек. – Королевский посыльный подходил уже дважды! Ты что, опять проскочил мимо парадных дверей?!

– Зачем мне лишняя огласка? – резонно заметил я и, выловив еще несколько настороженных взглядов из толпы, на всякий случай отступил в тень. – Надеюсь, нам не придется идти в зал приемов вместе со всеми? Король ведь не собирается расспрашивать нас о первохраме на виду у толпы лизоблюдов?

Корн поискал кого-то глазами, после чего едва заметно кивнул и развернулся:

– Нет. Нас уже ждут. Идем.

Следом за шефом я обогнул толпу собравшихся у раззолоченных дверей придворных и, нырнув в соседний зал, увидел неприметную, почти сливающуюся со стеной и удачно сокрытую магией дверку. Рядом с ней нас с коротким поклоном встретил такой же неприметный человечек в совершенно простой и непритязательной одежде. Он же снял с потайного хода магическую завесу. Внутри человечек юркнул первым, затем в открывшемся узком проходе исчез Корн, последним зашел я, после чего дверь бесшумно закрылась, а поверх нее легла все та же завеса, благодаря которой далеко не каждый маг сообразит, что в этом месте есть дополнительный коридор.

Идти пришлось довольно долго. Несколько раз слуга менял направление и переходил из одного перехода в другой. Однако через четверть свечи мы все-таки вышли в один из пустынных, но уже вполне официальных дворцовых коридоров, после чего слуга остановился перед очередными дверьми и снова изобразил короткий поклон.

– Прошу вас немного подождать, господа.

Не дожидаясь ответа, человечек проворно исчез за дверью. Корн едва слышно вздохнул, а потом вдруг одарил меня свирепым взглядом:

– Давай только без твоих обычных шуточек, Рэйш. Сегодняшняя аудиенция может стоить тебе карьеры.

Я не стал заверять шефа, что карьерой как раз не дорожу. Зачем расстраивать человека? Особенно когда он и так на взводе.

– Прошу вас, господа, – бесшумно появился из-за двери все тот же человечек. – Ее величество готова вас принять.

Я вопросительно уставился на Корна: что за дела? Мне отчего-то казалось, что мы идем совсем на другую встречу.

Светлый ответил еще одним свирепым взглядом, после чего я счел за лучшее промолчать и следом за ним вошел в услужливо распахнутую дверь.

Ладно. Посмотрим, что там и как. Хотя, конечно, второй подставы я от шефа не ждал. Надо же... королева! И какого, спрашивается, демона ей от меня понадобилось?

Помещение, в которое нас пригласили, оказалось совсем небольшим. Этакая малая гостиная, обставленная, впрочем, с воистину королевским шиком. Дорогая мебель, искусная вышивка на

разбросанных тут и там крохотных подушечках. Блеск золота, приглушенный царящим в комнате полумраком. Драгоценные безделушки по углам. Воистину фантастическая мозаика на каменном полу и роскошный шерстяной ковер, практически целиком закрывающий это цветное великолепие.

На небольшом диванчике у дальней стены нас встретила женщина. Со вкусом одетая. Ухоженная. Белокурая и голубоглазая, как большинство представителей столичной аристократии. Аккуратно завитая. Столь же аккуратно покрашенная. И привлекательная той неброской, зрелой красотой, от которой умная женщина только выигрывает.

Сколько лет исполнилось ее величеству Луаре, первой и единственной супруге Ринорка Шестого, я сказать затрудняюсь. Десять лет назад мне как-то не довелось с ней близко познакомиться, а с тех пор она, вероятно, еще и изменилась. Правда, было видно, что за внешностью первой леди королевства тщательно следили не только умелые целители, но и знающие толк в макияже специалисты. Поэтому молодой я бы ее не назвал, однако и старой окрестить бы поостерегся.

Когда внимательный, острый как бритва взгляд королевы остановился на нас, мы с Корном одновременно поклонились.

– Рада вас приветствовать, господа маги, – глубоким, на удивление низким бархатным голосом произнесла ее величество, а затем едва заметно повела глазами в сторону стоящих неподалеку кресел. – Вы можете присесть.

Мы так же молча повиновались.

– Некоторое время назад до меня дошла информация, что главный храм в Алтории был полностью восстановлен, и алтари по всей стране вернули силу, – тем же потрясающим голосом продолжила ее величество. – А также о том, что вы двое имели к этому самое прямое отношение. Верно ли это, милорд Корн?

Шеф смиренно склонил напомаженную голову:

– Так точно, ваше величество.

– Я хочу знать подробности, – потребовала королева. – С отцом настоятелем мы уже пообщались, о данной вами клятве мне тоже известно, поэтому я прошу поделиться со мной деталями, которые вам

дозволено будет сообщить, не нарушая обещания, данного пресветлому Роду и остальным богам.

Я с интересом взглянул на первую леди и почти не удивился, когда моя Тьма на мгновение высветила на ее лбу символ верховного светлого бога. Магией, правда, ее величество не владела, ее аура выглядела обычной, однако посвящение Роду – это очень ценный дар. А уж благословение бога ценно вдвойне, так что думаю, что не ошибусь, если предположу, что знаю секрет долголетия нашей королевы.

Интересно, почему темная ипостась Рода охотно делится со своими жрецами разными любопытными сведениями, а светлая оставила королеву в неведении? Есть какой-то запрет на выдачу подобных сведений нежрецам? Или ее величество недостаточно рьяно просила своего покровителя о милости?

Корн же тем временем и впрямь начал рассказывать нашу долгую эпопею с охотой на лжежнеца. Правда, аккуратно, искусно обходя скользкие и двусмысленные моменты и благоразумно опуская кровавые подробности. Я слушал и мысленно поражался. Понятно, конечно, что королеве не отказывают, но я не ожидал, что наш строгий шеф так охотно расстелется перед ее величеством.

Момент восстановления первохрама Корн упомянул очень коротко: случилось, и все. Мое участие, к счастью, тоже описал довольно скромно. Последний факт удивил меня уже приятно, а уж то, как грамотно шеф увел разговор в сторону от моих способностей, позволило перестать подозревать его в желании выслужиться. Когда же он вплотную приблизился к концу пространного монолога и кинул в мою сторону еще один предупреждающий взгляд, я уже сообразил, чего именно ожидает от меня начальство. Поэтому, едва ее величество обратила величественный взгляд в мою сторону, продолжил рассказ шефа, используя для этого все свои навыки, развитые за четыре года безупречной службы в УГС.

– Молодец, Рэйш, – усмехнулся шеф спустя почти три свечи, когда аудиенция у королевы закончилась и тот же неприметный слуга проводил нас обратно. – Даже я почти поверил, что ты ничего не сделал сам, а все это время бездумно служил разящей дланью Фола, который направлял тебя, скромного и послушного, от самого первого и до последнего мига. Дар он усилил тебе сам, то и дело давал

подсказки, лично помог отыскать первохрам, разве что стрелочки не повесил на крыши домов, чтобы ты, не дай Род, не промахнулся. А заодно обязал жрецов оказать всю посильную помощь. Вовремя предупредил о готовящихся убийствах. Даже оружие вложил тебе прямо в руки, опасаясь, что без него такой криворукий и косоглазый маг ни за что бы не сообразил, что ему делать!

– Я не сказал ее величеству ни слова неправды, – с достоинством отмел я необоснованные инсинуации. – И вообще, вы же читали мой рапорт: там написано то же самое.

– Да уж читал. И даже поразился твоему таланту освещать в нужном свете малоприятные для тебя события. Этому теперь на окраинах учат, да? Какая-то особая методика составления рапортов, которую нежданно-негаданно освоили в провинциях? Я прямо задумался, а не напроситься ли и мне на стажировку в ваш загадочный Верль? Полагаю, это самым положительным образом скажется на моем умении составлять для вышестоящего начальства правдоподобные отчеты.

– Вам-то как раз грех жаловаться на отсутствие таланта, – хмыкнул я, на всякий случай поглядывая по сторонам как в реальном, так и в потустороннем мире. – С ваших слов и вовсе выходило, что ГУСС исключительно собственными силами разрешило опасную ситуацию и с честью спасло столицу от опасного маньяка. Разве что в восстановлении божественных статуй вы не принимали деятельного участия, но лишь потому, что гадкий Рэйш пожелал снять все сливки сам и не позволил вам поучаствовать в этом богоугодном деле.

Корн от моего нахальства аж позеленел:

– Р-рэйш...

– Мне другое непонятно. – Я сделал вид, что не заметил его недовольства. – Почему допрос нам сегодня устроила королева? Причем весьма профессионально устроила. Мне почему-то казалось, что ее интересы лежат несколько в иной плоскости. Менее приземленной, так сказать.

– Ты что, совсем за светскими новостями не следишь?

– Нет. А должен?

Шеф на мгновение обернулся, одарив меня непонятым взглядом, а потом досадливо сморщился:

– Пойдем. Думаю, тебе стоит это увидеть.

Искренне недоумевая, я следом за Корном вернулся ко входу в зал приемов, толпа возле которого заметно поредела за время нашей беседы с ее величеством. Не потому, что народ ушел. Отнюдь. Просто к нашему возвращению двери зала были распахнуты настежь, поэтому снаружи остались самые нерасторопные и невезучие.

Внутри же, как и следовало ожидать, людей собралось – тьма-тьмущая. В дальнем конце огромного помещения, уместив костлявое седалище на огромный трон, возвышался собственно монарх. Как и положено, в роскошной алой мантии и в сверкающей бриллиантами короне на голове. Перед ним, низко склонив голову, стоял какой-то вельможа. По-видимому, проситель. Его величество терпеливо слушал. От нас он находился на приличном удалении, но даже так я обратил внимание, насколько скверно выглядит повелитель. Он был какой-то слишком худой, даже, я бы сказал, высохший. С нездоровой желтизной на коже и бурыми пятнами на изможденном лице. Когда же я взглянул на него левым глазом, то гадать дальше стало бессмысленно – из Тьмы на меня смотрела мумия с пустым и равнодушным взглядом.

– И давно? – только и спросил я, убедившись, что Ринорк Шестой, которого я помнил крепким и жизнерадостным здоровяком, в ближайшее время собирается покинуть наш бранный мир. И ведь ему не так много лет, чтобы всеми силами стремиться на тот свет. Выходит, болезнь? Давний недуг, с которым не сумели справиться даже королевские маги?

Корн тяжело вздохнул и направился к выходу:

– Уже три года как целители ничего не могут сделать. Все это время страной фактически правит королева.

– А наследник?

– Ко всеобщему сожалению, пресветлый Род так и не одарил королевскую чету наследником мужского пола. У ее величества Луары за годы супружеской жизни родилось семь девочек, так что после смерти мужа ей придется стать королевой-консортом. До тех пор, пока ее старшая дочь не выйдет замуж и у нее не родится одаренный мальчик, способный взять на себя бремя королевской власти.

Я мысленно присвистнул.

Вот теперь все встало на свои места. Даже этот странный визит, подозрительно похожий на смотрины. И тот неоспоримый факт, что в сегодняшнем разговоре ее величество настойчиво пыталась понять,

насколько силен после обретения богами вместилищ стал жреческий Орден. Почему она так интересовалась моим мнением об отце настоятеле Гоне и благосклонно кивнула, когда я совершенно искренне сообщил, что бесконечно уважаю этого человека.

Интересно, амулет правды у нее был с собой или нашу беседу просто записали на кристаллы?

Посторонних аур рядом с гостиницей я не увидел. Однако обилие всевозможных артефактов позволяло думать, что где-то между ними мог затеряться и какой-нибудь не особенно приметный, но весьма полезный амулет. А то и еще какие-нибудь маготехнические штучки, разработанные спецами лорда Искадо. Кто знает, до чего дошел прогресс? Может, они и на разум уже влиять научились?

Правда, в сложившейся ситуации Луаре можно было только посочувствовать. Тащить на своих хрупких плечах заботы целого королевства далеко не каждая женщина сможет. Особенно если она не магичка. И особенно сейчас, когда храмовники внезапно получили карт-бланш, а хрупкое равновесие между мирской властью и властью жрецов могло серьезно пошатнуться.

Небось и с отцом Гоном Луара встречалась именно по этой причине – убедиться, что подвоха от него ждать не стоит. Услышать, что его братья по вере, как и раньше, всецело поддерживают королевскую династию. Со смертью Ринорка Шестого в стране обязательно начнутся волнения – где явные, а где не очень. И в этой связи подлянка от жреческого Ордена была бы совсем некстати. Но даже с учетом того, что отец Гон наверняка заверил королеву в своем добром отношении и в том, что Орден не заинтересован в гражданской войне, спецотделу дворцовой стражи все равно придется из кожи вон вывернуться, чтобы не допустить дворцового переворота. Если, конечно, таковой все же планируется.

В то время как сама королева... что ж, она правильно захотела своими глазами взглянуть на человека, чьими усилиями Орден жрецов обрел такую власть. Хотя, на мой предвзятый взгляд, ей уже давно пора было начать привлекать сторонников. И ускоренными темпами искать для наследницы толкового мужа, который сможет защитить не только ее, но и будущего короля.

От Корна я отстал сразу, как только мы завернули за угол, и светлый целеустремленно порысил к выходу. Обсуждать с ним недавний разговор я был не готов. Строить какие-то предположения, не поговорив с отцом настоятелем, было ни к чему. А просто так трястись в экипаже мне показалось бесполезной тратой времени. Поэтому я вернулся в малопосещаемую часть дворца, откуда недавно пришел, и без задней мысли отдернул тяжелую штору, за которой пряталась удобная во всех отношениях ниша.

Каково же было мое удивление, когда оказалось, что ниша уже занята. Причем не бесстыдной парочкой, ищущей уединения. Нет. Когда я отдернул плотную ткань, изнутри на меня настороженно уставилась на редкость красивая девушка, в серо-зеленых глазах которой всего за миг промелькнула целая гамма эмоций – от мимолетного испуга до мрачной решимости.

Хм. Похоже, в свойственной магам благородной рассеянности я опять забыл проверить место вероятного выхода на темную сторону. Но мне, если честно, даже в голову не пришло, что в этом крыле кому-то может понадобиться укрытие.

Девушка тем временем отпрянула к стене, уставившись на меня, как пойманная в клетку дикая кошка. Кулачки ее сжались, во всем теле появилось напряжение, как если бы она действительно подумала, что со мной надо будет драться. Я еще успел с досадой подумать, что, похоже, придется воспользоваться другой нишей или уйти во Тьму с ближайшего балкона, где будет не так заметен выпавший на полу иней. Однако прежде, чем я успел извиниться и отступить, неподалеку послышался топот множества ног и зазвучали голоса:

- Где она?!
- Вы ее нашли? Нашли?!
- Попробуйте отследить ауру! – наперебой заголосили стремительно приближающиеся люди. Причем я успел услышать и

мужские, и, что самое странное, женские голоса. Одинаково встревоженные, а некоторые и изрядно раздраженные.

Я вопросительно приподнял одну бровь, молча изучая сжавшуюся в углу незнакомку. Запоздало опознал в ней весьма неплохую магичку. Светлую. Судя по цвету ауры, скорее всего целительницу. Удивился еще больше. Но в этот самый момент в глазах девчонки промелькнула досада, после чего леди бесцеремонно цапнула меня за воротник и буквально втащила внутрь, успев так же проворно задернуть плотную штору.

– Молчите! – прошипела она, требовательно посмотрев на меня снизу вверх. – Если вы здесь случайно, то будьте благоразумны, мастер... простите, не знаю вашего имени...

Голоса тем временем раздались совсем близко. По каменному полу зашуршали длинные платья. Судя по шуму, настойчивые гости обшаривали все близлежащие помещения, хлопая дверьми, активно переговариваясь и не гнушаясь даже двигать тяжелые кадки с цветами.

Интересно, у меня тут, случаем, не шпионка укрылась под боком?

Я прищурился, изучая бледное, на удивление правильное лицо с широко распахнутыми глазами. Прическа совсем простая, явно сделанная на скорую руку. Такое же простое, явно не для королевского приема сшитое платье. Украшений в крохотных ушках, на изящных пальчиках и тонкой шее нет совсем. Минимум косметики. Никакого парфюма. А исходящий от копны золотистых, слегка растрепанных волос запах свежести свидетельствовал о том, что девушка красива абсолютно естественной, природной красотой, которую почти не стремилась приукрасить. Этакая юная фея, особое очарование которой придавал необычайно развитый магический дар.

Правда, строгий взгляд и прикушенная губа несколько не вязались с образом феи. Но этим-то леди меня и заинтересовала. Ее поведение, как и столь скромное одеяние, было нехарактерно для постоянной обительницы королевского дворца. Но ни на воровку, ни на шпионку, ни тем более на убийцу она не походила. Такая же светлая и чистая, без единого пятнышка аура наглядно свидетельствовала, что в страшных грехах девчонка не повинна. Поэтому я счел возможным слегка ей подыграть и укутал нас обоих легчайшей вуалью Тьмы, под которой даже лучшая в мире ищейка не смогла бы опознать наши ауры.

– Спасибо! – едва слышно выдохнула девушка, с облегчением уткнувшись лбом в мое плечо. – Вы просто жизнь мне спасаете!

Я хмыкнул, одновременно прислушиваясь к раздающемуся снаружи шуму:

– Вообще-то я спасаю себя.

– Да? С чего бы это? – с нескрываемым подозрением переспросила леди и быстро отстранилась, а в ее глазах вновь промелькнуло сомнение. – Вы что-то натворили? А может, шпионите против короля? Я сейчас позову стражу! – совершенно нелогично закончила свою эмоциональную речь незнакомка.

Я успокаивающе поднял ладони:

– Не надо никого звать. Это не в ваших интересах. К тому же я нахожусь здесь совершенно официально. Просто не люблю привлекать внимание и всерьез опасаюсь, что вы, леди, можете меня скомпрометировать.

Ответом мне стал совершенно бесподобный взгляд на растерянно вытянувшемся личике.

– Что-о?! Я скомпрометирую *вас*?!

– А как же, – с самым серьезным видом подтвердил я и осторожно выглянул в щелку. – Мы, темные, существа жуткие, холодные и неприступные. И если меня застанут с вами наедине, то моей репутации будет нанесен жестокий удар. А этого ни в коем случае нельзя допустить.

Леди издала какой-то неопределенный звук, но когда я так же осторожно вернул штору на место и обернулся, то обнаружил, что вместо злости или раздражения на лице незнакомки расцветает совершенно бесподобная, полная неподдельного веселья улыбка.

Внезапно совсем рядом раздался резкий звук отдергиваемой занавески, и улыбка тут же погасла.

Кажется, преследовали добрались до балкона?

– Здесь никого нет, – с нескрываемым разочарованием сообщила какая-то молодая и, судя по тону, крайне рассерженная дама. – Ири, посмотрите в альковах! Не волнуйтесь, милорд! Далеко она уйти не могла! Мы обязательно отыщем мерзавку, которая осмелилась вас ударить! Если это одна из моих подчиненных...

Я насмешливо покосился на замершую девушку.

И кого из гостей она успела ударить? А главное, за что?

– Он пытался меня облапать! – яростно прошипела фея. – А теперь, понимаешь ли, жалуется на пощечину!

Хм. Так вот в чем дело. Похоже, одному из посетителей приглянулась хорошенькая девчонка, и некий милорд, недолго думая, решил к ней подкатить. Принял за служанку, наверное? Нашел ее наряд чересчур простым для благородной дамы и дал волю рукам?

Теперь понятно, отчего поднялась такая суматоха и почему обидевшая высокопоставленного гостя девушка решила спрятаться от чужих глаз.

Когда я усмехнулся, она слегка покраснела, одновременно заматавшись взглядом по сторонам. Но тут возле самой ниши раздались тяжелые шаги, и «шпионка» замерла, видимо, решив, что за допущенную оплошность ее сейчас арестуют. Может, во Тьму ее увести, чтобы никто не нашел?

Не успел я додумать последнюю мысль, как на лице девушки вновь проступила знакомая решимость. После чего она повторно ухватила меня за воротник, а затем привстала на цыпочки и, обвив руками мою шею, неумело, но на удивление крепко поцеловала.

За десять лет я настолько отвык от таких вещей, что прикосновение горячих губ стало своеобразным шоком. И для меня, и для живущей внутри Тьмы. С обычными людьми я уже давно перестал здороваться за руку. Со светлыми магами, кроме Лиз, Корна и Херьена, плотно не контактировал. Ни к кому, кроме своих, темных, старался не прикасаться. И до сегодняшнего дня меня это абсолютно устраивало.

Но эта девушка...

Когда наши губы соприкоснулись, меня словно обдали кипятком. По крайней мере, первое впечатление было именно таким. Казалось бы, всего лишь девчонка... но хлынувшая из нее магия опалила горло бешеным жаром. Живущая во мне Тьма поражено отпрянула, а затем ошетинулась, из-за чего я непроизвольно замер, опасаясь, что могу навредить незнакомой леди.

Впрочем, ее свет почти сразу погас. Моя Тьма так же внезапно успокоилась. И вот тогда мне стало хорошо. Не жарко – просто тепло. От щекощущего изнутри огня. От чувства покоя, которое он так неожиданно с собой принес. От близости тесно прильнувшей девушки.

Однако тот факт, что она не побоялась взять контроль над ситуацией, требовал немедленного вмешательства. Это было очень...

просто *очень* смело для незамужней леди. И почти позор для меня. И как для графа, и тем более как для темного мага. Поэтому инициативу я перехватил. На удивление быстро вспомнив прежние навыки, требовательно притянул девчонку к себе, а едва наметившееся сопротивление загасил ответным поцелуем.

Наверное, со стороны это выглядело нелепо: светлая магичка и темный маг... вот так легко и просто приняли в себя и ее жгучий свет, и мою непримиримую Тьму. Наверное, стоило отстраниться, оттолкнуть ее и остановиться самому. Но тут чья-то рука очень некстати отдернула закрывающую нас штору, и яркий свет из коридора больно ударил по глазам. Я непроизвольно зажмурился, так же машинально прикрывая девчонку собой. Сзади раздалось смущенное бормотание. Кто-то, помявшись, неловко кашлянул. После чего штора вернулась на место, в нише снова воцарился приятный полумрак, а грубоватый мужской голос снаружи бодро отрапортовал:

– Здесь чисто, милорд!

– Ищите дальше! – скомандовал незнакомый мужской и крайне раздраженный голос, после чего шум раздался немного в стороне. Еще через пару томительно долгих ударов сердца настойчиво рыскающие по дворцу люди перешли в соседний коридор и стали постепенно удаляться.

Только после этого девчонка в моих руках обмякла.

Я запоздало отстранился, разрывая затянувшийся поцелуй, но на свободу незнакомка больше не рвалась. Оттолкнуть меня не пыталась. Только прерывисто вздохнула и, не поднимая глаз, прошептала:

– А говорите, что вы неприступный... и губы у вас совсем не холодные... разве что чуть-чуть... тогда как все остальное – неправда.

– Правда, – так же тихо возразил я, чувствуя себя более чем странно. – Но не вся.

– Той, что есть, мне вполне достаточно. Вы не могли бы меня отпустить?

Я послушно разжал руки, и леди, оказавшись на свободе, снова вздохнула. На этот раз – с облегчением. После чего отступила на шаг, оправила складки длинного платья. Затем осторожно отодвинула штору, некоторое время изучала обстановку в коридоре. Но нашла ее вполне приемлемой и, обернувшись, добавила:

– Спасибо вам, мастер... к сожалению, все еще не знаю вашего имени.

– Вы и своего тоже не сказали, – напомнил я.

– Простите, но так, наверное, будет лучше.

Ее губы в третий раз тронула легкая улыбка, в которой мне отчего-то почудилась грусть, а затем леди выскользнула наружу и, шепнув напоследок: «Прощайте», быстро побежала прочь.

У меня после этих слов что-то неприятно царапнуло в душе.

Наверное, надо было что-то сделать. Или сказать? Может, догнать? Но тут на ближайшей стене проступила серебристая надпись: «Арт! Вернись! Ты нужен в храме!» А чуть позже прямо в голове раздался оглушительный вопль: «СРОЧНО!!!»

С досадой покосившись на плотную штору, за которой почти затихли звуки чужих шагов, я со вздохом отказался от мысли вернуть необычную девушку.

Она меня удивила. Можно даже сказать, шокировала. Ее свет и моя Тьма – все это было до крайности странно. Но Ал зря панику наводить бы не стал, поэтому я отступил, пару раз тряхнул гудящей башкой. И бесшумно растворился во Тьме, гадая, что такого страшного могло случиться в первохраме за то недолгое время, что я пробыл во дворце.

«Арт! Она проснулась!» – торжественно заявил Ал, стоило мне переступить порог храма.

Я озадаченно замер, но оживший алтарь был не на шутку взбудоражен и аж приплясывал на месте от нетерпения. Его поверхность ходила волнами. Временами зеркальная «кожа» то вспыхивала яркими искрами, то снова становилась матовой. Я его в таком состоянии видел всего один раз, когда у нас случились накладки со сборкой статуи Рейса. Но тогда мой «зеркальный» друг был серьезно обеспокоен, а сейчас – счастлив как никогда.

«Ты слышишь?! – гаркнул он, заставив меня непроизвольно поморщиться. – Она проснулась! Понимаешь, что это значит?!»

– Кто проснулся?

– Последняя частица, – мягко пояснил вышедший из-за статуи Рода отец настоятель. – Ал снова ее почувствовал.

Я помотал головой.

Да что ж такое-то? Башка совсем не работает. Стою, как дурак, пытаюсь понять то ли себя, то ли других, но упорно не могу собрать мысли в кучку.

– Так. Еще раз. Только так, чтобы я понял.

– Артур, ты что, пьян? – вдруг с подозрением уставился на меня жрец. – Или нет... погоди-ка... что творится с твоим даром?!

– А что с ним?

– Он... хм... кажется, стал еще сильнее. Хотя этим утром для столь резких перемен не было никаких предпосылок. Что с тобой произошло?

Я растерянно взъерошил волосы на макушке.

И правда: что? Мысли по-прежнему метались как бешеные. В глазах рябило, а сердце бухало так, словно внезапно забыло, что мы во Тьме и ему по идее вообще тут биться не положено. Говорите, дар стал сильнее? Охотно верю. После того, как меня обожгло светом, до сих пор не могу прийти в себя. А моя Тьма, так легко сначала уступив, вдруг опомнилась и теперь принялась рваться наружу, да еще с такой силой, что в храм я вошел, окутанный широким черным ореолом, словно проклятый Фолом жнец из старой легенды.

Это что, на меня поцелуй так одуряюще подействовал?!

Или же девчонка была еще и ведьмой?

– Артур? – обеспокоенно повторил отец настоятель, когда не услышал ответа.

Я отогнал ненужные мысли:

– Я в порядке. Так что у вас произошло?

Ал возмущенно булькнул, а жрец с еще большим подозрением меня оглядел и медленно проговорил:

– Помнишь список, составленный твоим учителем и мастером Нииро? Из тех десяти родов, которым было доверено возродить алтарь в алторийском храме, Ал до недавнего времени ощущал всего двух потомков тех жнецов: тебя и Роберта. Но сегодня проснулась третья частица, которая до недавнего времени, по-видимому, крепко спала. Ал ее почувствовал. И мы посчитали, что тебе необходимо об этом знать, ведь теперь найти ее стало вполне реально.

Я вздрогнул:

– Маори?! Хотите сказать?..

«Да, Арт, – радостно подтвердил алтарь. – Она проснулась. И ее надо срочно найти. Последняя божественная искра не должна пропасть, как остальные».

У меня в мозгах наконец наступило просветление, и после небольшого усилия я все-таки заставил мысли двигаться в нужном направлении:

– Так, понял. Когда это случилось?

– Только что, – улыбнулся отец настоятель.

– Только... Что?! Где?!

– Мы точно не знаем. Но точно в пределах столицы и скорее всего во дворце, хотя Ал не до конца уверен...

Я застыл словно громом пораженный, прислушался к недовольно бурлящей Тьме. Запоздало сообразил, отчего мне стало так тревожно. А потом громко и витиевато выругался.

– Артур, не смей сквернословить в храме!

– Простите, святой отец, – скороговоркой выдал я, под гневным взглядом жреца разворачиваясь и опрометью кидаясь к выходу. – Кажется, я знаю, кто является носителем последней частицы. Ал прав: ее надо срочно найти!

– Ее?! – воскликнул мне в спину отец Гон.

Я снова выругался.

Конечно! Кого же еще, если скрытый дар всегда носили в себе исключительно светлые магички?! Одну такую я совсем недавно встретил. Но если бы я сразу сообразил, отчего прикосновение к ней сделало мой дар таким неуравновешенным... Проклятье!

Выскочив на верхний слой темной стороны, я одним громадным прыжком вернулся во дворец и жадно оглядел пустую нишу.

Ал однажды обмолвился, что носители божественного дара притягивались друг к другу, как магниты. Сама судьба... а может, не она, а одна хорошо знакомая мне богиня сводила их вместе даже в том случае, если дар уже перестал быть скрытым. Вот отчего меня сегодня так обожгло! Вот почему одно-единственное прикосновение так быстро и надолго выбило меня из колеи! Это было не помешательство. Просто моя Тьма почувствовала в той девушке присутствие другой Тьмы. Точно такой же божественный дар, который с некоторых пор

таился и в моей крови! Скорее всего именно это и пробудило чужую частицу. Вывело скрытый дар незнакомки из состояния спячки. Для наследницы Маори это означало неизбежное обнаружение, а для меня... похоже, со мной сегодня случилось то же, что произошло с Хокк, когда я поделился с ней Тьмой. Взрыв. Резкое усиление магической основы, сравнимое по силе с эффектом проснувшегося вулкана.

Ну, где же ты?

Я отдернул шторы и проворно повернулся.

Где твой след? Времени ведь прошло совсем немного. Я должен его увидеть!

Но как я ни всматривался во Тьму, как ни рыскал взглядом по полу, на темной стороне не осталось ни одного даже самого крохотного отпечатка. Ни в самой нише, ни в коридоре. Так, словно неведомая сила успела тщательно его вымыть и надежно скрыть от моего взора те следы, что могла оставить загадочная незнакомка.

Хотя... она ведь магичка. Причем сильная и, наверное, толковая. И если она хотя бы в общих чертах представляет, что такое мастер Смерти... если знала о тайне своего рождения и действительно не хотела, чтобы ее нашли, то кто помешал бы ей оставить перед уходом пару крохотных заклинаний, после использования которых даже ищейка будет бессильна?

Шоттик в свое время именно так отделался от возможной погони. Времени на это и впрямь требовалось немного. Но я-то... я! Мне следовало прислушаться к своей Тьме сразу! Или хотя бы проверить нишу на предмет неучтенных заклятий, наличие которых еще тогда могло бы меня насторожить!

Едва не взыв от досады на собственный промах, я метнулся на темную сторону и еще раз обыскал все крыло в поисках беглянки.

Бесполезно.

Там, где я мог быть уверен, что найду именно ее след, ничего не осталось, кроме слабых, стремительно истаивающих отголосков какого-то хитрого заклинания. А в более посещаемых местах следов, в том числе и магических, обнаружилось столько, что в них пришлось бы полжизни разбираться, поминутно рискуя подорвать здоровье большей части придворных, слуг и приближенных короля.

Тьма!

А может, попробовать создать прямую тропу, как в свое время с Фолом?

Я пару раз глубоко вдохнул и выдохнул, заставляя себя успокоиться, после чего прикрыл глаза и попытался как можно точнее представить наследницу Маори.

Четкий овал лица... растрепанные золотистые локоны, один из которых как нарочно падает на лоб и закрывает насмешливо прищуренные глаза редкого для алторийцев серо-зеленого оттенка. Маленький прямой нос. Такие же маленькие ушки. Четко очерченные скулы. Немного грустная улыбка на изогнутых губах... я еще не успел забыть их вкус! Сперва горячие, способные сжечь мою плоть до костей. Затем – просто теплые. Еще через пару мгновений – уже податливые, мягкие, по доброй воле отданные мне на растерзание. И наконец запах... легкий, неповторимый, окружающий беглянку невидимым шлейфом... просто бесподобный аромат дремлющей внутри божественной силы, от одного касания которой можно сойти с ума...

Я искал ее почти полгода. С тех самых пор, как Ал сказал, что наследник Маори может быть жив и здоров. Перерыл все архивы ГУССа. Поднял родословные всех светлых магов, фамилии которых начинались на «м». Затем, не отыскав среди них ничего толкового, начал перебирать все светлые семьи подряд, носясь по столице бешеным зверем...

А тут она сама попалась мне в руки!

И я, дурак, ее упустил.

Более того, едва я нарисовал в уме картинку и потянулся к ней мысленно, как в груди что-то оборвалось, а тщательно прорисованный образ смазался и истаял.

Я попытался его восстановить, но снова потерпел неудачу: картинка больше не выстраивалась.

Что это? Естественная защита носителя скрытого дара? Какая-то неизвестная магия? Особое умение, которым светлая магичка могла быть одарена от природы? Или же скрытый дар просто снова уснул и теперь нам придется начинать его поиски сначала?

Безуспешно попытавшись прорваться к леди еще несколько раз, в конце концов я был вынужден признать поражение. Затем вернулся в храм, изложил свои умозаключения отцу Гону. Тот сокрушенно

покачал головой, узнав, что я лишь чуть-чуть не успел перехватить беглянку. А заодно подтвердил предположение насчет уснувшего дара, который самим фактом своего существования должен был оберегать наследницу Маори от угрозы обнаружения. Даже в том случае, если на ее след надумает встать опытная ищейка.

Подарок Фола. Маленькое преимущество, позволившее прямым наследникам жнецов так долго оставаться неузнанными.

Ал, вспомнив об этом, ужасно расстроился. Тем не менее он все же попытался определить местонахождение девушки, но, к нашему общему сожалению, тоже не смог. Отец Гон после этого лишь сокрушенно вздохнул и ушел, решив испросить совета у своего бога. Ну а я вернулся домой уже глубокой ночью, раздосадованный и на него, и на себя, и на нелепое стечение обстоятельств, которое в итоге привело к такому провалу.

Однако к утру досада улеглась. Я успокоился. Привел и мысли, и дар в относительный порядок. После чего пришел к выводу, что раз наследница Маори жива, значит, ничего страшного не произошло. Если она в столице, значит, рано или поздно я ее найду. Осталось только придумать, как это сделать. А для этого стоило вернуться в схрон и снова взяться за старые книги.

Зачем?

Все просто: имена из списка составлял мастер Этор. Он лучше кого бы то ни было знал, где и как именно отыскать признаки скрытого дара. Так, может, я просто не все увидел, когда занимался поисками в прошлый раз? Поэтому – кто знает? – возможно, и на этот случай учитель оставил какую-нибудь подсказку?

...Глава 5...

Когда я явился в столичную резиденцию Ордена магов, время уже приближалось к восьми, и Йен как раз взялся за ручку двери, когда услышал мой голос.

– Ты что тут делаешь? – с подозрением осведомился Норриди, когда я вынырнул из Тьмы и сделал ему знак задержаться.

– Не успел тебе кое о чем сказать. Привет, Триш.

– Доброе утро, мастер Рэйш, – тепло улыбнулась одетая в рабочий костюм магичка и поспешила отвернуться, чтобы я не увидел ее припухшие губы.

Все ясно. Прощались молодожены долго и чувственно. С вечера еще небось начали, а закончили буквально сейчас. Вон у Йена тоже скулы горят. И мешки под глазами. Но я пришел не за тем, чтобы уличать коллег во взаимной страсти. Мне надо было дать им несколько советов.

– В Управлении что-то случилось? – тут же заподозрил худшее Йен.

Я фыркнул:

– Забудь про него, маньяк. Сейчас ты войдешь в эту дверь, отправишься на собеседование с кучкой престарелых маразматиков, среди которых наверняка находится твой будущий учитель. После этого заполнишь кипу бумажек, получишь официальный статус ученика, а затем тебя на пару месяцев или лет депортируют из столицы... скорее всего в какую-нибудь глухомань, где есть магический полигон, чтобы проверить твои возможности и помочь освоить важнейшие для темного мага навыки.

– Самые важные мне помог освоить ты, – поморщился Йен, видимо, вспомнив, какими трудами ему далось мое наставничество.

– Твой учитель об этом не знает. И знать, сколько ты на самом деле умеешь, тем более не должен. Чтобы получить перстень, тебе придется сдать сначала теоретический, а затем и практический

минимум. Теорию будет принимать учитель. А вот практику – совет магов, среди которых обязательно появятся и некросы, и маги Смерти.

Йен нахмурился:

– Им я тоже не должен показывать, чему у тебя научился?

Я кивнул:

– Для тебя безопаснее, если в реестре магов напротив твоего имени будет стоять отметка «ниже среднего». Это уровень слабой ищейки.

– То есть я должен использовать во время обучения лишь не прямые тропы и правдоподобно тупить, когда меня попросят сделать что-нибудь посложнее?

– Да. Но тупить тебе лучше на практике. А вот теорию изучай внимательно и исключительно на темной стороне.

– Там запоминается быстрее, – шепотом подтвердила Триш, быстро покосившись по сторонам. – Но за один раз больше нескольких страниц не бери. Хотя бы в первое время.

– Если ты поспешишь, то последствия такой учебы не снимет ни одно исцеляющее заклинание, – предостерег друга я. – Боль будет такой, что ты сутки проваляешься в комнате и станешь блевать при одном только воспоминании о темной стороне.

Норриди совсем помрачнел:

– Что же мне, теперь месяцами домой не возвращаться?

– Скорее всего только пару недель, пока не станет ясен твой окончательный уровень, – качнул головой я. – Сделай все, чтобы учитель уверился, что выше ты при всем желании не поднимешься. Максимум, что ты можешь ему показать на темной стороне, это радиус обзора примерно в десять шагов.

– Я вижу в десять раз дальше, – буркнул Йен.

– Для Ордена это лишняя информация. Твоя задача сейчас – максимально уменьшить срок обучения. Сделать это можно двумя способами – сразу показать, как ты крут, или же дать всем понять, что ты – полное ничтожество и на большее не претендуешь. Второй вариант, как ты понимаешь, предпочтительнее. Когда станет ясно, что учить тебя бесполезно, мастер сам остановит обучение. Поэтому на рожон не лезь, но книги, какие тебе дадут, запоминай сколько сможешь. Знаками пользоваться ты умеешь. Осталось только выучить их до конца. Заклинания, которые узнаешь от учителя, на темной

стороне не пригодятся, но вызубрить их тоже придется. Это обязательная программа для сдачи итогового экзамена. Без нее тебя не допустят к работе.

– А что потом? – еще больше нахмурился Йен.

– Потом я отведу тебя на нижние уровни, и учиться ты будешь уже там.

– Но рано или поздно информация о прямых тропах все равно всплывет!

– Да. Но к этому времени ты будешь такой не один.

– Ты что?..

– Я тоже буду учиться все это время, – успокаивающе тронула мужа за руку Триш. – В учебниках по темному искусству написано, что сила темных магов со временем не меняется. Но мастер Рэйш доказал, что это не так, поэтому нам, как и светлым, нужно становиться сильнее. Только осторожно. Не сразу. Чтобы в Ордене раньше времени не поднялась паника.

– Да уж. Вторая ночь кровавого равноденствия никому не нужна, – тяжело вздохнул Норриди и наклонился поцеловать супругу. – Не скучай без меня, милая. Постараюсь вернуться скорее.

– Я буду ждать, – прошептала Триш, ответив на поцелуй и тут же отступив в сторону.

– Пока, Арт, – махнул рукой Йен. – Надеюсь, к моему возвращению Управление останется стоять на прежнем месте и никто не накает пространную жалобу с просьбой уволить тебя за чрезмерную жестокость к сотрудникам.

Я одарил его выразительным взглядом, и Норриди поспешил свалить от греха подальше, скрывшись за большой деревянной дверью. После этого мы с Триш одновременно вздохнули и, не стовариваясь, нырнули во Тьму – начинался новый рабочий день, и нам пора было вернуться в Управление. Ну а мне, прежде чем туда отправиться, следовало сделать еще одну важную вещь.

– Мастер Рэйш! – обрадованно вскинулся Роберт, когда я бесшумно возник посреди его комнаты. Но почти сразу пацан помрачнел. – А вы что, за мной?

– Ты против? – мягко поинтересовался я.

– Я-то – нет. Но вот мама...

«Леди Элания считает, что мальчик слишком надолго забросил другие занятия: литературу, рисование, музыку, – мысленно пояснил Мэл, который, как и следовало ожидать, сутками напролет держался рядом с мальчишкой. – Они с лордом Искадо этим утром успели крупно повздорить. Леди заявила, что из-за тебя у мальчика нет друзей. И он уже больше полугода ничем, кроме темной стороны, не интересуется. Никуда не выходит, ни с кем не общается. Чахнет, как она выразилась, на глазах. Но милорд молодец. Отстоял необходимость ваших ежедневных встреч, аргументируя это тем, что без музыки и рисования юный лорд какое-то время проживет, а вот неправильное поведение на темной стороне может дорого ему обойтись».

– Они с папой поссорились, – грустно подтвердил Роберт. – Мама даже расплакалась, а отец ушел на работу сердитый. Это ведь неправильно, мастер Рэйш? Правда?

Я ненадолго задумался:

– Собирайся. Пожалуй, на полигон мы сегодня не пойдем.

– А куда пойдем?

– Увидишь, – хмыкнул я и, вернувшись темной тропой на улицу, зашел в дом как все нормальные люди – через дверь. Леди Элания, правда, общаться со мной не захотела. Однако Роберту все-таки было позволено уйти, так что умыкнул я его на законных основаниях. При этом тренировку, как и обещал, на денек отменил, рассудив, что в словах матери есть определенный резон. Соответственно, отвел сегодня мальчишку не на кладбище, а в Управление городского сыска, где и оставил на попечение Сеньки и его банды.

Момент встречи у них, правда, получился напряженным. Сенька, еще не успевший забыть листовки с изображением юного герцога, поначалу не мог взять в толк, что с ним теперь делать и как себя вести. Роберта тоже задело, когда паренек одного с ним возраста поклонился и бесстрастно назвал его господином. В последние полгода, когда ни с кем, кроме домашних и нас с Мэлом, Роберт не общался, он как-то подзабыл о своем высоком статусе. Но другие прекрасно помнили, и это оказалось для мальчика не слишком приятным открытием.

Правда, из непростой ситуации он вышел с честью и спокойно сообщил, что в данный момент является не герцогом, а в первую

очередь учеником темного мага. Причем неопытным учеником, поэтому господином его называть необязательно.

Сенька от такого заявления опешил. Я спрятал усмешку. И удовлетворенно кивнул, когда наш главный посыльный уже без особых церемоний потащил удивленно озирающегося гостя знакомиться с учреждением. Я их в процессе осмотра не отвлекал, они тоже никому не мешали. Но когда время подошло к обеду и я спустился вниз, то обнаружил, что Роберт не только преспокойно общается с бывшими беспризорниками, но и в охотку помогает Тори, Лиз и даже настороженно взирающей на нового члена команды Хокк.

– Пошли перекусим? – предложил я, перехватив ученика посреди коридора с кипой бумаг в обеих руках. – Хороший маг должен заботиться о своем здоровье, а хорошее здоровье невозможно без полноценного питания.

– В трактир, мастер Рэйш? – азартно сверкнул глазами Роберт, но я на это только рассмеялся.

– Ну уж нет. Трактира мне твоя мама точно не простит. Так что пойдем домой.

Мальчик огорченно вздохнул.

– Ко мне домой, – сжалился я. – Готовят там тоже отменно, но строгих правил никто соблюдать не требует.

Надо было видеть лицо Роберта, когда я познакомил его с призрачными слугами и особенно с собаками. Это был восторг... чистый, незамутненный, на который способны лишь светлые душой дети. И, увидев, как загорелись при виде псов глаза у маленького жнеца, я решил, что еще не раз его сюда приведу. И в Управление буду забирать почаще. Хотя бы для того, чтобы он мог позволить себе побыть самым обычным мальчишкой, над которым не довлеют ни долг перед родителями, ни опасения потерять новых друзей, ни слава могущественного темного мага, которым он станет всего через несколько лет.

«Отличная мысль, – шепнул вездесущий брат, который тоже весь день с интересом следил за поведением мальчика. – Ты прав. Зацепок в реальном мире у Роберта должно остаться как можно больше, раз уж его с такой силой тянет во Тьму».

Я молча кивнул, с рук на руки передавая ученика обеспокоенной матери. А затем снова ушел на темную сторону. Работать. Потому что

для меня время отдыха еще не наступило.

Бессонная ночь ничего не дала – зацепок насчет скрытого дара в книгах учителя я не нашел. Ал, когда я его навестил, с огорчением признал, что так и не смог определить местонахождение загадочной леди. Отец Гон тоже не выяснил у богов ничего конкретного. А когда я ближе к утру заявился во дворец и заново его обследовал, то с досадой признал: наследница Маори действительно исчезла.

К несчастью, даже на темной стороне королевский дворец оказался хорошо защищен, поэтому свободно разгуливать по нему не было дозволено даже мне. По подземельям и жилому крылу, где обитало королевское семейство, я и вовсе мог перемещаться лишь по нижнему слою, откуда ауры светлых были не видны. А без этого я не мог даже понять, осталась беглянка во дворце или же давным-давно его покинула.

Сильный магический дар не позволял заподозрить ее в принадлежности к обслуге. Но в то же время леди и на высокопоставленную придворную даму похожа не была. Манера речи, поведение... она общалась со мной легко, без страха, поэтому с одинаковой легкостью могла быть чьей-нибудь компаньонкой или состоять у кого-то на службе. Оказаться во дворце благодаря чьему-то покровительству или же выполняя вполне определенный заказ. Правда, для профессиональной шпионки у нее направленность дара не подходила. Но в то же время следы за собой она замела грамотно. А главное, быстро и так чисто, что я поначалу этого даже не заметил.

Так кто же вы, леди?

И откуда так хорошо знаете специфику моей работы?

Что вы делали во дворце? И почему вас искали не стражники, а придворные кавалеры и дамы?

Быть может, навести о вас справки через Аарона Искадо?

Заманчивая мысль, но тогда мне придется объяснять милорду причины. А раскрывать вашу тайну не в моих интересах. Поэтому пока я буду действовать один. Тихо. Незаметно. И только когда исчерпаю собственные возможности, попробую подключить к поискам кого-то еще.

«Дай мне ее образ, – шепнул вдруг брат, до этого лишь настороженно прислушивавшийся к моим мыслям. – У меня может получиться быстрее».

«Если она живет в городе – да. Но мне почему-то кажется, что она во дворце частая гостья».

«Все равно дай, – не согласился Мэл и через пару мгновений разродился скупой усмешкой. – Ого. Теперь понятно, почему ты ее поцеловал».

«Вообще-то это была ее инициатива», – хотел было буркнуть я, но по поводку пришла такая выразительная эмоциональная волна, что спорить быстро расхотелось. Да и какой смысл? Что случилось, то случилось. Как говорится, виноват, сознаю, исправлюсь. Но вот что мне точно во всем этом не понравилось, так это свое последующее неуравновешенное состояние.

«Не переживай, с женщинами так бывает, – снова бессовестно подслушал мои мысли Мэл. – Сначала вроде ничего, а потом бац – и ты уже убит».

Я отмахнулся: «Да иди ты... в шляпу!»

«Почему в шляпу?» – удивился брат.

«Потому что ее никто не любит и, по мнению большинства тех, кто меня окружает, это самая ужасная вещь на свете».

Мэл приглушенно рассмеялся: «Нет, брат. Самое ужасное – твоя беспросветная слепота в некоторых житейских вопросах. Но надеюсь, это временное явление».

«Ты что, учить меня вздумал?»

«Нет, Арт, – усмехнулся бывший Палач. И, прежде чем исчезнуть из моей головы, весомо добавил: – Учит нас жизнь. В нашей власти лишь захотеть чему-нибудь научиться».

Что именно он хотел этим сказать, я уже не узнал – Мэл отпустил поводок и больше не откликнулся. Но размышлял я над его словами долго. Все утомительно долгое утро. Такой же утомительный и суетливый день, на протяжении которого мне пришлось трижды подниматься в кабинет Йена и помогать Херьену с навалившимися делами. Корн меня, хвала всем богам, больше не дергал. От отца Гона и Ала вестей тоже не было. Поэтому, намаявшись в Управлении, вечером я снова поручил Роберта заботам брата. А когда уже в темноте явился, чтобы его забрать, неожиданно осознал, что Мэл прав и

учиться в этой жизни мне предстоит еще очень много. Причем и магии, и пониманию темной стороны. Но особенно терпению, которое подверглось нешуточному испытанию в тот самый миг, когда я вышел с темной тропы, оглядел притихшее кладбище и обнаружил, что над моим учеником в угрожающей позе склонился здоровенный моргул, в распахнутой пасти которого жутковатым водоворотом кружились сожранные им души.

От удара меня остановило только присутствие Мэла и тот факт, что Роберт спокойно держал нежить за костлявую лапу.

Через пару ударов сердца моргул захлопнул пасть и отступил, а над головой юного герцога осталось висеть небольшое светящееся облачко, от которого веяло тоской и отчаянием.

– Роберт? – настороженно позвал я мальчишку, не забыв при этом создать в руке сгусток темного пламени.

Мальчик и Мэл обернулись почти одновременно, а моргул, всколыхнувшись, как потревоженная ветром занавеска, поспешил укрыться от моего взора. Причем укрылся он за спиной моего собственного ученика. И вообще, как мне показалось, был готов сквозь землю провалиться, лишь бы оказаться как можно дальше от извивающегося в моей ладони пламени.

– Не надо, мастер Рэйш! – воскликнул Роберт, увидев меня во всей красе. – Он ничего не сделал! Это я его позвал!

– Зачем? – напряженно спросил я, не сводя с нежити тяжелого взгляда.

– Мы заговорили с Мэлом о законах темной стороны, и я вспомнил про живущие здесь души...

Я озадачился:

– Ты позвал моргула, чтобы он их тебе показал?

– Нет, учитель. Я хотел, чтобы он их освободил.

В этот момент у меня в мозгах что-то, похоже, опять заклинило, но именно тогда стало ясно, что Мэл абсолютно прав. Сделав над собой усилие, я все же погасил темное пламя и уже гораздо спокойнее взглянул на вьющиеся над головой мальчика души.

Моргул при моем приближении ощутимо сжался, прекрасно понимая, что от смерти его отделяет лишь заступничество маленького жнеца. Но если даже Мэл, отчаянно ненавидящий высшую нежить, держал себя в руках, то мне тем более не следовало выражать эмоции.

– И что дальше? – так же спокойно поинтересовался я у ученика. – Что ты теперь будешь с ними делать?

На лице Роберта проступило растерянное выражение:

– Я думал, вы мне подскажете.

– А если не подскажу?

– Тогда не знаю, – откровенно смешался мальчик. – Но это ведь неправильно, что моргул их съел. Разве я не прав, мастер Рэйш?

Я снова покосился на притихшую нежить:

– То есть ты лишил его законной добычи только потому, что тебе показалось это более правильным, чем тот факт, что он их честно нашел и так же честно проглотил? Хорошо, допустим. Чем это будет грозить моргулу, ты знаешь? Здоровенной голодной сущности, которая по твоей вине осталась сегодня без сил?

– М-мастер Рэйш! – пораженно воскликнул юный маг, совершенно не ожидая от меня таких вопросов. – Но это ведь нежить!

– И что? Когда ты его сюда призвал и велел отдать все, что он имеет, ты об этом вспомнил?

– Ну... нет.

– Сколько, по-твоему, он протянет во Тьме без пищи?

– Мастер Рэйш, я не понимаю... – окончательно растерялся мальчишка.

– Сутки, – безжалостно добил его я. – Максимум двое, если только он прямо сейчас не отправится искать себе добычу, которую уже завтра ты снова можешь попросить отпустить. Моргул, конечно, мертвая сущность, но если бы мы находились в реальном мире, я бы сказал, что ты его приговорил. Ровно в тот момент, когда приказал отпустить эти души.

Роберт часто заморгал, перестав понимать, что именно я хочу от него услышать. Растерянный, искренне верящий, что совершил доброе дело, и абсолютно не видящий другой правды, помимо той, что мне сейчас показал.

Я присел перед ним на корточки и, поманив моргула, указал Роберту на него:

– Ты в курсе, кто его создал?

– Фол, – прерывисто вздохнул мой не по годам мудрый, но местами все еще нерадивый ученик. – Наверное.

– А для чего Фол это сделал?

– Я... не знаю.

– Хорошо. Тогда зачем, по-твоему, на темной стороне вообще существует нежить? Кто они? Или что они такое?

– Души? – нерешительно предположил Роберт.

– Конечно. Старые, грешные, уродливые, но все же самые обыкновенные человеческие души, которым не нашлось места в свете и которые веками обитают здесь... для чего, ученик?

У Роберта расширились глаза, и он ответил:

– Искупление...

– Правильно. Все они ждут искупления. И моргулы, и гули, и вампиры, и даже демоны. Так устроен мир. И так решили боги. Но для каждого искупление свое. Кто-то умирает в наказание и назидание остальным, а кто-то, наоборот, их пожирает... сейчас перед тобой находятся и те и другие. Скажи: ты вправе решать, кто из них достоин перерождения, а кто его еще не заслужил? Кто из них виновен, а кто уже отстрадал свое?

– Нет. Не думаю.

– А я?

– И вы, наверное, нет.

– А кто тогда вправе? Мэл? Фол? Посторонний дядя?

Роберт виновато опустил голову:

– Жизнь и смерть находятся в руках одной богини... простите, мастер Рэйш. Я об этом забыл.

Я выпрямился и, глянув на зависшие в нерешительности души, негромко бросил:

– Леди, на ваше усмотрение.

По темной стороне пронесся легчайший ветерок, и половина огоньков мгновенно погасла. Тогда как остальные, заметно потускнев, остались висеть на прежнем месте, жалобно мигая и всем видом показывая, как же им не хочется здесь оставаться.

– Это твое, – кивнул я нежити, демонстративно отступая в сторону.

Моргул, не веря своему счастью, торопливо взлетел. Одним движением заглотил свою законную добычу, после чего с довольным урчанием отступил назад.

– Мудрос-с-сть... – прошелестел он, взмахнув черными крыльями, – приходит с опытом, Р-рэйш. Но маленькому х-хозяину это

ещ-ще только предс-с-стоит ус-своить.

– Не искушай его, – тихо ответил я, глядя в желтые глаза твари. – Ты жив лишь потому, что даже в таком виде кому-то нужен. Кому-то, но точно не мне. Усек?

Нежить хрипло каркнула и одним движением ушла на нижний слой, не рискнув больше испытывать мое терпение. А я погладил по голове расстроенного мальчишку и добавил:

– Ты был не совсем не прав, когда хотел освободить чистые души. Боги мудры, но они не всемогущи. И не за всем способны уследить. Наша задача – помочь, если уж в мире случилась несправедливость. Но мы не мерило добродетели, ученик. И тем более не образцы для подражания. Если даже боги ошибаются...

– Как же тогда быть? – нерешительно посмотрел на меня Роберт. – Если гарантий нет и если все вокруг не то, чем кажется... если даже моргул по-своему служит исполнению божественных замыслов, а некоторым душам отмерено достойное наказание за грехи... как во всем этом ориентироваться? Как не освободить по незнанию преступника? Или случайно не убить невинного?

– Спрашивай совета, – серьезно ответил я. – Но если времени на это нет, то поступай как считаешь нужным. Граница миров не снаружи – она внутри нас, мальчик. В наших словах, поступках, решениях. Чем они честнее, тем дольше сохранится равновесие. Хотя случается и так, что самые страшные вещи люди творят именно от уверенности, что совершают великое благо.

– Раз такое происходит, то получается, что верить нельзя никому? Даже себе?

– Можно, ученик. Но нельзя забывать, что граница подвижна. Сегодня она здесь, завтра там... вчера я убил бы моргула без раздумий, а сегодня, напротив, подарил ему жизнь. Понимаешь меня?

– То есть граница смещается? – озадаченно переспросил юный герцог.

– Постоянно, – подтвердил я. – Но главное, что тебе стоит запомнить, – это то, что она всегда смещается следом за нами.

Роберт вздрогнул:

– Вы хотели сказать, из-за нас?!

Я только улыбнулся. Но мальчику и этого хватило, чтобы притихнуть и надолго задуматься.

...Глава 6 ...

Утром у нас снова возникла проблема.

Я зашел за Робертом раньше обычного, чтобы успеть в Управление к началу рабочего дня. Пока на месте был Йен, этого можно было не делать, но Ливу я обещал помочь, так что хотя бы первое время следовало за ним приглядывать.

Однако леди Элания Искадо встретила меня неласково. Мои регулярные визиты ее, по-видимому, утомили. С того момента, как ее супруг дал согласие на ученичество, сына она стала видеть лишь по утрам и перед сном, тогда как все остальное время он проводил вне дома. И ее беспокойство, хоть и необоснованное, было вполне простительно.

Проблема возникла, когда, пустив меня на порог, миледи в категоричной форме заявила, что сегодня сына мне не отдаст, ведь официально Роберт – не маг, а всего лишь посвященный, поэтому в ежедневном наставничестве не нуждается.

– Он уже достаточно пробыл во Тьме, – раздраженно бросила она, даже не подумав послать за сыном служанку. – Хватит. Мальчик устал. Дайте ему передохнуть хотя бы один день!

При этом миледи была настолько возмущена, что напрочь проигнорировала мои слова о договоренности с ее супругом. Упоминание о нем сделало ее еще более агрессивной, поэтому я предпочел закончить разговор и собрался тихонько сходить на темную сторону, чтобы предупредить Роберта об изменении планов. Но в этот момент измаявшийся от нетерпения пацан сам спустился в холл и, услышав гневную тираду матери, растерянно застыл возле лестницы.

– Мама!

– Ступайте наверх, молодой человек, – раздраженно велела герцогиня, отмахнувшись от сына, как от досадной помехи. – Вы сегодня никуда не пойдете.

– Но, мама, мне очень нужно!

– Нет, я сказала! – повысила голос миледи. – Живо наверх! А если я услышу от вас еще хоть одно слово, вы не увидите мастера Рэйша целую неделю!

И вот тогда Роберт неожиданно сорвался.

Вчера у него было много эмоций – как положительных, так и не очень. Сегодня он, вероятно, строил большие планы на встречу с новыми друзьями. Наверняка хотел обсудить вчерашнюю оплошность с моргулом. Как и всякий ребенок в подобной ситуации, он наверняка переживал, с нетерпением ждал утра – и вдруг его планы в одночасье рухнули, потому что любимая матушка встала не с той ноги.

От обиды и непонимания юный герцог так растерялся, что на мгновение ослабил контроль, и Тьма, почуяв слабинку, вырвалась из него тяжелой удушливой волной. В доме тут же похолодало. Под потолком заметались неясные тени. На испуганно отшатнувшуюся герцогиню обрушился навязчивый шепот, причем так резко, что она была вынуждена поспешно закрыть уши ладонями. Роберт при этом заметно побледнел, пожелтел, его лицо превратилось в восковую маску, а обратившиеся в сторону матери страшноватые глаза выглядели так, что у герцогини вырвался приглушенный крик:

– Пресветлый Род! Да что ж это такое?!

Я вместо ответа подошел к Роберту и погладил его по голове.

– Хватит. Отзови свою Тьму, малыш. Не нужно пугать маму.

Мальчик вскинул на меня глаза, но почти сразу они посветлели, а черное пламя вокруг него угасло.

– Молодец, – одобрительно кивнул я и повернулся к леди Элании: – Миледи, я должен принести вам свои извинения...

– Убирайтесь! – вдруг выкрикнула она, шарахнувшись от меня как от прокаженного. – Вон из моего дома! Вы, оба!

– Мамочка... – испуганно пробормотал Роберт и в поисках поддержки ухватился за мою руку.

– Нет! Ты не мой сын!

– Мама!

– Миледи?! – одновременно с мальчиком опешил я. Но герцогиня устояла на меня с такой ненавистью, что теперь даже моя Тьма недобро зашевелилась.

– Вы... – почти выплюнула она, когда у Роберта от отчаяния снова потемнели глаза. – Это вы его таким сделали! Убирайтесь! Оба! Я

больше не хочу вас видеть!

На шум в холл начали сбегаться слуги. Герцогине внезапно стало плохо. Она побледнела, посерела и, закатив глаза, плавно опустилась в стоящее рядом кресло. Над ней тут же захлопотала пожилая служанка, кто-то кинулся на кухню за водой, еще двое слуг принялись обмахивать сомлевшую госпожу платками. А я почувствовал, как пальцы Роберта до боли впились в мою ладонь, и счел за лучшее уйти на темную сторону, где ошеломленный пацан сперва часто-часто заморгал, а потом уткнулся лицом в мой плащ и тихо заплакал.

Тьма...

А ведь я так хотел его от этого уберечь. Казалось бы, в просвещенной столице должны проще относиться к таким вещам, как смена божественного покровителя. Однако для любящей матери, всю жизнь считавшей своего мальчика чистым, безгрешным и во всех смыслах светлым созданием, столкновение с реальностью оказалось чересчур болезненным.

Но почему? Ведь за эти полгода я успел обстоятельно побеседовать с лордом Искадо и предупредить о грядущих переменах. Само собой, получив благословение темного бога, Роберт не смог бы остаться прежним. Мне казалось, милорд правильно воспринял эти неприятные, но неизбежные вести. Мы обо всем договорились. Обсудили детали. Он прекрасно знал, чем дело закончится. Но получается, супругу об этом не предупредил? Не нашел нужных слов? А может, пожалел? Решил, что для нелегкого разговора еще будет время? Поэтому все это время она упорно надеялась, что «потемнение» Роберта – временное явление и однажды ее прекрасный мальчик вернется к ней таким, каким был до встречи с вампиром?

– Простите, мастер Рэйш, – приглушенно всхлипнул вцепившийся в меня мальчишка. – Простите! Я не хотел!

Я молча погладил его подрагивающие плечи, давая время выплакаться и успокоиться. А когда ласково мурлыкающая Тьма высушила детские слезы, взял пацана за руку и отвел к себе домой. К негодующе всплеснувшей руками Марте, мгновенно засуетившимся горничным и тревожно скулящим псам, которые без напоминаний окружили несчастного ребенка теплом и заботой.

Почти сразу с темной стороны вернулся мрачный до невозможности Мэл. Сообщив, что мамой Роберта уже занимается

целитель, он снова ушел во Тьму, но я запретил ему утаскивать туда мальчика. В таком состоянии Тьма могла лишь усугубить ситуацию. Сделать пацана отстраненным, холодным, бесстрастным, а я для него такой судьбы не хотел. Поэтому Роберта мы для начала усадили за стол, Марта в мгновение ока накормила его вкусными плюшками. Громадные псы улеглись у него в ногах. А когда с завтраком было покончено, Мэл увел его в гостиную и с ходу потребовал от юного герцога припомнить какое-то особенно заковыристое заклинание. Затем еще одно. И еще. И теребил его до тех пор, пока от всех волнений пацан не устал и не уснул прямо на полу, обняв за шею тихонько урчащую Грозу.

В гостевую спальню я отнес его сам под причитания служанок и сочувственное сопение Шторма. Сон поможет мальцу успокоиться, приглушит воспоминания и сделает их не такими острыми. Уже к вечеру он отойдет и будет готов к разговору. А пока я искренне поблагодарил Марту за сообразительность, хотя не стал выпытывать, для кого именно она хранила в доме успокаивающие травы, которые успела незаметно добавить в питье.

Затем мне все-таки пришлось сходить в Управление, временно скинуть свои обязанности на Хокк и взять официальный выходной. Лора, само собой, осталась недовольна, но, узнав, в чем дело, пообещала присмотреть за Ливом, благо ничего особо важного за последние сутки не произошло и в моих услугах Управление не нуждалось.

Когда же я вернулся, то оказалось, что в гостиной меня ожидает гость – лорд Аарон Искадо собственной персоной. Который, разумеется, примчался выяснять отношения, едва получил из дома тревожную весть. Признаться, когда я его увидел, то решил, что разговор получится не из простых. Однако всего через четверть свечи, уже у меня в кабинете и после того, как я закончил описывать утренние события, милорд устало потер лоб и тихо сказал:

– Я сожалею.

Я посмотрел на него с подозрением:

– О чем именно вы сожалеете, милорд?

– С Робертом все в порядке? – словно не услышал лорд.

– Да. Но вы не ответили на вопрос.

– Поймите меня правильно, мастер Рэйш, у меня хорошая семья, – после короткой паузы обронил герцог. – Мне повезло найти прекрасную и любящую женщину, которая родила мне таких же прекрасных сыновей и замечательную дочь... и это не лукавство. Я хорошо знаю жену и не сомневаюсь, что ей бесконечно дороги все наши дети. Более того, ее отношение к Роберту ничуть не изменилось после известных вам событий. Быть может, она стала несколько больше его опекать и намного больше за него бояться, но никогда и ни за что она не рискнула бы сделать ему больно.

– Что же тогда, по-вашему, сегодня произошло, милорд? – ровно осведомился я.

– Боюсь, что у меня нет ответа на ваш вопрос.

– Миледи... нездоровится?

– Нет, – качнул головой герцог. – Физически она в полном порядке. Сегодня целитель еще раз это подтвердил. Но в эмоциональном плане... вероятно, тревоги последних месяцев скверно сказались на ее душевном равновесии. Ничем другим я не могу объяснить то, что сегодня произошло.

Я нахмурился:

– Вы сказали «еще раз», милорд... Мне показалось или сомнения в отношении супруги посетили вас не впервые?

Герцог болезненно скривился.

Понимаю. Сложная тема. Не тот я собеседник, которому такой человек, как Аарон Искадо, захотел бы излить душу или поделиться подробностями семейной жизни. Но сейчас в моем доме находился его несовершеннолетний сын, которого его же собственная супруга со скандалом выгнала из дома. И я, как учитель, имел право знать, по какой причине она так поступила. А как наставник будущего жнеца, от настроения которого слишком многое зависело на темной стороне, должен был позаботиться, чтобы маленький маг, которого признала сама Тьма, не превратился в безумца или морального калеку.

– Решение об ученичестве Роберта мы принимали вместе, – после еще одной долгой паузы все же сообщил лорд Искадо. – Нам далось это нелегко, но после разговора с вами и с отцом настоятелем было очевидно, что без помощи опытного наставника моему сыну грозила весьма неприятная участь. Безумец или мертвец... не такой уж большой выбор, чтобы упрямитесь. Отец Гон поручился за вас, мастер

Рэйш. И мне тоже показалось, что под вашим присмотром мальчику будет спокойно.

– Что же заставило вас изменить свое мнение? – сухо осведомился я.

– Не меня, – снова скривился лорд. – Я-то как раз уверен, что Роберту ваша наука не повредит, несмотря на то что для бывшего светлого мага его таланты выглядят довольно пугающе.

– Со временем они будут только развиваться. Я об этом уже говорил.

– Я помню. И по большому счету не возражаю. Лучше мой сын будет живым темным магом, чем мертвым светлым. К тому же за эти месяцы он стал гораздо сильнее, увереннее в себе. Ему до крайности интересно то, чему вы его учите. Но больше всего меня радует, что в нем до сих пор не проявились тревожные симптомы, которые я бы очень не хотел однажды увидеть.

Это он о циничности и исконном умении мастеров Смерти отсекал ненужные эмоции? Все верно. Роберт был и остается довольно эмоциональным мальчиком. При этом он неплохо себя контролирует, умеет принимать непростые решения. Да, юный герцог немного наивен, но ему всего десять. Зато он честен с собой и с другими. И что немаловажно, был и остается живым, подвижным, открытым для всего нового. Для темного мага живости в нем, пожалуй, даже чересчур, но для будущего жнеца это полезное качество.

– Ваша супруга тоже так считает? – с некоторым сомнением переспросил я.

– Считала, – вздохнул лорд Искадо. – Но в последний месяц мне стало казаться, что успехи сына ее не радуют. Роберт – наблюдательный мальчик. Заметив, что мама начала слушать его с беспокойством, он стал меньше рассказывать. Сперва перестал говорить о гулях и прочей нечисти, которая в изобилии обитает на темной стороне. Затем начал уходить от ответов касательно того, чем вы занимаетесь на тренировках. Он и раньше мало распространялся на эту тему, но в последние дни замолчал совсем. И меня это встревожило, поэтому я не сразу обратил внимание, что моя супруга... как бы помягче сказать... стала вести себя по отношению к нему не так, как обычно.

– Леди часто была раздражена?

– Скорее, не на него, – замедленно отозвался отец Роберта. – Сейчас мне кажется, что она сердилась больше на себя, но поначалу я не понимал причины. Она стала рассеянной, беспокойной, часто говорила невпопад, как человек, который напряженно о чем-то размышляет и в каком-то смысле оторван от реальности.

– Вы говорили с целителями на эту тему?

– Конечно. Но и тогда, и сейчас мои специалисты Родом поклялись, что Элания ничем не болеет.

– А ее раздражение... оно проявлялось только в отношении Роберта?

– В том-то и дело, что нет. Поэтому я не связывал одно с другим. Да и сейчас сомневаюсь, что тут имеет место прямая зависимость. Сложность в другом – Элания сама не понимает, что именно не в порядке. В обычное время она мила, учтива и хорошо разбирается в людях. Но в какой-то момент начала меняться. И что самое тревожное, менять свое мнение. Знаете, как бывает? всю жизнь человек ненавидел сиреневый цвет, а потом вдруг обвешал весь дом ярко-фиолетовыми рюшами. У Элании до такого, хвала Роду, не доходило, но ситуация с Робертом – как раз из разряда подобных вещей.

Я насторожился:

– И давно это началось?

– Примерно с месяц, – тяжело вздохнул милорд. – Может, чуть больше. Как какие-то приступы. То ничего-ничего, то вдруг оказывается, что Элания не в курсе, что с нашим сыном занимается темный маг.

– Даже так... и целители ничего не нашли?

– Ни следов воздействия заклинаний, ни болезни, ни душевного расстройства. Ничего вообще. А главное, спустя какое-то время она снова начинала вести себя как обычно и ничем не показывала, что в отношении сына ей что-то непонятно или кажется неправильным.

Я задумался:

– Простите, милорд, а сегодня, когда вы пришли домой этим утром, как ваша супруга объяснила свою утреннюю вспышку?

Лорд Искадо поднял на меня тяжелый взгляд:

– Никак. Она не смогла вспомнить, почему ей стало плохо.

– Кхм, – ошарашенно кашлянул я. – Она сказала вам, что я приходил?

Мой гость помрачнел:

– Да. Вас она как раз помнит отлично. Но не может сказать, для чего именно вы пришли. Все, что у нее осталось из воспоминаний об этом утре, это вы и ее страх перед вами. Поэтому она со слезами умоляла меня больше не пускать вас на порог нашего дома и ни в коем случае не позволять вам прикасаться к нашим детям.

– Мм. А ваша супруга в курсе, что официальное ученичество так просто прервать не удастся?

– Нет, мастер Рэйш. Боюсь, в данный момент она не в курсе даже причины, по которой мы решили обратиться к вам за помощью.

– Что-о?! Она не знает, что ваш сын вместо светлого дара заполучил темное благословение?!

– Боюсь, что так, – неестественно ровно сообщил лорд Искадо, свергнув меня в непродолжительный ступор. – Но самое скверное в другом. Еще вчера утром мне показалось, что Элания очень странно реагирует на упоминание о даре Роберта. И особенно о вас. У меня даже мелькнула мысль, что некоторые события попросту выпали из ее памяти. Несмотря на то что вот уже полгода вы ежедневно навещаете Роберта, вчера моя жена вдруг поинтересовалась, для чего я впустил вас в дом, если в нашей семье нет ни одного темного мага. Когда же я напомнил ей о похищении, она быстро замолчала. Вроде как согласилась, что вопрос глупый. Даже извинилась, сославшись на рассеянность. Но я, к сожалению, очень спешил. Не уделил этому факту должного внимания. И вот сегодня... – на лице мужчины промелькнула болезненная гримаса, – ей стало намного хуже. Потому что сегодня она стала помнить еще меньше. И теперь твердо уверена, что у нас никогда не было младшего сына.

Пока я переваривал скверные новости, по темной стороне прошло волнение и в кабинете без предупреждения возник маленький Роберт. Откровенно заспанный, босой, одетый лишь в ночную рубашку (видимо, кто-то из горничных пожертвовал, чтобы мальчик не помял

дорогой камзол), он уставился на меня сонными глазами и пробормотал:

– Мастер Рэйш, вы меня звали?

Я мысленно ругнулся.

Тьфу. Не звал, конечно, но очень-очень напряженно о нем думал. А с юным жнецом это работало почти так же, как прямой зов, который он прекрасно слышал даже на темной стороне.

При виде сына лорд Аарон аж подскочил с кресла:

– Роберт!

Мальчик вздрогнул от неожиданности. Но даже я неприятно удивился, когда вместо того, чтобы броситься к отцу, пацан инстинктивно окутался Тьмой, создал тропу, проворно нырнул на нее и вынырнул уже рядом с моим креслом. Прикрылся им как щитом. Только после этого проснулся, а потом неуверенно переспросил:

– Папа?!

Роберт качнулся было навстречу, но почти сразу замер, как-то весь заледенел и неестественно ровно спросил:

– Ты пришел сказать, что тоже от меня отказываешься?

На герцога стало больно смотреть.

– Нет, конечно! Как я могу это сделать?!

– А вот мама смогла...

– Мама заболела, – сглотнул милорд, с трудом удерживаясь, чтобы не броситься к сыну. – Ей нужна помощь. Прости. Она была не в себе и не хотела тебя обидеть. Болезнь сделала ее такой... нетерпимой. Но на самом деле мама все та же. И так же сильно продолжает тебя любить. Понимаешь?

У Роберта дрогнуло лицо, но все же он по-прежнему не верил. Я видел – он боялся поверить! Дети обычно доверчивы и наивны. Слово отца или матери значит для них много больше, чем слово короля или, скажем, учителя. Но Тьма уже успела коснуться этого мальчика. В его душе зародились сомнения. И теперь он отчаянно хотел, чтобы слова отца оказались правдой, но боялся узнать, что на самом деле это не так.

– Он не лжет, – спокойно сказал я, когда юный жнец повернулся, молча ожидая совета. Так, как я его вчера научил. – Ты видел его душу – в ней не было ничего скверного. И сейчас ничего не изменилось.

У Роберта расширились глаза, а затем в них заблестели слезы.

Это он хорошо помнил. Как помнил и то, что смог вернуть отца с темной стороны. За тем, кто ей безразличен, отлетевшая душа не пойдет. Удержать ее способна только родная кровь. Тот, кто дорог. И кого ты, даже оказавшись на пороге смерти, не захочешь оставить.

Помочь мальчику об этом вспомнить было важнее, чем пытаться убеждать его в благих намерениях герцога. Слова – это лишь слова. И именно сегодня Роберт осознал всю двусмысленность этой истины. Слова о любви, слова отречения – они звучат одинаково правдиво, когда ты хочешь в них верить, и одинаково лживо, если верить не хочется никому.

Однако собственных впечатлений и воспоминаний не подделаешь. Особенно на темной стороне. Поэтому то, что он видел тогда, было правдой. Тьма никого не обманывает – она лишь искушает. И вот когда Роберт об этом вспомнил, то наконец-то поверил. Всхлипнул. После чего смазанной тенью метнулся через всю комнату и порывисто обнял упавшего на колени отца, спрятав мокрое лицо у него на плече.

Я молча встал и вышел, давая им возможность выговориться. Спокойно спустился вниз, с удобством устроился в столовой. Марта даже на стол успела накрыть, пока герцог Искадо успокаивал сына. Явившаяся со мной Гроза пару раз беспокойно поднимала голову, явно слыша больше, чем я из реального мира. Но потом она успокаивалась, снова укладывалась на пол, из чего я заключил, что в помощи ученик не нуждается. Впрочем, даже если бы мы и ошиблись, то все равно рядом находился Мэл. Молчаливый, незаметный, все понимающий брат, который был готов избавить нас от любой проблемы самым решительным способом.

Интересно, что сказал бы Аарон Искадо, если бы знал, кто именно следит за ним из темноты?

– Мастер Рэйш? – отвлек меня от размышлений спокойный голос начальника спецотдела Управления дворцовой стражи.

Я понялся из-за стола и вопросительно посмотрел на герцога. Роберт стоял тут же, одной рукой держась за отца, а другой рассеянно теребил острые уши Шторма. Мальчик был почти спокоен. Похоже, герцог и впрямь сумел убедить его, что мама серьезно больна и у нее случилось помрачение сознания. Милорд, правда, старательно делал вид, что в упор не видит кошмара, который творится в пасти призрачной псины. И я даже позавидовал тому подчеркнутому

спокойствию, которое излучал этот сильный, решительный и очень влиятельный человек.

– Я хочу поблагодарить вас за поддержку, которую вы оказали моему сыну, – официальным тоном сообщил герцог, будто зачитывая какой-то приказ. Но потом опомнился, досадливо дернул щекой и совсем иначе добавил: – Я бесконечно признателен вам за это. Но если позволите, попросил бы вас какое-то время понаблюдать за Робертом повнимательнее. Болезнь близкого члена семьи и наложенный на нее карантин не позволяют мне оставить мальчика дома. И в то же время, как я понимаю, обучение прерывать нежелательно.

«Домой ему нельзя», – взглядом показал его светлость, крепко сжимая руку сына.

Я так же молча покосился на ученика.

– Я согласен! – торопливо выпалил тот, словно опасался, что я передумаю. – Мы уже все обсудили. И папа разрешил остаться!

– Гостевая спальня в твоём полном распоряжении, – кивнул я, прикидывая про себя, куда бы переселить оттуда Хокк. – О распорядке тебе расскажет Нортидж. Насчет всего остального все вопросы будешь решать со мной.

– Да, учитель! А можно мне вернуться домой за вещами?

Милорд едва заметно качнул головой.

– Пока целители не снимут карантин, не стоит, – ответил я. – Нортидж!

– Все будет сделано, господин, – материализовался рядом со мной призрак. – Я уже частично снял стазис со второго этажа, так что не извольте беспокоиться.

Вот жук. Я про стазис только начал подумывать, а этот хитрец уже все сделал!

– Еще раз примите мою благодарность, – церемонно наклонил голову отец Роберта. – А теперь, боюсь, я должен вас покинуть. Беспокойство за самочувствие супруги не позволяет мне задерживаться надолго. Роберт...

– Я понял, – серьезно кивнул маленький маг. – И не буду тревожить маму, пока она не поправится. Она ведь поправится?

– Непременно.

– Тогда я буду ждать. Скажи, что я ее очень люблю, ладно?

Милорд едва заметно улыбнулся и кивнул. После чего так же церемонно распрощался и покинул дом, до последнего держа спину неестественно прямой, а взгляд – уверенным и твердым.

Я мысленно посочувствовал герцогу, оказавшемуся в столь сложном положении. А потом покосился на грустно смотрящего ему вслед мальчика и подумал: «И почему ему уготована такая судьба? Сначала вампир, потом скрытый дар, а теперь еще это...»

«На долю сильных людей выпадает много испытаний, – тихо ответил брат с темной стороны. – Скорее всего именно потому, что только такие люди способны их вынести. Чем сильнее человек, тем сложнее судьба. А Роберт Искадо очень сильный мальчик... хотя его отец, похоже, еще сильнее».

...Глава 7...

– Арт, у нас проблема! – выпалила Хокк, когда я утром спустился к завтраку. Роберт успел чуть раньше и сейчас стоял у стола, как никогда напоминая настоящего лорда – тщательно одетый, причесанный, спокойный. И только глаза тревожно блеснули, когда он покосился на зажатый в руке магички переговорный амулет. – Только что сообщили из ГУССа: Херьен у них в лечебнице с тяжелой травмой головы!

Я напрягся:

– Давно?

– Доставили полсвечи назад. Говорят, он без сознания. Прогнозов никаких не дают.

– Детали?

– Еще не знаю. Сказали только, что его привезли с северного участка. Они там уже всю шуршат, но с нами информацией не делились.

– Хорошо. Я – в ГУСС, а ты присмотри в Управлении. Вернусь, как только смогу.

– Так точно, – отрапортовала Лора и, напрочь проигнорировав выплывающую с кухни Марту с горячим завтраком, опрометью кинулась вон.

Вот за что я ее уважаю, так это за умение быстро перестраиваться на рабочий лад. Вчера и позавчера она злилась. В Управлении стараласьшний раз со мной не пересекаться. А сегодня даже имя мое вспомнила. И без единого возражения помчалась выполнять приказ.

Тьма! Корн как в воду глядел, заставив Йена сделать в приказе приписку! Так что теперь я снова отвечаю за Управление. И Лора, как бы ко мне ни относилась, вспомнила об этом гораздо быстрее.

– Господин? – озадаченно замерла кухарка, когда следом за Хокк я развернулся и тоже направился к выходу. – Куда же вы? А завтрак?!

– Все потом.

– Но мальчик, господин! Нельзя его оставлять без еды!

– Благодарю, я не голоден, – твердо сказал Роберт, даже не взглянув на уставленный снедью поднос. – Мастер Рэйш, если не возражаете, я пойду с вами. А позавтракать можно и позже.

Согласен. Дело превыше всего, особенно если оно касается раненого коллеги.

Я забрал у подскочившей горничной шляпу и, набросив на плечи кожаный плащ, нырнул на темную сторону. Роберт ни на миг от меня не отстал, так что на тропу мы ступили одновременно. И так же одновременно вышли в реальный мир возле здания Главного Управления столичного сыска. А еще через четверть свечи зашли в кабинет уже знакомого мне господина Орбиса, который при виде нас вскочил из-за стола и торопливо замахал руками:

– Нет-нет-нет, мастер Рэйш! Никаких посещений! И тем более никаких допросов! Ваш друг очень слаб! И я не стану пытаться привести его в сознание даже ради проведения следственных мероприятий!

– Насколько все плохо? – ровно осведомился я.

– У вашего мага тяжелая черепно-мозговая травма, – так же нервно поведал целитель. – Обширное кровоизлияние. Скальпированная рана затылочной части головы. И глубокое переохлаждение, потому что напали на него, судя по всему, вчера между полуночью и часом ночи, а нашли только к шести утра. Так что всю ночь ваш коллега пролежал в сугробе и лишь по счастливой случайности был обнаружен городским патрулем.

– Что скажете о причине травмы? – так же кратко спросил я.

Господин Орбис тяжело вздохнул:

– Удар тупым предметом по голове. Скорее всего предмет был металлическим – в ране остались частички краски с вкраплениями железа. Точный размер не скажу, но, судя по форме раны, в руках у нападавшего было что-то вроде обрезка трубы. Удар оказался сильным – таким обычно убивают сразу. Но господину Херьену повезло: вещь, которой его ударили, соскользнула с кости, и травмы оказались не такими тяжелыми, какими могли бы быть, если бы удар был нанесен чуточку выше и прямее.

– Что-то еще? Переломы ребер, ушибы, ссадины?

– Нет. Вашего коллегу не били, – опроверг мои предположения целитель. – Единственный ушиб у него находится на левом плече и боку, поскольку, потеряв сознание, господин Херьер упал именно на левую сторону. И в таком же положении его нашли поутру.

– Сколько он еще пробудет без сознания?

– Не могу сказать. Но травма достаточно серьезна, и вряд ли ваш маг придет в себя раньше, чем послезавтра.

– Еще какие-нибудь подробности с места преступления вам известны?

– Почти нет, – качнул головой господин Орбис. – Когда господина Херьена доставили к нам, он был одет, обут, но лишился бумажника именной бляхи. Драгоценностей при нем не нашли, но велика вероятность, что их и не было: я не увидел следов, что с потерпевшего срывали перстни или цепочку. Так что, возможно, это и было ограбление, совмещенное с тяжелыми телесными, но точнее вам скажут в северном УГС. Насколько я знаю, дело закрепили за ними.

– Адрес, по которому обнаружили нашего коллегу, вы помните?

– Угол Грозовой и Тридцать восьмой.

Это совсем рядом с домом, где живет Лив! А на Грозовой, помнится, осталась моя старая метка. Еще с тех времен, как мы расследовали двойные убийства.

«Я проверю», – шепнул незримо следящий за разговором Мэл и исчез.

Я кивнул:

– Благодарю. Роберт, мы уходим.

Еще через десятую часть свечи мы оказались на территории северного сыскного Управления и постучались в дверь кабинета Грэга Эрроуза.

– Входи, Рэйш, – устало отозвался начальник северного УГС, когда я появился на пороге. Подождал, когда я зайду, и с недоверием воззрился на скромно вставшего рядом Роберта. – Кто это с тобой?

– Ученик.

У Эрроуза сверкнули глаза – маленького лорда он явно узнал, но от вопросов тем не менее воздержался. Для него это, кстати, было нечастым явлением – как все маги Смерти, Грэг был дотошным, упорным и стремился доводить дела до конца. Меня он, правда, в последнее время недолюбливал, поскольку так и не смог получить

внятных ответов по поводу того, что же именно случилось в ночь, когда мы охотились на «двойного убийцу». Помнится, именно тогда я открыто продемонстрировал коллегам свое умение ходить прямыми тропами. Но, как и в отчете, списал это на полученное в Верле темное благословение (типа Фол дал, Фол взял), а тем, кто не поверил, посоветовал порасспрашивать жрецов.

Само собой, Грэг расстроился, не услышав более правдоподобного объяснения, и с тех пор мы находились в натянутых отношениях. Но сегодня было не время вспоминать о старых обидах. Поэтому он кивком предложил нам присесть, а затем сцепил руки на животе и совершенно справедливо предположил:

– Я так понимаю, ты явился сюда из-за Херьена...

– Что-нибудь расскажешь? – ровно поинтересовался я. – Или мне выяснять обстоятельства самому?

– Не надо угроз, Рэйш. Никто не собирается держать вас в неведении. Помощь своим – это святое.

– Что вы успели нарыть?

– Херьен шел с работы домой, – прикрыв глаза, ответил Эрроуз. – Сперва взял кеб, доехал до Тридцать шестой, а затем вдруг велел остановиться и надумал пройтись пешком. Кебмена мы нашли, с ним сейчас работают следователи, но предварительно могу сказать, что твой маг не выглядел встревоженным или напуганным. Однако был явно чем-то озабочен. Насколько я понимаю, это был его первый рабочий день в новом качестве?

– Четвертый. Но ты прав – забот у него в эти дни прибавилось. Что дальше?

– Дальше... судя по всему, до Тридцать восьмой Херьен дошел без приключений. Но на самом углу его кто-то догнал. Драки не было. Нападавший скорее всего был один. И появился он так быстро, что твой маг не только не успел отреагировать, но даже заметить его скорее всего не смог. Свидетелей, сам понимаешь, нет. Удар был всего один. Но по характеру раны даже я тебе скажу, что его нанесли сзади и сверху. С очень большой силой. Отчего Херьен сразу рухнул в сугроб, и там же его быстренько замело. Ни криков, ни шума не было – соседи ничего подозрительного не слышали. А нападавший, обыскав тело, сразу ушел, удовлетвовавшись бумажником и форменной бляхой с эмблемой вашего Управления. К утру следы этого человека занесло

снегом, так что проследить его путь нам не удалось. А потом по улице потоптался патруль, поэтому ищейки вынуждены отрабатывать все отпечатки, и на это уйдет какое-то время.

Я вопросительно приподнял брови:

– Хочешь сказать, нападение не было спланированным?

– Было. Но вряд ли нападавший ставил целью вывести из строя конкретно исполняющего обязанности начальника западного УГС. Скорее всего Лив просто попался ему на глаза – одинокий, о чем-то глубоко задумавшийся прохожий, которого оказалось очень удобно подстеречь на перекрестке.

– Случайный грабитель?

– Я почти уверен, что он даже не маг, – признался Эрроуз. – Ни один маг не станет нападать на коллегу с помощью дубины. Да еще на хорошо освещенной улице, под окнами жилых домов, где есть риск нарваться на свидетеля. К тому же следов заклинаний на месте преступления мы не обнаружили. Магический фон не повышен. Нарушений в работе защитных артефактов в близлежащих домах также замечено не было. Если бы на улице использовали боевое заклинание или артефакт, то хотя бы один из них или дал бы сигнал тревоги, или же забарахлил. Но этого не произошло.

– Вы нашли нападавшего? – снова спросил я, мысленно отметив правоту коллеги.

– Пока нет. Сам понимаешь, живая жертва хороша для суда и родных, но не для ищейки.

Цинично, но верно: если бы у нас был не грабитель, а убийца, то по ауре мы бы отследили его сразу. А так – придется побегать по городу в поисках здорового громилы, способного одним ударом вывести из строя крепкого мужика.

– Орудие нападения? Отпечатки с места преступления? Другие зацепки? – так же ровно перечислил я интересующие меня детали.

– Мы пока работаем, Рэйш, – с ноткой раздражения отозвался Эрроуз. – Надеюсь, ты не считаешь, что у меня в команде нет профессионалов?

– Кто из твоих магов осматривал Херьена?

– Никто. Его быстро опознали и сразу же отправили в ГУСС.

– А кто его опознал? И как, если служебная бляха исчезла?

Эрроуз поморщился:

– У него при себе был приказ о временном назначении на должность начальника западного УГС. С печатями. Следов чужой ауры на бумаге не нашли. Остались следы самого Херьена, Норриди и, разумеется, твои. Если нападавший и видел эту бумагу, то явно не впечатлился личностью жертвы. А на руках у него определенно были перчатки, так что эта улика нам не поможет.

– Он что, совсем дурак? – нахмурился я. – Забрал бумажник, но не прочитал документ, который мог оказаться векселем на предъявителя? Узнал, на кого именно напал, но не добил, чтобы гарантированно избавиться от свидетеля? На его месте я бы постарался свалить из столицы или залечь на очень глубокое дно...

– Мы предупредили патрули и дали им предположительные приметы: высокий... скорее всего выше среднего мужчины крепкой комплекции. Возможно, со сниженным уровнем интеллекта. Пока результатов нет – никто, подходящий под это описание, город ночью не покидал.

– Значит, он точно дурак, – заключил я, поднимаясь на ноги. – Спасибо, Грэг. Не возражаешь, если я взгляну на место преступления?

– Возражаю. Там еще работают мои маги и следователи. Но я пришлю отчет, если, конечно, он тебе нужен.

– Благодарю, не откажусь.

– Рэйш! – окликнул меня Эрроуз, когда я коснулся ручки двери. – Имей в виду: вмешиваться в расследование я тебе не дам. Не порти мне улики, договорились?

Я молча вышел и в сопровождении Роберта спустился на первый этаж, по пути кивнув нескольким знакомым. Но уже на улице нас догнал один из регистраторов и сообщил, что на мое имя только что поступило письмо из ГУССа с требованием немедленно туда явиться.

Эрроуз, походу, уже успел наябедничать. И ни на грош не поверил, что я вот так легко откажусь от поисков человека, который едва не убил нашего мага.

– Только попробуй влезть, – грозно предупредил Корн, когда мы с Робертом вернулись в ГУСС и шеф подsunул мне на подпись бумагу о временном назначении. – Я прекрасно тебя понимаю, но дело ведет Эрроуз, и именно с него я буду спрашивать за все огрехи и промахи. Как там Херьен?

– Пока в коме, – ответил я, ставя закорючку в очередном приказе. – Орбис сказал, что известит меня, как только Лив очнется.

– Не смей. Мешать. Эрроузу. Работать! – отдельно повторил шеф. – Ты меня понял?!

– Понял. Мешать не буду. Никто меня и близко не увидит рядом с местом преступления.

– Если увидят, получишь выговор. А если я узнаю, что ты все равно полез в это дело, уволю к демонам собачьим!

Я невозмутимо кивнул:

– Договорились. Теперь я могу идти?

Корн подозрительно прищурился:

– Что-то ты больно покладистый... прямо на себя не похож. И мне это очень не нравится.

– Это от стресса, – заверил я сомневающееся начальство. – Сначала мне не дали позавтракать, потом огорошили известием о том, что Лив надолго выбыл из строя... Знаете, шеф, после того, как вы буквально предвидели, что такое может случиться, в мою голову стали закрадываться нехорошие подозрения.

– Что еще за подозрения?

– Смотрите сами: четыре дня назад вы требуете подписать согласие, что в случае болезни Херьена я должен буду занять его место. И вдруг нате вам, кто-то большой и очень сильный ночью... тайком... и совершенно нетипичным способом выводит парня из строя. Что, по-вашему, я должен подумать?

Я демонстративно оглядел массивную фигуру светлого и так же демонстративно задумался:

– Вы, кстати, по комплекции подходите: здоровый, высокий...

Про уровень интеллекта я, само собой, ничего не сказал, но Корн и так все прекрасно понял. После чего зло зыркнул в сторону смиренно стоящего мальчишки, самую чуточку озверел, но ради юного лорда сдержался и всего лишь послал меня... в храм. Вознести молитву Роду за собственное благополучие.

А я что? Я и пошел, как велели. Правда, не в храм, а вниз. Зато сделал это с чувством глубокого удовлетворения.

– Мастер Рэйш? – спросил Роберт, как только мы оказались на улице. – То, что нам запретили участвовать в расследовании, законно?

– Участок не наш, так что да. Формально Эрроуз в своем праве. И Корн, как видишь, его поддерживает.

– То есть на место преступления мы уже не пойдём?

– Пойдем, – рассеянно отозвался я, прислушиваясь к поводку. – Но чуть позже. И так, чтобы шеф меня потом на дыбу не отправил за нарушение прямого приказа.

Люди Эрроуза освободили перекресток на углу Грозовой и Тридцать восьмой вскоре после полудня. Я за это время успел заскочить домой, порадовать своих призраков, накормить ребенка, вернуться на работу и разобраться с неотложными делами в Управлении. Но как только Мэл дал сигнал, что улица свободна, я прихватил Роберта и метнулся на темную сторону, успев предупредить Хокк и Триш, что мы ушли на обед.

– Вы только повнимательнее там... кхм... блюда выбирайте, – кашлянула нам вслед вышедшая из кабинета Хелена.

– И не очень долго! – крикнула оттуда же Хокк, не отрываясь от магической сферы. – А то от переедания несварение получить можно. Да и Корн всенепременно поинтересуется, какого демона начальник УГС в рабочее время находился в каком-нибудь захудалом трактире на территории северного участка!

– Что вы понимаете, леди, – вступился за честь безымянного трактира проходящий мимо Тори. – Как раз на северном участке и находятся лучшие трактиры в городе!

– Да-да, – поддакнула выглянувшая на шум Лиз и подмигнула Роберту. – А у нас тут молодой сотрудник. И по его лицу я прямо вижу, что целители рекомендовали ему правильное, регулярное и полноценное питание.

– С раннего детства желудком маялся, – тут же сориентировался маленький лорд, остановившись рядом с кабинетом темных магичек. – И вообще, мама запрещает мне питаться в сомнительных местах.

Хокк все-таки оторвалась от сферы и с подозрением оглядела младшего отпрыска Искадо, но я прервал увлекательный диалог и утащил мальчишку во Тьму, благо теперь умение открывать прямые тропы скрывать ни от кого было не нужно.

На угол Грозовой и Тридцать восьмой улиц мы пришли по нижнему слою.

– Мэл, что скажешь? – поинтересовался я в пустоту, не найдя брата на месте преступления.

Воздух рядом с Робертом тут же задрожал, и через мгновение над нами навис могучий торс бывшего Палача. Теперь, когда Мэл достиг своих прежних размеров, смотреть на него приходилось, задирая голову. А отточенные до бритвенной остроты костяные секиры непроизвольно заставляли вспомнить те времена, когда я считал его неуправляемой тварью.

– Похоже, Эрроуз не соврал, – доложил брат, деловито подхватив Роберта под мышки и усадив к себе на спину. – Нападение и впрямь походит на случайное. Из тех следов, что успел заметить я, ни один не крутился вокруг места преступления слишком долго. Место, где Лив остановил кеб, я тоже нашел – это на соседней улице, всего в четверти свечи быстрой ходьбы. От места преступления туда и обратно ведут шестнадцать цепочек чужих следов, потенциально подходящих под описание: мужские, крупные, довольно четко впечатавшиеся в землю. Двенадцать из них я проверил – это люди Эрроуза. Они дольше всех проторчали возле Лива и изрядно там натоптали. Две цепочки принадлежат тем темным, которые успели наследить и на темной стороне. Еще на две мне не хватило времени, но, если помнишь, твоего друга обыскивали. Значит, нападавший должен был хотя бы ненадолго задержаться. А таких следов я там не увидел. На соседних улицах подозрительных отпечатков почти нет. А те, что есть, ведут в соседние дома, в лавки, на рынок... и они совсем свежие. Думаю, в расчет их можно не принимать. Что же касается оружия, то следов крови я не нашел. Немного возле сугроба. Совсем чуть-чуть в паре шагов правее, как если бы нападавший стряхнул их в снег. А дальше – пусто. Даже нельзя сказать, принес нападавший оружие с собой или же подобрал с земли первую попавшуюся железку. Кстати, как вариант – недалеко от выхода с Тридцать шестой, на самом повороте, во дворе дома как раз идет стройка. Там целые горы стройматериалов, и в том числе куча водопроводных труб. Может, он взял одну из них?

– Следы рядом есть?

– Сколько угодно – рабочие и сейчас там ковыряются.

– А мотив? – озадачился я. – Шума никто не слышал. Ни криков, ни ругани. И лекарь подтвердил, что драки не было. Получается, какой-то отморозок увидел на улице нашего Лива, цапнул со стройки обломок трубы и внезапно шарахнул им парня по затылку?

Мэл кашлянул:

– Может, это маньяк? Бродил по темноте, присматривал беспечную жертву, припрятав железку под пальто. Затем наткнулся на парня, показавшегося ему безобидным, и напал. Бляху Лив носил, конечно, на видном месте, но если нападавший видел его только со спины, то мог и не заметить.

– Ну да. А когда заметил, то забрал с собой?

– Мало ли ненормальных на свете? – пожал плечами брат. – Если бы его смутило наличие бляхи, Лива он бы добил или, наоборот, не стал бы ничего трогать. Но он не запаниковал, не испугался, а просто забрал что хотел и преспокойно ушел.

– То есть ты считаешь, что это было ограбление? – скептически хмыкнул я.

– Я считаю, что это могло быть ограбление. Но не исключаю, что мы имеем дело с обычным сумасшедшим, который почему зря лупит безвинных жителей Алтира железной дубиной по голове.

– Надо поискать похожие случаи в архивах... Так. Покрутитесь-ка вокруг стройплощадки, – велел я, меняя плащ на доспех, и постучал костяшками пальцев по нагрудной пластине. – Ал? Ты еще тут? Будь другом, накинь невидимость. Мне нужно незаметно побродить по окрестностям.

«Проблемы?» – немедленно соткалось на земле.

– Пока только дела, но за заботу спасибо, – хмыкнул я, с интересом следя, как из пределов видимости исчезает мое брненное тело.

– Что ищем? – деловито осведомился Мэл, когда я перестал определяться простым зрением.

– Я – следы, а вы – потенциальное орудие убийства. Может, тот мужик где его взял, туда и вернул по дороге?

– Понял. Исчезаю.

У Роберта заблестели азартом глаза, когда следом за мной бывший Палач стал покрываться тончайшей зеркальной пленкой. Затем с любопытством уставился на свои собственные руки, которые тоже

стали исчезать прямо на глазах. А еще через пару мгновений рядом со мной не осталось ни Палача, ни сидящего у него на спине маленького мальчика. Только прохладный ветерок обдул мою щеку да цокнули по обледеневшей земле острые когти.

Вернувшись на верхний слой, я внимательно обошел место, где обнаружили Лива. Все было так, как сказал Эрроуз, – разворошенный сугроб со следами крови, масса отпечатков как в реальном мире, так и на темной стороне. Куча посторонней магии, которую использовали при осмотре этой части улицы. И даже несколько следящих заклинаний, которые, вероятно, оставили люди Грэга на случай, если я все же решу ему помешать.

«Грубо работаете, парни, – подумал я, беспрепятственно зайдя и выйдя из очерченного заклинанием пространства. – На нижних слоях ваша магия бесполезна, хотя вы об этом еще не знаете».

Отпечатки Херьена я тоже нашел, благо заранее сообразил посмотреть на них в кабинете Йена. По ним же отследил маршрут мага вплоть до Тридцать шестой улицы. Но ничего подозрительного не нашел. В дневное время улица была весьма оживленной, так что если и были тут следы нападавшего, то их уже давным-давно затоптали.

На всякий случай зафиксировав в памяти все более или менее четкие отпечатки, которые могли бы принадлежать крупным мужчинам, я проверил и те две цепочки следов, на которых не хватило времени у Мэла. Одна из них привела меня в соседний дом и принадлежала высокому, представительному, но довольно дряхлому старичку, который никак не походил на преступника. А вторая хоть и принадлежала мужчине средней или чуть больше чем средней комплекции, но подходила к месту нападения на Херьена не с Тридцать шестой улицы, а с противоположной стороны. От дома номер три по улице Грозовой. Он, к слову, стоял почти напротив злополучного особняка под номером два, откуда не далее как полгода назад вывезли два обезглавленных трупа. С тех пор там никто не жил – сразу после окончания следствия владельцы выставили его на продажу. Покупать его, похоже, никто не захотел, поскольку объявление о продаже по-прежнему висело на двери. А соседи и просто знающие люди старались обходить этот дом стороной.

Отследив последнего подозреваемого до пересечения Грозовой и Тридцать шестой, я решил оставить его в покое. По той простой

причине, что даже если он и шел вчера по той же улице в то же самое время и все-таки пересекся с Херьеном, то встретиться они должны были лицом к лицу. Тогда как на мага напали сзади. Опять же, если бы эта встреча состоялась, то нападавший непременно заметил бы форменную бляху, которую Лив всегда носил на виду. Даже с учетом позднего времени суток и скверного уличного освещения не сообразить, кому она принадлежала, было сложно – в темноте бляха подсвечивалась специальным заклинанием. А нападать на светлого мага с дубиной и впрямь рискнул бы только безумец.

К сожалению, из-за обилия посторонних, успевших в это утро побывать на месте преступления, я затруднился сказать, в какую именно сторону свернул потом незнакомец. Большинство отпечатков на перекрестке к нашему приходу безбожно затоптали. Но Херьен дураком не был. И если бы мужчина выглядел подозрительно, вряд ли позволил бы ему оказаться у себя за спиной.

Эх, жаль, что копии отчетов по этому делу я получу в лучшем случае к концу месяца. И на допрос никого вызвать нельзя, и Лив, как назло, в коме, и на след не встать, чтобы не засветиться. Да и есть ли резон? Небось парни Эрроуза уже потеряли следы, и раз нам еще не сообщили имя убийцы, значит, его следов среди оставшихся отпечатков не было.

Убедившись, что больше ничего интересного тут нет, я воспользовался поводом, чтобы отследить местоположение Мэла. Добрался до него темной тропой. На всякий случай огляделся на предмет оставленных чужими сыскарями следилок. Нашел целых три и, мысленно похвалив коллег из северного УГС за сообразительность, аккуратно обошел подозрительные участки.

Мэл с Робертом в это время как раз закончили кружить по стройплощадке, на которой в реальном мире все еще кипела работа по укладке водопровода. На темной стороне они уже все осмотрели, везде сунули любопытные носы. В том числе и на нижнем уровне. Но к сожалению, следов крови или иных подозрительных вещей в пределах видимости не обнаружили. А если что-то и было, то парни Эрроуза, раз сообразили сюда прийти, наверняка уже все описали и забрали в качестве улики.

Хотя нет, не все. Эрроуз вроде говорил, что оружие пока не найдено?

– Может, нападавший унес его с собой? – тихонько предположил Роберт, когда Мэл с разочарованным вздохом остановился посреди площадки и мы обменялись выводами.

Я сперва был склонен согласиться с мальчиком. Но потом кинул взгляд на призрачные силуэты рабочих, некоторое время последил за тем, как они ловко роют траншеи и укладывают трубы, и прищурился:

– А может, нет? Может, ребята Эрроуза просто поздно сюда пришли?

Мэл озадаченно крикнул.

– Хочешь сказать, они ничего не нашли только потому, что нужную им трубу уже закопали?

– Вряд ли она была новой. Смотри, какие они узкие и длинные, такой штуковиной невозможно нанести быстрый и точный удар. Скорее, нам надо искать короткий толстый обрубок... старый, ржавый, с облетающей краской. Именно такой, который могли бы без задней мысли выкинуть за забор или забыть у калитки за ненадобностью. Конечно, есть шанс, что нападавший действительно утащил его с собой. Но вдруг нам повезет? Патрули в этой части города ходят не так уж редко, а мужик с окровавленной железкой в руке определенно привлек бы к себе внимание. Если он не совсем дурак, то постарался бы спрятать оружие. А стройка как раз по пути.

– Этим утром отсюда вывозили мусор, – тут же припомнил брат. – Как раз в то время, когда сыскари работали на перекрестке. Рабочие целую телегу хлама накидали.

– Куда она поехала?

– Не знаю, не отслеживал.

Я с досадой прикусил губу:

– Мне теперь тоже лишний раз не спросить.

– Я могу, – встрепенулся сидящий на спине Мэла Роберт. – Меня никто не заподозрит!

– У тебя физиономия приметная. И слишком дорогая одежда, чтобы вот так просто подойти к старшему по стройке и спросить, куда он вывозит мусор.

– Я могу камзол наизнанку вывернуть! И лицо сажей намазать!

– Тогда уж и ботинки свои лакированные снимай, – проворчал я. – А еще надевай грязную шапку, набрасывай на плечи драный плащ и

будь готов к тому, что на вопросы тебе не просто не ответят, но еще и по шее нададут, чтобы не отвлекал людей от важного дела.

Роберт насупился:

– Давайте тогда кого-нибудь найдем, чтобы спросили? У меня есть немного денег.

– Лучше прогуляемся до Управления городского порядка и поспрашиваем, кто и где занимается уничтожением строительных отходов. Если я не ошибаюсь, оно находится где-то на левобережье?

– О да, – довольно осканился брат. – Недалеко от доков, кстати. Помнится, в том районе когда-то умруны орудовали...

– Замечательно. Роберт, ты еще не замерз?

– Нет, учитель, – звенящим от возбуждения голосом отозвался невидимый пацан.

– Тогда если вдруг спросят, то мы пошли обедать в другую часть города, поскольку местные заведения не устроили нас качеством обслуживания.

...Глава 8 ...

Господин Лойро, начальник Управления городского порядка, встретил нас очень любезно и доходчиво объяснил систему утилизации мусора в столице. В том числе и то, что весь мусор сперва проходит сортировку на специальном полигоне, а затем или уничтожается, или же отправляется на переработку.

В частности, старые водопроводные трубы, как и другие железки, отправляются на переплавку. Прямо сюда, на левобережье, в огромные печи, где отработавший свое металл переплавляли во что-нибудь дельное. Однако когда мы с Робертом добрались до подрядчика, то оказалось, что сегодняшняя порция мусора буквально свечу назад была благополучно отправлена в утиль, так что если и попала туда наша труба, то теперь искать ее бесполезно.

К тому же неожиданно выяснилось, что около половины свечи назад в гостях у господина Лойро побывали два следователя из северного Управления городского сыска. Это означало, что мыслили ребята Эрроуза в том же направлении, что и мы, и это позволяло надеяться, что ничего важного они не упустят.

Поскольку время уже перевалило далеко за полдень, я неохотно признал, что большего для Херьена сделать пока не в силах, и отправился обратно в Управление. А вот Мэл решил с нами не ходить.

– У меня еще дела в городе, надо кое-кого найти, – ухмыльнулся он. И прежде чем я сообразил, что именно он имел в виду, ушел во Тьму, предупредив, что до ночи его можно не ждать.

«Ну и ладно, ищи», – подумал я, открывая дверь в контору и пропуская внутрь Роберта. А потом зашел сам и озадаченно замер, поняв, что, несмотря на разгар рабочего дня, в холле не видно ни единой живой души.

У нас тут что, мор случился, пока меня не было?

Все дружно на обед ушли, решив, что, пока начальство отсутствует, можно?

Или же сюда потусторонняя тварь явилась, сожрав всех до единого сотрудников?

А нет. Одна живая душа все-таки осталась.

– С возвращением, мастер Рэйш, – улыбнулся парнишка за стойкой регистрации.

– Что за дела? Куда народ делся?

– Так на выездах все, – немного смущенно пояснил практикант. – Сразу после полудня у нас целый шквал обращений случился. Поэтому мастера Триш, Хокк и Тори, а также госпожа Шарье и оба следователя разъехались на места преступлений. И взяли с собой всех, кто на тот момент был свободен.

Я озадачился еще больше, но потом просмотрел журнал обращений и убедился: за то время, пока мы с Робертом гуляли по темной стороне, в Управление поступило сразу пять срочных вызовов. К счастью, ничего серьезного там не оказалось – сплошные кражи. Правда, с предположительным участием магических артефактов. Поэтому ребята прихватили с собой молодежь и умчались по адресам.

На всякий случай я все-таки связался с Хокк и, убедившись, что дела действительно пустяковые, вернулся в кабинет Йена, откуда заказал нам обед. А пока Роберт с аппетитом уплетал всякие вкусности, с головой ушел в магическую сферу в надежде, что хотя бы в архивах ГУССа найдется след загадочной незнакомки.

За этим делом меня и застали вернувшиеся сыскари, закончившие работу в городе почти одновременно.

– Это какой-то идиотизм, – с досадой бросила Хокк, бесцеремонно ворвавшись в кабинет и плюхнувшись на первое попавшееся кресло. – Я с таким глупым делом еще ни разу не сталкивалась!

Успевший перебраться на диван Роберт тут же наострил уши, а я оторвался от сферы и вопросительно уставился на магичку:

– Какие-то проблемы?

– Да не то чтобы... – скривилась Хокк. – Понимаешь, дело-то вроде пустяковое – из сейфа пропал не самый дорогой и не самый ценный для хозяина артефакт. Городская стража связываться не стала – у них тоже в последние дни какой-то подозрительный наплыв мелких дел. Ну, собственно, и Фол с ними, раз тут замешана магия – ладно, мы поучаствуем. Но дело в том, что в действительности артефакт никуда

даже не пропадал – я нашла его на заднем дворе закопанным в саду. Под стеклышком. Представляешь?!

Я кашлянул:

– Что значит, под стеклышком?

– А вот то и значит... помнишь, как мы в детстве развлекались? Хотя о чем это я? – скептически оглядела меня Хокк. – Это же девчачья забава – закапывать в земле всякие безделушки и для надежности прикрывать их цветным стеклышком от бутылки.

– Пропавший артефакт ты называешь безделушкой?

– Обычное украшение, – отмахнулась она. – Там магии-то было две капли. Простейшее заклинание для предотвращения потемнения старинного серебра. Только и всего. Но не в этом дело. Понимаешь, в доме всего двое детей. Девочки-близняшки как раз подходящего возраста. Их мать к тому же призналась, что накануне вечером открывала сейф, чтобы показать ювелиру поврежденный замочек на одном из украшений, и не исключала, что в суете могла забыть запереть дверцу. Она также сказала, что девочки обожали рассматривать фамильные драгоценности, особенно пропавшую брошь, и весь вечер крутились возле кабинета. Но когда я их расспросила, дети сказали, что не трогали мамины вещи. И амулет правды показал, что это – сушая правда.

Я откинулся в кресле:

– Ты амулет давно у технарей проверяла?

– Сразу, как только получила на складе! И сейчас, когда вернулась, тоже проверила! Все в полном порядке! В этом-то и загвоздка!

– Забавно... – протянул я, исподтишка разглядывая раздосадованную коллегу. – Артефакт на самом деле никуда не пропадал. Велика вероятность, что дети его просто взяли поиграть, но при этом сами дети категорически отрицают свою причастность, и амулет правды подтверждает, что они невиновны.

Хокк фыркнула:

– Вот я и говорю, глупость какая-то! Кому, кроме малолеток, пришло бы в голову закапывать драгоценности в саду, да еще под стекляшку? Если бы их украл кто-то из слуг, то все равно наличие стекла невозможно объяснить! Это нелепо! Да и незачем, если и в доме, и во дворе полно мест, где награбленное можно спрятать гораздо надежнее! Не говоря уж о том, что на месте вора я бы сразу отнесла

артефакт перекупщику, однако с момента его исчезновения прошло целых полдня, и никто не озаботился избавиться от улики!

– Действительно дурость, – был вынужден признать я, а Хокк раздраженно мотнула головой.

– Сколько лет работаю, а таких идиотских дел у меня еще не было. Ладно. Пойду отчет напишу, что ли... хотя не знаю, есть ли в нем смысл, если на самом деле ничего не пропало.

– Мастер Рэйш, вы здесь? – вдруг заглянула в приоткрытую дверь Лиза Шарье.

Я кивнул:

– Заходи, Лиз. Как у тебя успехи?

– Да вы знаете, какое-то дело странное попало...

– И у тебя тоже? – удивился нарисовавшийся на пороге Тори.

– Всем привет. А вы чего тут толпитесь? – добродушно поинтересовалась подоспевшая Триш. – У нас совещание? Или кому-то еще повезло так же, как мне?

– Заходите все, – велел я. – Хокк, задержись. Что-то мне перестает нравиться происходящее.

Когда все расселись, Лиза быстро и четко изложила подробности своего расследования. И вторая «кража» оказалась такой же нелепой, как у Хокк. Здесь, правда, история начиналась иначе: хозяин поручил одному из слуг забрать из магической лавки самый обычный, недорогой, но довольно эффективный охранный амулет, который неделей раньше был сдан мастеру на починку. Слуга, как утверждает владелец лавки, хозяйскую вещь благополучно забрал. Другие слуги спустя небольшой промежуток времени видели парнишку дома. С тем самым амулетом в руках. Однако до хозяина амулет так и не добрался. И на привычном месте тоже не появился, хотя с момента возвращения парня прошло больше двух с половиной дней.

На вопрос о том, почему никто раньше не спохватился, слуги и сам хозяин ответили, что раньше в Робби – именно так звали невезучего парня – никто не сомневался. Он был неглуп, патологически честен, и никому даже в голову не могло прийти, что он способен на кражу. Когда же спустя некоторое время хозяин обратил внимание, что обновленный артефакт не появился на своем месте, управляющий инициировал служебное расследование. И, придя к

выводу, что вором не мог быть никто, кроме Робби, этим утром привел его в Управление.

– Я опросила слуг, владельца дома и его домочадцев, – доложила Лиз. – Никто и слова дурного не мог сказать о Робби до этого самого дня. Он выполнял все самые деликатные поручения хозяина. Ему доверяли как никому, а управляющий подтвердил, что парнишка не просто был горд таким доверием, но и жутко переживал, если запаздывал хотя бы на миг или же был не в силах в точности выполнить порученное ему дело.

– Что же с ним случилось два с половиной дня назад? Фол попутал?

– Нет, – растерянно отозвалась Лиз. – Именно это-то и есть самое непонятное! Парень не отрицает, что действительно забрал амулет из магической лавки, но уверяет, что донес его до дома хозяина в целостности и сохранности.

– А кому он его отдал? – невольно заинтересовалась Хокк.

– Он... не помнит.

– Чего? – не поверила Триш. – Он так трясся над своей безупречной репутацией, боясь разочаровать хозяина, и вдруг забыл, куда положил ценную для него вещь?!

– Амулет подтвердил, что все именно так и было.

– А может, его подставили? – задумчиво предположил Тори.

Я бросил на парня одобрительный взгляд, а затем покосился на Хокк. Но та лишь успокаивающе кивнула – в своем деле эту версию она тоже проверила. И судя по всему, не нашла следов, что хозяйских близняшек кто-то хотел намеренно очернить перед матерью.

Лиза тоже подтвердила, что расспросила на этот счет и слуг, и домочадцев. Однако, как и в первом случае, желающих подставить несчастного слугу не нашлось, и сразу два амулета правды подтвердили, что в доме не было людей, желавших очернить его репутацию.

– Амулет-то вы хоть нашли? – спросила Лора, когда Лиза закончила докладывать.

– В доме его нет. Личные помещения для слуг, задний двор, подвал... ничего. Я даже проверила Робби на предмет заклинаний, воздействующих на разум, и могу с уверенностью сказать, что он чист.

Никто не заставлял его передавать амулет посторонним лицам, не усыплял, не накладывал заклинания забвения...

Мы с Хокк скептически переглянулись.

– Иными словами, у парня просто отшибло память?

– Похоже на то, – вздохнула юная магичка. – И пока он не вспомнит, куда дел тот грешный амулет, боюсь, мы его не отыщем.

– У меня почти такой же дурацкий вызов, – после короткой паузы поделился Тори. – Звали на кражу, но оказалось, что пожилой хозяин дома просто не туда запихнул свою курительную трубку. Магии в ней нет. Она больше дорога ему как память. А к нам он обратился сугубо потому, что, оказывается, не знал, что такими простыми делами занимается городская стража.

– Что ж ты так долго провозился, если дело не наше? – полюбопытствовала Хокк.

Тори смутился:

– Да как-то... подумал просто, что дело пустяковое. Да и негоже едва живому деду отказывать в помощи. Вот и облазил весь дом вместе с парой практикантов. Трубку мы, разумеется, нашли. Все с ней в полном порядке. Дед был счастлив, а мы с курсантами лишний раз вспомнили порядок проведения обыска и попрактиковались в сборе свидетельских показаний.

Я с трудом удержался от усмешки, но указывать парню на его излишнюю доброту не стал. Молодец, сообразил прикрыться практикантами. Но чуть позже ему придется еще раз напомнить, для чего создавались Управления городского сыска.

– У меня тоже глупое дело, – призналась Триш, когда мы закончили с Тори. – И причиной его, как и у вас, стала обыкновенная забывчивость...

Я сделал Триш знак замолчать и свел брови к переносице.

А не многовато ли у нас набирается забывчивых фигурантов? Несколько дней назад один из стражников пожаловался на плохую память. Молодой, абсолютно здоровый парень, который только что собрал показания у свидетелей и побоялся их тут же забыть! Потом мама у Роберта начала страдать непонятным недугом. Девчонки-близняшки, которые единственные могли взять поиграть мамину брошь, но категорически это отрицали. Невезучий Робби, теперь еще забывчивый старикан с трубкой... ах да, наше самое первое дело в

этом месяце начиналось с аналогичной проблемы! Пожилой господин Найттерли умудрился забыть важный код, который каждое божье утро собственноручно набирал на охранительном амулете!

Да, пожилые люди частенько забывают текущие события. Маленькие дети тоже не отличаются безупречной памятью и порой от испуга способны непроизвольно забыть даже то, что для них было важно. В этом случае амулет правды, кстати, не поможет – когда человек абсолютно уверен, что не сделал ничего плохого, ни один артефакт не уличит его во лжи. Быть может, именно поэтому Хокк не нашла воришек, а Лиза не смогла отыскать пропавший артефакт? И если по отдельности подобные случаи не вызывали особых подозрений, то когда их набирается так много, это определенно заставляет задуматься.

Под удивленными взглядами коллег я поднялся из-за стола и ушел на темную сторону. Недалеко. Буквально в соседнее здание, где ни мне, ни Йену вот уже полгода не было надобности появляться.

– Жольд!

– А?! – подпрыгнул в своем кресле начальник западного Управления городской стражи, когда я внезапно появился у него за спиной. – Рэйш?! Да Фола вам в душу! Какого демона вы тут делаете?!

Я сделал успокаивающий жест:

– Прошу прощения. Так было быстрее. Жольд, у меня вопрос: у вас в последнее время не многовато ли стало необъяснимых краж и исчезновений самых обычных вещей, которые нельзя напрямую связать с совершением преступления? К примеру, вещички, которые кто-то взял и запомнил вернуть. Ростовщики, которые подали жалобу на должников, хотя те на самом деле уже расплатились. Или, наоборот, недобросовестные плательщики, которые свято уверовали, что долг свой уже отдали...

Здоровенный бородатый мужик утер рукавом вспотевший лоб и, сев обратно в кресло, неприязненно буркнул:

– Да сколько угодно. Каждый день горы бумаги на эту ерунду изводим.

– Мне нужно просмотреть эти дела.

– Не вопрос. Пишите официальную бумагу, и я в течение месяца вам пришлю копии отчетов.

– Мне нужны эти сведения сегодня. Еще лучше – прямо сейчас.

Жольд свирепо зыркнул из-под лохматых бровей, хотел было по обыкновению гаркнуть, что ему некогда заниматься чепухой. Но быстро понял, что я не шучу. Вспомнил, чем именно обязан мне и Йену, и шумно выдохнул:

– Хорошо. Свечи через три сделаем выборку по последним делам. За какой срок брать данные?

Я ненадолго задумался:

– За последний месяц. Если успеете, то за два. А если у вас будет время, то дайте анализ за последние полгода. Полагаю, там обнаружится немало интересного.

Ровно через три свечи в кабинет постучался Сенька и торжественно положил на стол пачку мелко исписанных листов.

– Что это, мастер Рэйш? – полюбопытствовал Роберт, когда я нетерпеливо сцапал их все и начал торопливо просматривать. Естественно, эти три свечи я тоже не сидел без дела и добросовестно поднял всю нашу статистику за последние полгода. Но у Жольда данные были более наглядными, потому что мы занимались только магпреступлениями, а к нему стекалась информация по более простым и, соответственно, более многочисленным делам.

Я не ошибся: за последнее время среди преступлений, зафиксированных на западном участке столицы, с устрашающей скоростью начало расти количество глупых, нелепых и необъяснимых случаев, причинами которых стала обыкновенная забывчивость. Конечно, они и раньше случались нередко, и сами по себе эти дела даже в чем-то нам помогали. Они были несложными и существенно улучшали статистику раскрываемости преступлений.

Но в последнее время по Управлению Жольда таких дел прошло гораздо больше. И если в начале прошлого месяца небольшой прирост таких дел еще можно было списать на естественные причины, то когда их стало больше на порядок, это уже было сложно объяснить.

– Похоже, пора идти к Корну с докладом, – пробормотал я, убедившись, что мне не почудилось.

– Может, сначала лучше в храм? – предложил Роберт.

Я хотел было отмахнуться, но потом отложил бумаги и встал:

– Ты прав. Начинать надо с самого простого. Пойдем пообщаемся с отцом Гоном. Некоторую информацию проще получить от него, чем рыться в архивах Главного Управления.

– Здравствуй, Артур! – радушной улыбкой встретил меня отец настоятель, едва я переступил порог первохрама. – Давно не виделись, брат.

Я воззрился на отца Гона со вполне обоснованным подозрением:

– Что значит давно? Недели не прошло, как мы встретились у Нельсона Корна. Святой отец, неужели вы об этом забыли?

Хранитель наморщил лоб:

– Ах да, верно. Здравствуй и ты, мой мальчик. Вот тебя я точно давно не видел, если, конечно, меня не подводит память.

Роберт спокойно кивнул, а у меня нехорошо засосало под ложечкой.

– Святой отец, а вам в последнее время никаких посланий от Фола не поступало? Все ли спокойно в храме? Нет ли известий от других богов?

– Насколько я помню, нет. Хотя...

На лице темного жреца проступило сомнение.

– Некоторое время назад я очень хотел тебя увидеть. Да-да, как раз перед визитом в ГУСС меня посещала такая мысль. Но потом мы все-таки встретились, и меня перестало тревожить это желание. Почему ты об этом спросил?

– Святой отец, а вы помните, почему вас вообще посетило желание со мной увидеться? – еще тревожнее спросил я.

– Боюсь, что нет. Но я все равно рад тебя видеть, – снова улыбнулся жрец.

И вот тогда мне стало совсем плохо.

Фолова бездна! Что происходит с городом, если его жители стали ни с того ни с сего забывать самые простые вещи? Причем важные для них вещи! Отец Гон хотел со мной о чем-то поговорить, и это определенно не могло быть безделицей! Мама Роберта души не чаяла в сыне и вдруг забыла, что он вообще существует! Дед бросил незнамо куда свою любимую курительную трубку! Близняшки не смогли

вспомнить, куда положили самую дорогую свою игрушку! А сколько подобных дел я видел в отчете у Жольда, вообще описанию не поддавалось!

Но что самое главное, это коснулось абсолютно всех слоев населения. И магов, и немагов, и детей, и взрослых, и стариков. Даже отец Гон засомневался! Так что, наверное, пора и мне задуматься, а не случилось ли в моей жизни чего-то такого, о чем я тоже успел забыть.

От последней мысли мне стало неуютно, но, наскоро порывшись в памяти, каких-либо провалов я при беглом осмотре не обнаружил. Беззаботное детство, лихая юность, ложное обвинение, дар, учеба у мастера Этора – на первый взгляд все было на месте. Включая наше знакомство с Йеном, смерть Лойда, появление Мэла и целую вереницу событий в Алтире, по которым я долгое время проходил у Корна как главный подозреваемый.

– Что-то случилось, Артур? – следом за мной обеспокоился святой отец.

Я глубоко вздохнул и, сжав покрепче руку Роберта, вкратце изложил свои подозрения.

– Обожди немного, – внезапно севшим голосом попросил жрец. После чего отошел в сторону огромной черной статуи, опустился перед ней на колени и низко склонил голову, одновременно с этим молитвенно сложив ладони у груди.

Пока отец настоятель молился, я тревожно поглядывал на ученика, который тоже теперь хмурил брови и явно старательно вспоминал последние два месяца своей жизни.

– Мне не кажется, что я что-то успел забыть, мастер Рэйш, – шепотом сообщил он, заметив мой интерес. – Но наверное, так и бывает: люди забывают какие-то вещи и не способны вспомнить даже тот факт, что из памяти что-то пропало.

Я молча кивнул.

Да, похоже, так и случилось с теми, кто успел попасть в поле зрения городской стражи. Интересно, отец Гон сможет добыть ответы у своего бога? И не пора ли мне начать задавать вопросы одной вездесущей леди, пока я вообще не забыл, кому служу?

Неожиданно по моему затылку прошелся прохладный ветерок.

– Тебе не нужно этого опасаться, Артур, – едва слышно прошелестела Смерть. – Обо мне ты уже не забудешь. Ты мой.

Я напрягся:

– То есть темных магов и жрецов это не коснется?

– Коснется. Но гораздо позже, чем всех остальных.

Час от часу не легче.

– На границе миров магия слабеет, Артур, таков закон, – на всякий случай добавила леди в белом, ласково потрепав мои седые лохмы. – Поэтому чем ближе граница, тем сложнее на вас воздействовать. И наоборот – чем вы от нее дальше, тем проще вас зацепить. В любом из миров.

– Значит, это все-таки магия? – тихонько спросил внимательно прислушивающийся к разговору Роберт.

Из-за моей спины вынырнула изящная женская рука и бережно погладила зажмурившегося от неожиданности мальчика по седой голове.

– Можно и так сказать, Роберт Лернан Искадо. Однако это не ваша магия, не человеческая. Поэтому и воздействует она на всех одинаково.

– Даже на нежить?!

– Увы.

– Подожди! Подскажи, что это за магия?! Чья она?! И где мне искать источник?! – быстро спросил я, когда рука исчезла, а холодок на моем затылке почти перестал ощущаться.

– Не знаю, – уже откуда-то издалека шепнула леди Смерть. – Моя власть сильна только рядом с границей. Не отходи от нее далеко, Артур, иначе однажды можешь и не вернуться.

– Только этого не хватало, – тихо ругнулся я, когда богиня исчезла. – Если эта магия действует на оба мира, то в реальности нам тоже небезопасно. Роберт, тебе придется быть вдвойне осторожнее с теми, кого ты призываешь во Тьме.

– Я уже понял, учитель. Те, кто обитает на нижних слоях, могут меня и не узнать.

– Именно. А еще нам с тобой придется как можно чаще пересекать границу. Для гарантии, что из нашей памяти не испарится самое важное.

Наконец отец Гон закончил молитву и, поднявшись с колен, обернулся. Выражение лица у него при этом было крайне встревоженное, а в глазах клубилась первородная Тьма, при виде которой я внутренне подобрался.

– Ты бы прав, Артур, в мире происходит нечто очень неприятное. Да я уж догадался!

– И необъяснимое, – сумрачно добавил жрец. – В последние дни я много времени провожу на нижнем слое, и, как оказалось, это небезопасно. Я знаю, что именно хотел сказать тебе при встрече: Фол ниспослал мне еще одно видение. И только что об этом напомнил.

– Это что-то плохое?

– Не катастрофичное, – слегка успокоил меня святой отец. – По крайней мере, не сейчас. Но я видел Тьму, в которой волнами расходятся нити какого-то заклинания. И свет, который гаснет по мере того, как нас покидают самые дорогие и ценные воспоминания.

Я поджал губы:

– Фол дал вам хотя бы примерное расположение источника этих волн?

– Они повсюду, Артур, – качнул головой жрец. – Хотя пока они не выходят за пределы Алтира. Но Фол дал понять, что как только это произойдет, остановить эту магию нам будет не под силу.

...Глава 9...

– Замечательно, – пробормотал я, выйдя из храма на нижний уровень. – Просто нет слов. Роберт, ты теперь не отходишь от меня ни на шаг. Надо будет ограничить наших коллег в перемещениях вдали от границы и сказать Мэлу... проклятье! Мэл!

Он же по большей части пребывает именно на нижнем слое!

Я прыжком вынырнул на верхний слой, одновременно отправив брату тревожный сигнал. Пережил несколько неприятных мгновений, размышляя о том, что во Тьме может вновь потеряться лишившийся воспоминаний Палач. И с невероятным облегчением выдохнул, когда поводок натянулся, а из темноты проступил рослый, стремительно теряющий невидимость силуэт.

– Звал?

– У нас проблема, брат! – выдохнул я, торопливо обшаривая лицо Палача глазами. Но потом вспомнил, что с некоторых пор он – это в некотором роде часть меня самого, и слегка успокоился.

Если мы не утратим связь, то обо мне Мэл наверняка не забудет. Но так глубоко во Тьму не стоит уходить даже ему, иначе к уже имеющимся трудностям у нас добавится новая.

– Нет, – напряженно отозвался брат, когда поворошил мои тревожные мысли. – О тебе я помню. Да и привязку душ просто так разорвать не получится. Но кое в чем ты не ошибся – пока ты меня не позвал, я... скажем так, какое-то время пребывал в недоумении относительно своего нахождения в центре столицы и не мог вспомнить, зачем именно ты меня туда отправил.

– Значит, отныне далеко не уходи, – отрывисто бросил я, крепко держа мальчишку за руку. – Отец Гон сказал, что *это* набирает силу. Так что скорее всего ситуация будет усугубляться и коснется абсолютно всех, кто живет в Алтире.

– Надо предупредить папу, – внезапно побледнел Роберт. – Вдруг он тоже обо мне забудет?!

Я решительно подхватил его на руки и усадил на спину Мэла.

– Сначала найдем его, потом навестим наших и Корна. Только по верхнему слою. Ал!

Вокруг нас троих тут же закружилась серебристая жижа.

– Надеюсь, хотя бы ты ничего забывать не начал?

«Я не живой, – молча соткалось на земле. – Но и не мертвый. Отец Гон считает, что на меня это воздействовать не должно».

– Присмотри за ним, – попросил я, набрасывая броню. – Если увидишь, что он опять становится рассеянным, напоминай. Оставляй следы. Спрашивай, уточняй. Если надо, пиши записки на видном месте.

«Понял. Прослежу», – отозвался алтарь, скрывая нас троих от постороннего взора.

– Жаль, что мы за всеми остальными не можем так проследить, – тихо уронил Мэл.

Я только вздохнул и открыл прямую тропу.

Ал не железный. Он, конечно, был создан богом, но на всю столицу его точно не хватит, поэтому нужно как можно быстрее предупредить тех, кто сможет обезопасить город.

Лорд Аарон Искадо спустился в холл сразу, как только слуги передали, что внизу его дожидается сын. При виде меня его светлость насторожился, но вопросов задавать не стал – сперва предложил пройти в кабинет. Затем терпеливо меня выслушал. Озабоченно свел брови к переносице. А когда я намекнул на болезнь его жены, заметно побледнел.

– Да, такое вполне возможно, – тихо признал он, сложив два и два. – В последнее время Элания говорила и тревожилась только о Роберте. Вы действительно считаете, что из памяти людей исчезают только самые яркие воспоминания?

– Самые эмоционально окрашенные. Самые значимые. Быть может, самые последние. Но это неточно.

У лорда Искадо сжались кулаки:

– Магия разума?

– Возможно, поэтому буду признателен, если вы поднимете свои архивы и все доступные сведения о магразработках в этом направлении.

– Для заклинаний, способных накрыть собой целый город, нужен очень мощный источник питания, – не согласился милорд. –

Незаметно его установить и использовать на протяжении длительного времени, не привлекая внимания, нереально. Даже просто купить артефакт подобной мощности крайне затруднительно. Разве что кто-то собрал его самостоятельно? Но мы отслеживаем всех артефакторов и тем более следим за крупными покупками, которые могут быть использованы по двойному назначению. Не говоря уж о том, что навскидку я не могу припомнить ни одного заклинания, способного оказывать такое длительное и мощное воздействие на население целого города.

Я криво улыбнулся:

– Ключевое слово здесь – «припомнить», милорд. С учетом того, что мы узнали, ваши знания могут быть обрывочными.

Лорд Искадо дернул щекой:

– Я выясню.

– Хорошо. А заодно напрягите целителей и выясните, не могут ли сегодняшние события являться результатом какой-нибудь магически обусловленной болезни.

– Болезнь? – вздрогнул светлый и как-то неуверенно посмотрел на тревожно переминающегося сына.

Я кивнул:

– Из вашего рассказа мне показалось, что первое время леди Элания пыталась как-то сопротивляться этому воздействию.

– Не знаю. Возможно, – задумался лорд. – Поначалу она действительно находила в себе силы вспомнить детали и даже старалась это сделать незаметно для меня. Когда ей это удавалось, она, судя по всему, успокаивалась, а я, к сожалению, списывал ее поведение на обычную женскую рассеянность. Но потом пробелов стало слишком много...

– Пока большая часть памяти, связанная с Робертом, полностью не исчезла?

– Вы правы. Это чем-то напоминает болезнь. Маловероятно, что возбудитель так долго распространялся по столице и при этом не давал других симптомов. Но сам факт их цикличности с постепенным усилением... Благодарю, мастер Рэйш. Ваше предупреждение очень своевременно. Я поговорю с целителями и распоряжусь, чтобы по столице отдали приказ поголовно носить защитные амулеты. Особенно в государственных структурах и особенно во дворце.

Я благодарно кивнул: да, узкопрофильные специалисты-маги с отшибленной памятью могут серьезно осложнить и без того непростую ситуацию. За темных, особенно за магов Смерти, мне было не так тревожно. Но и светлых, если они разом слетят с катушек, будет достаточно для маленького столичного апокалипсиса. А если с катушек слетит король или королева? Или, к примеру, внезапно потеряют память министры? А может, кто-то из магов Смерти окажется слишком далеко от границы и уподобится отцу Лотию с его идеей увековечивания себя, любимого, в стенах первохрама?

С этой точки зрения мысль о защите от магии разума была на редкость удачной, потому что, если память у людей отбирало обычное заклинание, защитные амулеты могут помочь. И высокопоставленному военному чиновнику было гораздо проще запустить масштабную операцию по противодействию непонятной магии, чем, скажем, это сделал бы я, явившись со своими подозрениями к начальству или напрямую к королю.

Лорд Искадо тем временем порылся у себя в столе и выудил на свет божий несколько амулетов. Один немедленно надел себе на шею, еще несколько убрал в карман. По-видимому, для жены и слуг.

– Благодарю, мастер Рэйш, – кивнул он, к чему-то напряженно прислушиваясь. – Если вас не затруднит еще какое-то время присмотреть за нашим сыном...

Я продемонстрировал ему детскую ладошку у себя в руке.

– У меня пока не было провалов в памяти, папа, – подтвердил Роберт. – И учитель уже рассказал о технике безопасности.

– Это радует, – устало улыбнулся ему отец и знаком показал, что остальное возьмет на себя.

Убедившись, что в нашем присутствии больше нет острой необходимости, я снова ушел во Тьму, увлекая за собой ученика. Затем заскочил к Корну, испытанным способом подбросив ему на стол записку. И, не дожидаясь, пока он ее заметит, поспешил в Управление – надо было поставить народ в известность до того, как весь мир полетит в бездну.

– Что же это такое, мастер Рэйш? – сглотнула Лиз, когда я вкратце обрисовал ситуацию. – Получается, что абсолютно все жители столицы находятся под угрозой?!

– А мы ничего не можем сделать, – мрачно изрек сидящий рядом с ней Тори.

– Ну почему ничего? – возразила Триш. – Мы можем как минимум обезопасить себя. Почаще переходить на темную сторону и обратно, подолгу ни тут, ни там не задерживаться...

– Лиз так не сумеет. Ей придется все время носить защитный амулет, и то не факт, что это поможет. Мы ведь не знаем, что это за магия!

Лиза тем временем озабоченно нахмурила брови:

– Я вот сейчас смотрю на вас и все равно не вижу никаких следов воздействия заклинания. Ни магии разума, ни чего-то другого...

– Вампиры тоже следов не оставляют, – напомнил Тори. – А последствия от их прикосновений – ого-го. Правда, милорд?

Роберт так же хмуро кивнул.

– Вопрос в другом, – весомо уронила в наступившей тишине Хокк. – Что делать тем, кто не умеет ходить на темную сторону?

– Держаться вместе, – вздохнула Триш. – И если кто-то начнет забывать, тут же ему об этом напомнить.

Я качнул головой:

– Это не выход. И насчет амулетов все верно – гарантии, что они сработают, у нас нет. Сила воздействия на людей определенно растет, поэтому, насколько хватит защиты, никто не знает. Еще нас предупредили, что для большей безопасности нам стоит находиться поблизости от границы. Для меня, Роберта, тебя, Хокк и Тори все ясно: Тьма не позволит нам начать забывать слишком быстро и напомнит, если во время пребывания в реальном мире мы действительно что-то упустим из виду. Насчет Лиз Тори прав. И нашим следователям это не поможет. Хотя...

Я замолчал, крутя так и этак неожиданно пришедшую в голову идею, а потом задумчиво произнес:

– Когда темный маг приходит или уходит на темную сторону, некоторое время в том месте, где он потревожил границу, остается какая-то часть темной стороны. Ненадолго, правда. Но если в это время рядом будут находиться обычные люди, Тьма в какой-то мере зацепит и их.

– Рядом с вами всегда холодно, – тут же встрепенулась Лиз. – Но я согласна потерпеть, если есть шанс, что это хоть как-то поможет.

– Значит, нам надо разделиться, – мгновенно сориентировалась Хокк. – Пока мы здесь, кто-то из нас все время должен находиться рядом со светлыми и немагами.

– Я – с Лиз, – откликнулся Тори.

– А я спущусь на первый этаж и присмотрю за практикантами, – кивнула Триш.

Я смерил ее выразительным взглядом:

– Будешь раз в полсвечи нырять на темную сторону и обратно? Хорошо. А с остальными как быть? А с ребятами Жольда что делать? И еще вопрос: в течение рабочего дня это будет иметь смысл, а потом? Что делать, когда рабочий день закончится и люди начнут расходиться по домам?

Маги тревожно переглянулись.

– Ну... в любом случае их надо предупредить, – нерешительно произнесла Лиз после долгой-предолгой паузы. – Выдать защитные амулеты, которые сначала придется заказать и забрать со склада. Но, насколько я понимаю, какое-то время у нас еще есть?

– Есть, – согласился я. – Но не думаю, что его очень много.

– Тогда как вариант – предложить сотрудникам устроиться на ночлег здесь, в Управлении. Пока проблема не решится. А для гарантии, что ночью никто из них не забудет, кто он и что тут делает, кто-то из темных тоже будет оставаться на дежурство.

– Мастер Рэйш, а на здание нельзя защиту поставить? – нерешительно предположил Роберт.

Я закусил губу:

– Как раз думаю об этом. Пожалуй, если его полностью заблокировать от любой магии вообще, то шанс есть. Но это затратная штука, и на каждый дом в столице такую защиту не повесишь.

– Давайте тогда хотя бы здесь сделаем. И дома, пока есть время, – тихо сказал мальчик. – А еще в здании городской стражи, чтобы люди там не сошли с ума.

Я вместо ответа ушел на темную сторону, осмотрел все три этажа нашей конторы. Подумал, посчитал. И, вернувшись, без особого энтузиазма сообщил:

– Без серьезных затрат я смогу надежно заблокировать первый этаж здесь и в Управлении городской стражи. При этом защиту надо будет постоянно поддерживать, и накопителей на это уйдет уйма.

– У тебя дома хорошая защита, – вдруг обронила в пустоту Хокк.

– Это тут при чем?

– Да так... – вдруг нахмурилась магичка и умолкла, словно не заметив, как в ее сторону обернулись все остальные.

Я мысленно сделал зарубку – выяснить, что она хотела сказать, а потом засучил рукава, забрал с собой коллег и ушел во Тьму объяснять им на практике, что и как делать. Очень хотелось закончить хотя бы одно дело, пока меня не выдернут срочным письмом в Главное Управление.

– Заходи, – буркнул Корн, когда я нарисовался на пороге его кабинета. На этот раз дверь была открыта, поэтому стучаться не пришлось. – Садись. И будь добр, объясни, чего ради я выдернул с рабочих мест начальников всех сыскных участков.

Я оглядел Илджа, Эрроуза, Роша и втокнул внутрь Роберта. Стойко выдержал раздраженный взгляд начальства. По привычке проигнорировал удивление остальных. И, указав ученику на подоконник, без зазрения совести занял последнее свободное место, которых у Корна, как всегда, не хватало.

– Рэйш, тебе не кажется, что это уже переходит всякие границы? – ледяным тоном осведомился Корн, когда я выпустил из-под контроля Тьму и в кабинете сначала потемнело, а потом резко похолодало.

Так, на всякий случай. Не хотелось бы потом дважды повторять одно и то же.

– Нет, шеф. Не кажется. И сейчас я постараюсь объяснить почему.

– Мы тебя внимательно слушаем, – процедил Корн, стирая рукавом выступивший на столе иней.

Я недобро улыбнулся и начал говорить.

Примерно с полсвечи в кабинете царила мертвая тишина, нарушаемая только моим размеренным, нарочито спокойным голосом. Чтобы не быть голословным, я передал коллегам отчеты Жольда. Затем добавил данные, полученные из сферы. И под конец добил присутствующих теми фактами, что услышал от отца Гона, после чего тишина в помещении стала совсем уж зловещей, а на лицах магов проступило одинаково встревоженное выражение.

– Рэйш, я не понял... – первым решился нарушить молчание Рош. – Ты пытаешься сейчас сказать, что в столице завелся еще один полоумный маг наподобие отца... как там его... Лотия?! Или ты подозреваешь масштабный заговор?

– А мотив? – негромко фыркнул Эрроуз. – При заговоре имеет смысл влиять на разум первых лиц королевства. Прицельно. Аккуратно. А использовать магию против всего города, да еще столь варварским способом по меньшей мере неумно.

– Ну почему же неумно, – неожиданно не согласился Илдж. – Если Рэйш прав, то заклинание начало свою работу довольно давно. Это статистика у нас «поплыла» всего пару месяцев назад... да-да, думаю, что и на наших с вами участках тоже, господа. Но происходило это постепенно. Медленно. Так что если бы не цепочка совпадений, даже жрецы бы не спохватились. Оно, конечно, все равно стало бы потом заметно. Но сам факт!

Я встретился взглядом с Корном:

– Процесс мог начаться задолго до того, как мы это обнаружили.

– Есть вероятность, что исчезновение последних и самых ярких воспоминаний – это уже завершающая стадия, – медленно согласился шеф. – А самое мелкое и незначительное люди стали забывать намного раньше. Илдж, сможешь нам дать прогноз по вариантам развития событий?

Лучший целитель столицы беспокойно заерзал:

– Попробую, конечно. Но на это понадобится время.

– Рэйш, какие у тебя есть данные по влиянию этой заразы на магов? – снова спросил Корн, не отрывая от меня напряженного взгляда.

Я честно признался:

– Пока никаких. Лорда Искадо я уже подключил, его люди, полагаю, уже всю работу над этим вопросом. И жрецы, само собой, в курсе. Они, кстати, тоже оказались подвержены этой магии. Но что это такое и откуда взялось, не смогли сказать даже темные боги. Есть мнение, что это не наша магия. Не темная и не светлая, поэтому-то ей и оказались подвержены все без исключения. Поэтому же мне кажется, что происходящее не имеет цели подыграть кому-то из тех, кто мечтает сменить династию.

– Не заговор? – недоверчиво переспросил Рош.

– Нет. Это как... кренившееся дерево в лесу. Старое, никому не нужное и сухое. Пока ветра не было, оно еще как-то держалось, но как только сменилась погода, его потихоньку и повело. Мы с вами просто муравейник, которому не повезло оказаться на траектории падения сухостоя. Проще говоря, специально нас никто уничтожать не собирается, но когда ствол рухнет, от нас даже мокрого места не останется. По крайней мере, боги говорят именно так.

– Они не вмешаются? – напряженно уточнил шеф.

– Похоже, что нет. Фол только предупредил, намекнув, что мы в состоянии справиться с этим сами. К тому же пока процесс затронул лишь Алтир. Но мне дали понять, что дальше все станет намного хуже. И на данный момент только маги Смерти являются такими островками стабильности. Поэтому чем ближе к ним, то есть к нам, находятся остальные, тем для них лучше.

– Значит, нам стоит подключить к этому как можно больше темных... может, и впрямь ввести обязательные дежурства. Или вообще временно командировать в столицу магов из районов.

– Сомнительно, что в этом будет прок, – проворчал Эрроуз. – Да, я согласен с Рэйшем, что мы наиболее близки к границе и чаще всего ее пересекаем, что может оказаться полезным в данной ситуации. Но он сказал, что глубоко во Тьму погружаться нельзя – для нас это так же опасно, как и проводить долгое время в обычном мире. А теперь подумайте: если мы ограничим себя в перемещениях по темной стороне и, как выражается Рэйш, перестанем уходить на глубину, то наши возможности, в том числе и обзор, во Тьме резко упадут. Что в это самое время происходит с обитателями темной стороны, никто из нас не знает. Рэйш утверждает, что непонятная магия действует на всех. В столице, конечно, стало почище в последнее время, твари забились в норы и почти перестали высовывать оттуда носы. Особенно древние, высшие твари, что обитают на глубине. Но что произойдет, если они забудут, кто их туда загнал? Что, если тот страх, который до этого дня держал их в подвалах, внезапно исчезнет? Тогда, когда маги будут вынуждены проводить время ближе к поверхности, а твари, наоборот, надумают выползти наружу, кто даст гарантию, что мы не получим очередной шквал нападений на темной стороне?

Я покосился на Эрроуза с уважением.

А ведь он прав. Если такие, как мы, начнут держаться поверхностных слоев и, соответственно, потеряют способность видеть на глубине, то они станут легкой добычей для не отягощенных подобными сомнениями тварей. Забыть-то они про нас, может, и забудут, но голод будет упорно толкать их вперед. Поэтому нападения скорее всего участятся. И в это же самое время большинство моих коллег, которым придется чаще ходить на темную сторону, окажутся под ударом.

– Бездна, Грэг... – устало откинулся на спинку Корн. – С такими ограничениями вы и впрямь будете рисковать гораздо больше, чем остальные. Но я не представляю, как вас от этого уберечь. Защитные амулеты на время замедлят процесс, но скорее всего мы просто выиграем с их помощью чуть больше времени. Проклятье... Рэйш! Ну почему ты приносишь одни только скверные новости?!

Я аж оскорбился от такого заявления:

– Как это скверные? А от умрунов вас кто, спрашивается, избавил? А вампиров кто сжег?

– Ты мне еще про храм давай вспомни, – недобро оскалился шеф. А когда я благоразумно промолчал, так же мрачно добавил: – Так. Объявляйте полную мобилизацию по Управлениям. Всех, кто еще живой и не потерял большую часть памяти, забирайте из домов. Дежурства не дежурства... нам нужны люди. Рэйш, ты лучше всех ориентируешься на темной стороне. От тебя понадобится четкая инструкция для коллег, как им теперь вести себя во Тьме, а также все, что ты сможешь сказать по поводу стационарной защиты хотя бы для рабочих помещений. Грэг, я хочу, чтобы вы с Илджем оценили, насколько реально сделать для светлых короткие, хотя бы на пару мгновений, визиты на темную сторону. Возможно, если мы подберем дозу, это будет и безопасно, и положительно повлияет на их память. Рош, твоя специализация – амулеты. Что хочешь делай, но придумай для нас толковую защиту.

– Мне понадобятся добровольцы, – нахмурился некрос. – И темные, и светлые, и немаги.

– Дам. И оборудование для работы тоже получишь любое. Рэйш, от жрецов можно ожидать хоть какой-нибудь помощи?

Я неопределенно пожал плечами:

– Отец Гон пообещал проверить своих коллег на предмет того, кто из них и сколько уже успел запомнить. Стены храма, как мы уже выяснили, защиты не дают. Даже жрецам. И даже темным. Но возможно, совместная молитва поможет это исправить?

– Хорошо, если так. Тогда у нас будет хотя бы одно надежное место, где можно с гарантией укрыть мирное население, – вздохнул светлый. – Тем более с учетом того, что защитных амулетов на всю столицу у нас не хватит.

Рош фыркнул:

– Я бы предпочел, чтобы его величество объявил полномасштабную эвакуацию. Хотя бы для того, чтобы мы могли спокойно разобраться в причинах и не бояться, что нам на каждом шагу будут мешать свои же коллеги или же простые алтирцы, которые в порыве внезапной забывчивости начнут воровать, убивать и творить совсем уж непотребные вещи, в которых мы скорее всего даже не сумеем их уличить. А если и уличим, то отправлять их на плаху лишь потому, что они забыли, что такое честь и мораль, как-то совсем не весело.

– Паника в столице никому не нужна, – проворчал Корн, потирая висок. – Поэтому на эвакуацию можете не рассчитывать. Если дело станет совсем плохо, то лорд Исадо, я очень надеюсь, примет необходимые меры. А до тех пор мы должны попытаться сделать все, что в наших силах. Рэйш, если ты через сутки не предоставишь мне детальный план, я найду тебя письмом. Хоть во Тьме, а хоть в первохраме.

Я состроил страдальческую гримасу.

– Да нате, подавитесь, – буркнул, бросив шефу зачарованную монетку. – Нет чтобы сразу сказать, что вам надоело гонять за мной посыльных с официальными письмами. Тем более тайком отдавать им негласный приказ найти меня как можно позднее. Как вам вообще не стыдно, а? Почему я должен сам догадываться о таких мелочах?

Корн оскалился и припрятал вожденный маячок в карман.

– Потому что так положено. Все, господа, за работу. Завтра к полудню я жду от вас первых результатов. И да... Рэйш, в следующий свой визит учти, что посторонним в моем кабинете не место.

...Глава 10 ...

Остаток дня я был очень занят. Перво-наперво проверял и улучшал поставленную коллегами защиту на здании западного УГС, угрожав на это больше трети собственного резерва. Затем сообразил подключить к этому делу Хокк и Триш, благо создавать правильные заклинания на темной стороне они уже научились.

Втроем нам удалось набросить более или менее приемлемый купол над Управлением и даже перекинуть его на здание Управления городской стражи. После этого я снова навестил Жольда. Поставил его в известность, слегка напугал, затем успокоил и в качестве благодарности забрал у него со склада ровно половину амулетов, в чьих свойствах была прописана хоть какая-то защита от магии разума.

Нет. Я, конечно, с удовольствием забрал бы их все, но на долю соседей тоже надо было что-то оставить. Поэтому я взял сколько смог, а Жольду пообещал дать в помощь парочку практикантов, которые будут время от времени промораживать ему стены в конторе до хрустящей корочки.

По мере возможности облегчив жизнь соседям, я вернулся и провел общее собрание, посвятив в проблему не только магов, но и вообще всех, кто сейчас на нас работал. Новости вызвали неоднозначную реакцию: кто-то не поверил, кто-то пока всего лишь усомнился, кто-то уже начал впадать в тихую панику. Но сам факт, что прямо на собрании маги начали раздавать защитные амулеты, склонил большинство сотрудников к правильному решению. И вызвал вполне обоснованное беспокойство.

Правда, даже тогда оставаться в Управлении на ночь захотели не все. Защита защитой, но у многих были семьи, близкие люди, которых следовало предупредить и принять меры безопасности. Запрета на уход из конторы я не накладывал, но потребовал от подчиненных принять меры к нераспространению информации среди мирного населения. Иначе и без того серьезная проблема могла усугубиться паникой.

Помимо прочего, с этого дня я разделил своих сотрудников на группы, в каждой назначив ответственного: и среди следователей, и среди практикантов из Военно-управляющей академии, и среди стажеров Королевского университета. Всем вменил в обязанность носить с собой переговорные амулеты, особенно в связи с тем, что далеко не все согласились ночевать в Управлении. А старшим велел дважды в день проверять остальных на случай, если кто-то из них забудет о своих обязанностях.

По этой же причине в кабинетах первого и второго этажей произошла небольшая перестановка, после чего в каждом рабочем помещении или постоянно находились темные маги, или же они должны были время от времени повторять процедуру, которую я пообещал Жольду.

Говорят, Тьма освежает память. Вот и пусть мои коллеги помогают остальным сохранить ее на нормальном уровне.

– Есть еще одна проблема, Рэйш, – улучив момент, сообщила Хокк. – Магам Смерти нежелательно брать на темную сторону артефакты. В том числе и те, что должны нас обеспечивать защитой от магии разума. Если же их снимать, а потом снова надевать... сам понимаешь, проку с этого не будет.

– Ты права. Я об этом...

– Забыл? – тихо подсказала напарница.

Я быстро покосился по сторонам, поймал на себе несколько десятков крайне настороженных взоров и поправился:

– Не подумал. Хорошо, темным тогда амулетов не раздавай, остальным больше достанется. Но светлые пусть отслеживают нас повнимательнее, пока мы приглядываем за ними.

– Да. Надо держаться вместе, – озабоченно согласилась Хокк, и повисшее в воздухе напряжение стало еще более явственным.

Тем временем вызовы на стойку регистрации все продолжали поступать. И из Управления городской стражи, и личными обращениями жителей. Как правило, такие же нелепые и чаще всего связанные с тем, что растерянные люди попросту не знали, куда обратиться. А иногда и потому, что горожане самым невероятным образом умудрялись забыть, что у нас вообще-то есть городская стража. К нам приходили с просьбами найти потерявшихся собак, кошек, мышей и даже волнистых попугайчиков. Требовали отыскать

без вести пропавших родственников. Умоляли дать какого-нибудь мага восстановить память пожилым родственникам, которые вдруг перестали узнавать собственных детей...

Таких мы аккуратно записывали и переправляли в соседнее здание. К ребятам Жольда. А своим я велел на мелочи не распыхаться. Заодно перетасовал команды, которые обычно отправлялись по вызовам, и все до единой укомплектовал или штатным темным магом, или же толковым стажером.

Всего таких команд у нас получилось пять. Плюс я, способный дополнить и усилить любую. Итого шесть. Когда с учебы вернется Йен, надеюсь, что будет семь. Но из-за стремительно растущего потока обращений я всерьез предполагал, что этого может не хватить.

Поскольку схема работы тоже изменилась, то мне пришлось с нуля переписать правила поведения на местах преступлений. Дополнить должностные инструкции. И распределить обязанности магов по контролю друг друга. Причем так, чтобы светлые и темные несли одинаковую ответственность и каждый из нас отслеживал поведение остальных.

Это была адская работа, поэтому домой я притащился лишь ближе к полуночи, когда закончил с бумагами и продублировал инструкции для завтрашнего отчета у Корна. Судя по всему, уже к следующему полудню они появятся во всех столичных УГС, так что я постарался учесть все возможные нюансы, дабы потом не попасть впросак.

Когда же я все-таки добрался до гостиной, мысленно порадовавшись, что догадался отправить Роберта спать раньше, то обнаружил, что дома меня поджидают поздние гости. Причем неожиданные гости, при виде которых я, прямо скажем, не обрадовался.

– Вы что тут делаете? – осведомился я, когда с уютного дивана в гостиной со смущенными лицами поднялись Лиз, Тори и Триш.

– Простите за поздний визит, мастер Рэйш, – потупилась Хелена. – Я просто не знала, куда пойти. Одной дома страшно, от Йена никаких вестей, а защитным амулетом не воспользуешься...

– С Йеном все в полном порядке – за пределы столицы зараза пока не вышла. К тому же далеко от поверхности он во Тьме не уйдет, пока симулирует свою бездарность, так что наши проблемы его точно не коснулись. И не коснутся, пока он не надумает вернуться.

– А мне все равно страшно, – поежилась девчонка. – Можно, я сегодня у вас переночую?

Я от такого вопроса, честно говоря, опешил.

– Просто Хокк сказала, что у вас тут защита хорошая, – шмыгнул носом Тори. – Понимаю, что с нашей стороны это жуткая наглость, но возьмите к себе хотя бы Лиз, а? Я-то уж как-нибудь обойдусь, а ей, кроме вас, никто не поможет.

Желая продемонстрировать степень своей озабоченности судьбой коллеги, Тори крепко сжал руку нашей магички. Лиз в ответ моментально стала пунцовой, однако ладонь не отняла. Напротив, прижалась к парню покрепче и уронила взгляд в пол, всем видом выражая раскаяние.

Так. Это что, у нас наметились неуставные отношения?

– Хозяин, прикажете снимать стазис со второго этажа полностью? – деловито поинтересовался вынырнувший из воздуха дворецкий.

Я с подозрением посмотрел на его подчеркнуто бесстрастную физиономию. Без особого энтузиазма оглядел собравшуюся в гостиной банду. Нашел взглядом Хокк. Мысленно пообещал всю душу из нее вытрясти при случае. Представил, в какой бедлам превратится моя тихая обитель, в которой помимо Лоры и Роберта теперь поселится толпа посторонних. Но вдруг увидел, с какой тревогой дернулась Лиз, пряча внезапно заблестевшие глаза, и... обреченно махнул рукой:

– Снимай.

– Уже сделано, мастер Рэйш, – торжественно кивнул Нортидж, спрятав в усы довольную усмешку. – Господа, леди... прошу за мной.

Голодный и злой, я поднялся в кабинет и буквально рухнул в свое любимое кресло.

– Сочувствую, – вздохнул материализовавшийся посреди кабинета Мэл, который в пределах особняка, как и слуги, имел возможность пребывать в обоих мирах без ограничений. Правда, с возвращением Хокк делать это стало затруднительно, брат почти постоянно пребывал под зеркальным доспехом, но здесь, в кабинете, защита была такой, что можно было хоть демона поселить. И ни один темный маг, даже оказавшись под самой дверью, не почувет ничего подозрительного.

Мэл, подогнув под себя лапы, привычно улегся возле второго кресла, после чего забросил руки с секирами на подлокотники, а

подбородок уложил на крепкую спинку. Глянув на меня сквозь полуприкрытые веки, он едва заметно улыбнулся, а затем закрыл глаза и задремал.

– Что? – проворчал я, прекрасно зная, что это всего лишь демонстрация. – Тоже считаешь, что я размяк?

– Напротив, – не открывая глаз, отозвался бывший Палач. – Ты все больше возвращаешься к нормальной жизни.

– Я не люблю людей.

– И тем не менее упорно возишься с Хокк, помогаешь старому другу, заботишься о коллегах и воспитываешь ученика. Ты потихоньку оттаиваешь, Арт. Хотя иногда это бывает некомфортно и даже болезненно.

Я фыркнул:

– По себе судишь?

– Конечно. Я пробыл во Тьме гораздо дольше тебя. Поэтому мне есть с чем сравнивать.

Я потер красные от недосыпа глаза и решил не отвечать. Мэл, как и всегда, был прав, но мысль о присутствии в доме посторонних все еще доставляла мне неудобство.

– Скорее, ты по-прежнему опасаясь впускать кого-то в свою жизнь, – вновь слегка улыбнувшись, поправил брат. – Но это пройдет... и страх, и боль, и все то плохое, о чем мы так не любим вспоминать.

– Мэл... – невольно дернулся я.

Ох, не к добру эти разговоры о воспоминаниях!

– Нет, – зевнул бывший Палач, – я в порядке. Но знаешь, кое-что полезное во всем происходящем все-таки есть.

– Что же в нем, по-твоему, хорошего?

– Ты говорил, что эта магия забирает самые яркие и сильные воспоминания. Но ее плюс в том, что она не делает различий между плохими и хорошими событиями. Поэтому, если ты помнил много плохого, магия забирает это из твоей памяти, а взамен оставляет только хорошее. Даже если его было совсем немного.

Я насторожился еще больше:

– Ты что-то почувствовал? Может, забыл?!

– Забыл, – легко согласился Мэл. – Мне больше не тяжело вспоминать о прошлой жизни. Но сейчас боль ушла, брат. И теперь я

помню свою семью такой, какой она была до того, как все это с нами случилось. Мою жену звали Найна, – добавил он, как-то по-особенному наклонив голову. – Я вспомнил ее имя сегодня. А сына мы называли Ольтен. В честь моего деда, который так много для нас сделал. Раньше я не мог о них думать. Не мог вспомнить ничего, кроме дня, когда их не стало. А теперь могу. И для меня это радость, Арт. Понимаешь?

Я вскинул голову и встретил безмятежный взгляд брата, в котором действительно больше не было боли. Взгляд не Палача, не монстра, которого лишь чудом удалось вытащить из пелены безумия. Встретил и не смог отвести глаз – Мэл выглядел спокойным и умиротворенным. Просто оттого, что давняя боль ушла и он мог раз за разом воскрешать в памяти лишь те моменты, о которых хотел бы помнить.

Не знаю, хотел бы я сам, чтобы из моей памяти исчезло то, о чем я старался не думать. Сейчас – пожалуй, что нет. Но вероятно, лишь потому, что мне в отличие от Мэла было кому мстить. И в конечном итоге я это все-таки сделал.

– Хозяин? – неслышно появился в комнате Нортидж. – Ваши гости размещены. Ваш ученик благополучно спит. А ужин, если желаете, будет готов через четверть свечи.

Я прислушался к себе:

– Пожалуй, желаю. И гости, наверное, тоже голодны.

– Не извольте беспокоиться, хозяин. Сейчас все будет. Кстати... – едва испарившийся призрак снова возник у меня перед носом, – кажется, мастер Хокк желает с вами увидеться. Она направляется сюда. Мне ее пригласить? Или сказать, что вы заняты?

Я покосился на Мэла, и брат понятиливо ушел на темную сторону, не забыв при этом набросить невидимость. Нортидж, удовлетворенно кивнув, все-таки исчез, а еще через несколько мгновений в дверь деликатно постучали.

– Рэйш, ты там? Можно с тобой поговорить? – раздался снаружи приглушенный голос магички. А следом донесся и учтивый голос дворецкого:

– Проходите, миледи. Хозяин готов вас принять.

Пожалуй, это был первый раз за все время пребывания Хокк в этом доме, когда она изъявила желание подняться в кабинет, чтобы пообщаться. Да, мы регулярно занимались во дворе. Благодаря невероятному упорству Лора благополучно перешагнула через порог неверия и научилась весьма сносно пользоваться Тьмой, создавать из нее знаки, плести правильные заклинания – одним словом, уверенно превращалась в настоящего мага Смерти. За одним-единственным исключением – прямые тропы у нее даже после моих объяснений упорно не открывались.

При этом раньше мы обсуждали ее промахи во время занятий. Ни до, ни после Лора не стремилась к этому возвращаться, словно установила для себя что-то вроде табу. А тут ей захотелось поговорить? После того как она фактически пригласила в мой дом людей, которых я не звал?

Я воззрился на вошедшую в кабинет магичку со вполне обоснованным подозрением.

Ну? И что же тебе понадобилось мне сказать?

– Извини, Рэйш, – к моему удивлению, выдохнула Лора, опустившись на то самое кресло, рядом с которым затаился невидимый Палач. – Честное слово, мне жаль. Когда я говорила про твой особняк, то не подумала, что это будет выглядеть так... некрасиво. Тем более не знала, что ребята решат напроситься в гости. Это моя вина. Прости.

Я вопросительно приподнял брови:

– Это все, что ты хотела мне сообщить?

– Да... то есть нет, – неожиданно замялась магичка. – Знаешь, у меня в последнее время были некоторые трудности с самоконтролем. Наверное, ты заметил...

Угу. Большие у тебя трудности были с контролем. Даже очень.

– Так вот. Рэйш, не подумай плохого. Но кажется, я нашла причину этой неустойчивости. И поэтому должна задать тебе один вопрос. Ты ответишь?

– Не гарантирую. Но постараюсь, если это не связано с разглашением государственных тайн.

– Да нет тут никакой тайны, – с досадой прикусила губу Хокк, изумив меня еще больше. – Я просто должна знать... всего один вопрос, Рэйш! И я уйду.

– Хорошо, спрашивай.

Лора на мгновение замерла. Затем подумала. И наконец, собравшись с силами, выпалила:

– Рэйш, скажи: по какой причине ты пригласил меня пожить в своем доме?

Я от такого вопроса чуть не поперхнулся:

– Прости, что?

– Зачем ты настоял, чтобы я жила именно здесь? – тревожно уставилась на меня напарница.

– Разве это не очевидно?

– Заниматься магией можно где угодно и когда угодно. Хоть на столичном полигоне. Хоть за пределами города. Любой овраг и любое бесхозное поле в нашем полном распоряжении. Но вот уже полгода я живу здесь. С тобой. – Хокк вскинула голову и уставилась на меня как на врага. – Зачем, Рэйш?

Я кашлянул:

– А ты не помнишь?

Лора болезненно дернулась, как-то вся съежилась, и вот тогда до меня начало доходить.

– Хокк, ты серьезно? – тихо спросил я, пристально изучая вцепившуюся в подлокотники магичку. – Что сохранилось в твоей памяти по поводу твоего дара и моего предложения? Что ты помнишь?

Лора затравленно огляделась:

– Помню, как мы устраивали облаву на «двойного убийцу». Помню, как мы стояли с Триш и Тори в оцеплении.

– Адрес?

– Не... не уверена, – прошептала Хокк, снова подняв на меня полные ужаса глаза. – После того как Корн отдал приказ, я почти ничего не помню. Ту ночь. Одни обрывки. Говорят, меня ранили...

Я покачал головой:

– Нет, Хокк. Тебя убили.

– Палач... – вздрогнула магичка и смахнула с глаз невидимую пелену, словно какой-то кусочек ее памяти все же ненадолго вынырнул из забвения. – Да. Его я как раз помню. А потом – ничего. Боль. Темнота. И голос целителя, сообщающего, что я абсолютно здорова.

– Что ты помнишь дальше?

– Всего по чуть-чуть. Мы были у Корна... он подписал приказ о моем переводе в западное Управление... потом Йен, Триш, Лиз, Тори... мы что-то расследовали вместе... какие-то мелочи, ничего серьезного. А потом вдруг я здесь. У тебя. Но совершенно не понимаю, что я тут делаю!

Я уставился на тревожно выпрямившуюся коллегу совсем другими глазами.

Это что же, все последние недели, которые я считал ее просто взвинченной и взбалмошной, она попросту не могла справиться с «болезнью», которая не так давно поразила мать Роберта? Вероятно, просыпаясь поутру в чужой постели, долго вспоминала, как в ней оказалась. Сомневалась. Думала. Затем видела меня... недолго. В лучшем случае за завтраком. И, ничего не понимая, торопливо сбегала в Управление, старательно гоня от себя тревогу. С головой уходила в работу. Быть может, иногда все же вспоминала, особенно если прогуливалась на темную сторону. После чего успокаивалась, снова начинала вести себя нормально. И так день за днем, пока воспоминания о самом кошмарном дне в ее жизни не вымылись из памяти почти полностью.

Тьма. Я болван, если сразу не заподозрил неладное. Эти странные всплески, пики необъяснимого раздражения, случающиеся у людей, которые чего-то не понимают, хотя очень стараются понять. Периоды благополучия, которые всегда наступали после занятий и хотя бы кратковременного перехода на темную сторону...

Я поджал губы:

– Ты находишься здесь по той причине, что так мне удобнее тебя контролировать. После того как ты вернулась к жизни, твой магический дар усилился и стал нестабильным. Полагаю, это ты если не вспомнила, то хотя бы поняла. Вокруг тебя взрывались предметы, выходила из-под контроля Тьма. Ты стала представлять опасность даже для себя самой. И Корн посчитал, что у меня получится привести тебя в порядок, поэтому и был написан приказ о переводе.

– И все? – напряженно уточнила магичка.

– Да. Но ты ведь на самом деле не об этом хотела спросить?

Под моим испытующим взором у Хокк неуловимо порозовели скулы. Потом она снова дернулась, ее взгляд смущенно вильнул, но, как я уже говорил, она была упрямой леди. И довольно решительной.

Поэтому в конце концов все же пересилила себя, взглянула на меня прямо и четко спросила:

– Рэйш, мы с тобой спали?

Я только вздохнул:

– С чего ты решила?

– Значит, да? Ты поэтому пригласил меня пожить? – еще больше напряглась Лора. – Триш сказала, что это ты меня спас. Не целители. Не жрецы. Именно ты. И что теперь твоя Тьма живет во мне, поэтому мой дар стал таким мощным. Если память не совсем меня подводит, то ты и раньше мне помогал. Поэтому я не могу исключить... я этого не помню, но все же, глядя на тебя, не могу до конца быть уверенной...

– Ты думаешь, я мог что-то потребовать за твое спасение? – в лоб спросил я.

Хокк закусила губу:

– Потребовать – вряд ли. Но вот предложить... ты странный, Рэйш. Не хочу тебя обидеть, но ты действительно необычный. Порой ты меня бесишь. Порой, наоборот, восхищаешь. Иногда мне даже кажется, что мы могли бы... ну, что у нас могло бы что-нибудь получиться. И я думала об этом в последнее время. Много. Но твое поведение... особенно здесь, когда никого рядом нет... Одним словом, я засомневалась. И долго не могла понять, что происходит. Но сегодня, когда ты сказал, что я не одна такая. В общем, я больше не хочу ничего подозревать или о чем-то догадываться. Я хочу точно знать, Рэйш. Для меня это важно.

Бедная Хокк...

Я покачал головой и, поднявшись, вышел из-за стола.

Неудивительно, что в последнее время она стала такой дерганой. Если у нее на протяжении стольких месяцев каждое утро крутилась в голове мысль, а не в моей ли постели она проснулась...

Я остановился напротив второго кресла. Дождался, пока побледневшая, но все еще решительно настроенная напарница тоже поднимется. После чего вложил ей в ладонь амулет правды и четко произнес:

– Нет, Лора. Мы с тобой не спали. Между нами ничего не было и нет.

Огонек на крышке мигнул зеленым цветом, и у Хокк словно что-то сломалось внутри. Она какое-то время потерянно смотрела на него.

Затем перевела такой же растерянный взгляд на меня. После чего опустила плечи, прерывисто, словно после долгого плача, вздохнула и едва слышно уронила:

– Спасибо.

Примерно представляя, какая буря сейчас бушевала в душе напарницы, я подошел и молча ее обнял, не особенно удивившись тому, что эта сильная и во всех смыслах железная леди послушно уткнулась носом в мое плечо и тихо-тихо расплакалась. И стыд, и страх, и боль – бездна знает, сколько всего она пережила и передумала за последние недели. Пугающие вечера, от которых не знаешь, чего ждать. Еще более страшные пробуждения, когда не знаешь, где именно заснул и чьи руки сняли с тебя вчера одежду... Плачь, Хокк. Плачь. Говорят, это помогает. Когда слезы не остаются внутри, рано или поздно становится легче.

– Спасибо, Рэйш, – снова вздохнула магичка, совершенно по-детски шмыгнув носом. – Не то чтобы ты мне не понравился... просто...

– Я понял. Но давай договоримся: если ты снова в чем-то засомневаешься, ты придешь ко мне и просто спросишь. Хорошо?

Лора виновато кивнула. Неловко отерла лицо. Затем еще немного постояла, успокаиваясь. После чего встряхнулась, выпрямилась и гордо вскинула острый подбородок. Если бы не мокрые следы на рубашке, я бы вряд ли догадался, что совсем недавно она позволила себе проявить исконно женскую слабость. Сейчас рядом со мной стояла не испуганная, страшась обмана женщина – теперь это была уверенная в себе магичка. Решительная, жесткая, сильная. Надежная напарница и хороший друг, к которому я бы не побоялся повернуться спиной.

– Я тогда пойду? – полувопросительно сказала она, отступив на шаг и откинув с лица седую прядку.

Я так же молча кивнул. А когда она ушла, еще какое-то время смотрел на закрытую дверь, будучи не в силах избавиться от мерзкого ощущения, что дальше будет только хуже.

...Глава 11 ...

Утром мы недосчитались сразу двух практикантов из числа тех, кто все-таки рискнул переночевать дома. Один, как оказалось, чуть запоздал, а вот второй, когда взял переговорный амулет, с недоумением сообщил, что не собирается сегодня выходить на работу. Вернее, он даже не вспомнил, что ему нужно отправляться на практику, а не на занятия в академию, чем поверг старшего своей группы в непродолжительный шок.

С Хокк после этого мне пришлось поговорить повторно и тщательно порасспросить насчет симптомов. А затем на ее примере убедиться, что в самом начале болезни – давайте пока назовем это так – при регулярном повторении память какое-то время способна удерживать пытающиеся исчезнуть события. Именно благодаря тому, что магичка каждое утро видела меня дома, регулярно провоцировала на ссоры и раз за разом получала доказательства, что я не испытываю к ней страстного влечения, она смогла довольно долго сопротивляться воздействию. Это было важно. Поэтому я внес несколько дополнений в инструкции и велел подчиненным в конце каждого рабочего дня составлять два списка: перечень дел, которые ребята уже успели сделать, и перечень того, что они еще только планировали сделать завтра. Второй список позволял упорядочить рабочее время сотрудников, а вот по первому я велел старшим в группах проверять перед уходом всех до одного. Чтобы понять, кто и что именно успел забыть за ночь. И своевременно напомнить, если в том возникнет необходимость.

Эффективность защитных амулетов в связи с утренним казусом была поначалу подвергнута сомнению. Однако когда к «пропавшему» практиканту приехали наши маги и уточнили детали, то оказалось, что незадачливый стажер, не подумав, снял с себя артефакт перед сном, тогда как остальные наши сотрудники этого не сделали, соответственно ничего за ночь не забыли, так что в итоге амулеты все же были реабилитированы.

Еще одну ценную вещь подсказала Лиза Шарье, сообщив, что пожилым людям, страдающим нарушениями памяти, нередко рекомендуют гимнастику для рук. И добавила, что улучшить ситуацию в таких случаях зачастую помогает обычное письмо. Мол, чем больше записываешь, тем проще потом это вспомнить.

Подумав, я признал идею толковой и внес еще одно дополнение в инструкцию, благодаря чему с этого дня использование блокнотов в нашем Управлении стало обязательным.

Больше ничего толкового придумать не удалось. Ребята, поскольку народу сегодня обратилось за помощью раза в полтора больше, чем накануне, разбежались по вызовам. Роберта я от себя отпустить пока не рисковал. А по темной стороне Алтира мы с Мэлом пробежались вчера перед сном, но, как ни старались, никаких признаков магии, да еще такой, чтобы волнами распространялась по столице, не обнаружили. Ни на поверхностных слоях, ни на более глубоких. Ни в кавернах. Ни в реальном мире. Как будто отец Гон захотел неудачно пошутить, сообщив нам недостоверную информацию.

Если бы не ситуация с Хокк, Робертом и не «пропавший» стажер, который еще вчера вел себя абсолютно нормально, я бы, может, и списал происходящее на всеобщее помешательство. Но увы. Какая-то дрянь все-таки воздействовала на город, а у меня даже каких-либо предложений не возникло по поводу того, что это могло быть.

Да что там! Раз уж боги затруднились дать внятный ответ, то с меня, как с простого человека, вообще взятки гладки. Но на душе все равно было погано. Да и на совещание к Корну пришлось идти, можно сказать, с пустыми руками.

– Молодец, Рэйш, – устало произнес шеф, когда ознакомился с моими предложениями. – Хоть какая-то гарантия, что потеря памяти не начнет прогрессировать со скоростью лавины.

Я молча кивнул. Роберта на этот раз со мной не было – взвесив все за и против, я все-таки рискнул оставить его в Управлении. Не столько из-за замечания Корна. Просто с его способностью призывать и удерживать вокруг себя Тьму маленький маг был нужнее там. Да и Мэл остался: присматривать и за ним, и за всеми остальными. Ну а техническая сторона вопроса легла, как и раньше, на плечи Хокк,

которая после вчерашнего разговора разительнo изменилась в лучшую сторону.

– У меня тоже кое-что есть, – внес свою лепту в обсуждение Рош. – Предварительное наблюдение за испытуемыми показало, что при использовании защиты от магии разума риск потерять какое-либо воспоминание существенно ниже. Точных данных пока нет – мы начали работу меньше суток назад. Но из трех человек (светлого, темного и неодаренного), кто не надел вчера амулеты, один уже успел кое-что забыть. Из группы, которой мы дали защиту, в итоговом тестировании не ошибся никто, поэтому пока мы считаем, что амулеты работают.

– Кто из троих пострадал? – со страдальческим видом потер виски шеф. – Неодаренный?

– Да. С магами во всех трех группах по-прежнему все в порядке. Есть вероятность, что простые люди больше подвержены риску «заболеть». Но статистику еще уточняем.

– Мы тоже, – сообщил Эрроуз, когда взгляд Корна остановился на нем. – Проверяем устойчивость на темной стороне и смертных, и светлых. Пока результат неясен.

– Если за сутки никто и ничего не забыл, то это уже неплохой результат, – буркнул Рош, забирая со стола копии моих бумажек.

– Слишком мало данных, – не согласился с ним Илдж. – Забыть, может, никто и не забыл, но мои маги после эксперимента оказались выжаты до предела, а у неодаренных и вовсе случились обмороки. Темная сторона – не для нас. Хотя как крайний вариант, если станет совсем туго, на какое-то время она поможет нам сохранить рассудок. Но ценой за него наверняка станет магический дар или жизнь. А то, может, и все вместе.

Я покосился на замученного шефа и невольно ему посочувствовал. Судя по явственно проступившим морщинам и набрякшим мешкам под глазами, Корн за эти сутки даже не ложился.

– От лорда Искадо какая-то информация есть? – вполголоса поинтересовался я, когда инструкция дошла до всех и коллеги погрузились в ее изучение.

– Пока нет.

– Иными словами, причины происходящего нам неизвестны... Плохо, – посетовал я, тоже чувствуя себя не лучшим образом. –

Придется действовать наобум.

– Ничего другого не остается, – вздохнул Корн. – Господа, у вас есть что дополнить к предложениям Рэйша?

Илдж замедленно кивнул:

– С учетом прямой связи между интенсивностью эмоциональной окраски исчезающих воспоминаний и скоростью их исчезновения я бы посоветовал всем нам задуматься об употреблении успокаивающих сборов. Если удастся снизить остроту восприятия тех или иных событий, есть шанс, что темпы их, так сказать, убытия несколько снизятся.

– Хочешь, чтобы мы вообще думать перестали? – буркнул Корн.

– Нет, не думать, – встрепенулся я. – Илдж! Ну, конечно... что ж я сам-то до этого не допер! Кстати, отличная идея! Просто гениальная!

– Что за идея?! – разом обернулись в мою сторону темные. И даже шеф посмотрел с едва теплящейся надеждой.

Я широко улыбнулся:

– Это же просто, господа! Если мы знаем, что для сохранения собственной памяти нам надо поменьше напрягаться и стараться не думать, то есть отличный способ помочь людям сделать то и другое сразу!

– Рэйш, ты издеваешься?! – шумно раздул ноздри шеф.

– Да нет же! Чтобы успокоить народ и лишить их способности мыслить, нам всего-то и надо, что просто их усыпить!

На лице Корна отразилось совершенно искреннее замешательство.

– Во сне люди воспринимают реальность совсем иначе, – проговорил Рош и быстро переглянулся с Эрроузом. – События чаще всего искажены. Воспоминания зачастую отрывочны и бессистемны...

– А еще во время сна между ними утрачивается прямая причинно-следственная связь! – прошептал Илдж, уставившись на меня широко раскрытыми глазами. – Рэйш прав! Если нет акцента на воспоминания, то не будет и точки приложения для воздействия магии! А если и пропадут какие-то придуманные события или ситуации, ну так и Фол с ними! Это элементарно!

Я кивнул:

– Если мы усыпим весь город, то вдобавок снизим количество бесполезных обращений. У нас не будет паники, совершенных по

забывчивости преступлений. Мы сможем спокойно обследовать столицу на предмет источника, при этом полностью убрав из зоны поражения мирное население.

Эрроуз азартно сверкнул глазами:

– А что? Велика вероятность, что это и впрямь сработает!

– Я бы рискнул, – одобрительно кивнул Рош. – Рэйш дело говорит. В любом случае мы ничего не потеряем. Нел, что скажешь?

– Так... – Корн, который все это время сидел с отсутствующим видом, вдруг отмер и лихорадочно зашарил взглядом по сторонам. – Так. Надо подумать, просчитать... Своими силами сонный полог над целым городом нам точно не установить. Надо будет привлечь к нему... – Он вдруг осекся, а в глазах отразилась бешеная работа мысли. – Рэйш! Ты сможешь подключить к этому делу жрецов?!

– Думаю, они не откажут.

– Илдж, мне нужны будут твои предложения по способу использования столь масштабных заклинаний! Самое быстрое, устойчивое, экономное...

– Просчитаю, – отсалютовал шефу светлый. – Сегодня же к вечеру постараюсь дать результат.

– Надо сразу просчитывать и откат, – буркнул Эрроуз, почему-то метнув в мою сторону подозрительный взгляд. – Чем масштабнее удар, тем мощнее будут последствия. Не хватало еще, чтобы заклинание бомбануло по тем, кто останется бодрствовать.

Корн только отмахнулся:

– Вот и займись этим. Рош...

– Я уже понял, – вздохнул некрос. – От меня опять потребуются артефакты.

– Да. Стабилизаторы выброса, нейтрализаторы... и как можно больше!

Когда в кабинете поднялась суета, в которой начальники участков в спешке связывались со своими специалистами, а Корн, похоже, пытался вызвать на связь герцога Исадо, на его стол плавно и незаметно спланировало выпавшее прямо из воздуха письмо.

– Очень вовремя, – едва взглянув на него, проворчал шеф. – Рэйш, ваш Херьен очнулся. И раз уж ты все равно здесь, сходи и возьми у него показания.

Я не стал напоминать шефу, что еще вчера он был категорически против, чтобы я ввязывался в чужое расследование. Просто Эрроуз был занят более важной проблемой, его сыскарей поблизости не оказалось, а в письме целителя, по-видимому, сообщили нечто такое, из-за чего Корн не захотел ждать.

Ну и ладно. Не придется изобретать повод лишний раз заглянуть в лечебное крыло.

Когда я туда спустился, то мысленно подивился отсутствию персонала. Вопреки ожиданиям меня никто не встретил, не остановил, даже имени не спросил, пока я выискивал комнату, где отлеживался Херьен. Нашел его, кстати, по ауре. Довольно быстро. И, толкнув скрипучую дверь, прямо с порога грозно осведомился:

– Ну и что ты скажешь в свое оправдание?!

Наш маг, как раз решивший выбраться из постели, замер и повернул забинтованную голову:

– Арт?!

– Кто же еще? – проворчал я, оглядывая скупое обставленное помещение. Одна койка, тумбочка, комод, два стула, крохотный санузел – вот и все привилегии, которые полагались сотрудникам УГС, получившим травму при исполнении.

Лив мой вопрос пытался осмыслить довольно долго. Голова у него, похоже, еще болела, соображала туго, поэтому он сперва морщился, пытаюсь понять, что к чему. Потом по привычке попытался поскрести затылок, но наткнулся на гору бинтов и отдернул руку. А потом до него все-таки дошло:

– Арт, ты что? Я же не специально!

– Да кто ж тебя знает, – фыркнул я, отставляя от стены стул и усаживаясь посреди комнаты. – Я теперь вообще людям верить перестал. Если даже ты умудрился подставить меня с этим назначением...

Лив скривился:

– Издевайся, издевайся... Посмотрел бы я на тебя, если бы по твоей башке прилетело.

– Я не подставляю спину незнакомым людям.

– Думаешь, я подставлял?!

Я внимательно посмотрел на раздосадованного светлого:

– Так что все-таки случилось? Кто на тебя напал?

Лив раздраженно дернул плечом:

– Да Тьма его знает!

– Ты кого-нибудь видел? За тобой кто-то шел?

– Никто за мной не шел! И за углом, если ты об этом, никто не ждал! Я вообще ничего подобного не ожидал! Шел себе спокойно домой... и вдруг – на тебе! Как малолетку, честное слово, подловили!

Я прищурился:

– Какого демона ты вообще поперся пешком? И почему в такое время?

– Да с документами засиделся, – мрачно зыркнул на меня маг. – Я ж в первый раз, ничего толком не знаю, не понимаю, вот решил разобраться, чтобы потом хотя бы не путаться. Ну и проторчал в Управлении допоздна. Вызвал кеб. По дороге вспомнил, что забыл внести в сферу кое-какие данные. Крикнул кебмену, чтоб разворачивался и вез меня обратно, но тот уперся как баран – мол, его смена закончилась, без денег он как-нибудь переживет, но вот дорогая женушка его поедом сожрет, если до полуночи он домой не вернется... Ну, я психанул и послал его в бездну. Пошел пешком. Домой, естественно. Не возвращаться же в контору на своих двоих? Ну и пришел... на свою голову.

Я нахмурился:

– То есть ты совсем никого по пути не встретил?

– Встретил, – поморщившись, ответил Херьен. – Когда на Грозовую почти повернул, на мужика наткнулся.

– Что за мужик?

– Да работяга обычный. Спросил закурить.

– И что?

– И ничего. Мы разминулись. А как только я за угол завернул... все. Очнулся уже здесь.

Я смерил мага скептическим взглядом:

– Давай-ка уточним. Ты шел один, по безлюдной улице, встретил по пути незнакомого мужика, который попросил прикурить... И тебя это никак не насторожило?

– Ты меня за дурака держишь? – раздраженно покосился на меня Херьен. – Само собой, я, как его приметил, сразу ауру проверил. Он

был чист. Когда я вышел с Тридцать шестой, он вдалеке стоял, прямо посреди перекрестка, и по карманам себя хлопал. В зубах папироса. На плечах – рабочая куртка, потасканная, с овечьим мехом на воротнике. Под ней – рубашка, простая, серая. Брюки темные, засаленные на коленках. Сапоги на толстой подошве. Ну знаешь, армейские, с высоким голенищем. На земле саквояж – старый, обшарпанный, из него еще инструменты торчали.

– Что за инструменты? – насторожился я.

– Да ключ разводной! Обычный! Ни одного амулета внутри, никаких артефактов. Он меня не сразу увидел, а потом помахал – мол, есть закурить? Я сказал, что нет, и пошел домой. За ним проследил – мужик остался стоять. Агрессии не проявлял. Вел себя спокойно.

– То есть ты уверен, что это не он тебя ударил?

– Не думаю, что это он, – снова поморщился Лив. – Чтобы догнать меня на углу, он должен был в последний момент развернуться и побежать, а я звуков шагов не слышал.

– На улице снег вообще-то лежит.

– Тогда подмораживало, – буркнул маг. – Под ногами все хрустело и скрипело. Если бы меня кто-то догонял, я бы точно услышал. А меня просто вырубил.

Я озадаченно молчал.

Лив, несмотря на травму, отдавал себе отчет в произошедшем, успел рассмотреть мужика и прекрасно запомнил детали. Грубая одежда, рабочий саквояж, армейские сапоги... из тех следов, что я видел, под них подходили только те, что шли с Грозовой и не показались мне подозрительными. Но раз Лив уверен, что больше никто ему по пути не попался, то надо будет этого мужичка найти. Не из воздуха же парню труба прилетела? Опять же, ключ разводной... может, тем ключом ему по голове как раз и дали?

– Что еще помнишь? – спросил я, когда Лив все-таки спустил ноги с постели и снова попытался встать.

Херьен с трудом выпрямился, держась за спинку кровати, и, пошатнувшись, уселся обратно.

– Холодно было, Арт. Очень.

– До или после? – на всякий случай уточнил я.

Лив зябко повел плечами:

– Все время. Даже сейчас не могу согреться. Все время кажется, что я по-прежнему там, на снегу, а вокруг расплывается кровавая лужа.

– Ты помнишь, как упал? – недоверчиво переспросил я.

– Нет, Арт. Этого как раз не помню. Но сегодня мне снились такие сны, что... в общем, я был бы рад забыть и их.

Забыть?

Я вдруг в полной мере ощутил, какое же это неприятное слово. Забыть – словно вычеркнуть, выкинуть, выдавить что-то из памяти навсегда.

Забыть – это как стереть с себя следы чужого присутствия. Чужих пальцев. Мыслей. Действий. Сделать вид, что ничего этого не было.

Забыть – как способ защиты от чего-то плохого. А может, страшного? Того, о чем не хочется думать?

Люди – странные создания. Нередко, если мы не можем с чем-то справиться или что-то решить, то предпочитаем сделать вид, что ничего не случилось. Если не видно, значит, не было. Если не помним, значит, не встречались.

Быть может, именно в этом кроется загадка тех бедолаг, кто уже успел что-то потерять? И может, не напрасно пострадали в первую очередь именно такие воспоминания? Самые болезненные? Тяжелые? Личные? Те, о которых не всякому расскажешь?

«Надо проверить обратившихся», – решил я, выходя из комнаты Лива, и почти сразу наткнулся в коридоре на спешащего куда-то целителя.

– Господин Орбис!

Светлый остановился и, резко повернувшись, уставился на меня с недоумением:

– Мастер Рэйш? Что вы здесь делаете?

– Да вот, зашел проведать коллегу.

– А-а-а... вы про господина Херьена? Ну как же... только имейте в виду: его нельзя лишней раз беспокоить. Рана еще не зажила. Последствия он будет ощущать еще долго.

Я отмахнулся:

– Да мы в общем-то закончили.

– Очень хорошо. Просто прекрасно, – заторопился прочь лекарь. – А кстати, откуда вы узнали, что его уже можно навестить? Я вроде не отправлял вам соответствующего уведомления.

– Вот именно, – проворчал я. – Не отправляли. Хотя клятвенно пообещали это сделать.

Целитель виновато развел руками:

– Да? Ну, видимо, забыл. Прощу прощения, мне уже пора...

– Забыл?! А ну стоять! – в голос рявкнул я и в три шага догнал собравшегося улизнуть светлого. Быстро его оглядел и, тряхнув за грудки, свирепо выдохнул ему в лицо: – Где ваш амулет?!

У господина Орбиса округлились глаза:

– П-простите... какой еще амулет?

– Защитный! Который вы должны были надеть еще вчера! Приказ по всем Управлениям города!

– Но я не получал никакого приказа! – испуганно пролепетал маг, когда вокруг меня за клубилась Тьма. – Клянусь даром! Нас никто не уведомлял!

Я сузил глаза, но Орбиса все-таки выпустил. После чего ушел на темную сторону и одним прыжком вернулся в кабинет Корна.

Надо было срочно поговорить.

...Глава 12 ...

– Похоже, придется внести дополнения в инструкции, – мрачно изрек шеф спустя полсвечи, когда разобрался в проблеме. Рош, Илдж и Эрроуз к тому времени уже ушли, так что в кабинете, кроме меня и Корна, никого не было. – Если даже мои помощники умудрились забыть спустить приказ вниз с пометкой «срочно», то дело совсем дрянь.

– Они сами-то защиту надеть успели?

– Говорят, что да. Но приказ по ГУССу все равно остался лежать на столе, из-за чего мы еще нахлебаемся в досталь. Кто-то забыл одно, кто-то – другое... всего сутки такой забывчивости, и работу Управления парализует! А если дыры в памяти образуются у сыскарей? А если кто-то из них забудет о технике безопасности? Или, упаси Род, неправильно использует боевой артефакт, перепутав его с защитным?

Я тоже помрачнел:

– Получается, защитные амулеты не работают?

– Работают. Но полной гарантии не дают. Сам видишь, что творится... Придется дублировать приказы и требовать обязательного отчета об исполнении в оговоренные сроки. Если вовремя не отчитались, тут же проверять. Но какая же это прорва лишней работы!

Корн скривился, словно от зубной боли.

– Самое поганое, что люди даже не подозревают, что о чем-то забыли, пока им об этом не напомнишь! С виду все в полном порядке. Но как только начинаешь копать... Бездна! И вроде никто не виноват, а проблемы растут как снежный ком! Так, Рэйш, – вдруг вспомнил о важном шеф. – А ты что тут делаешь?!

Я чуть не поперхнулся. Что за вопрос?!

– Какого демона ты торчишь здесь вместо того, чтобы заниматься делом? – грозно пояснил свое недовольство шеф. – У тебя что, работы мало? Херьена допросил?

– Угу.

– На кристалл его показания записал?

– Конечно. Я же не дурак.

– Зацепки есть? Ты их уже отработал?

– Когда бы я успел?

– Ну так иди и разберись, Фола тебе в душу! – окончательно взъярился Корн, уставившись на меня так, словно я оскорбил его любимую бабушку.

И чего, спрашивается, орать?

Я пожал плечами и молча вышел, прикидывая про себя, этично ли будет напомнить начальству о недавнем запрете по делу Херьена. Но потом решил не уточнять – если Корн и забыл, то мне это только на руку. А если нет, то лучше его не дразнить. Злой, голодный и невыспавшийся шеф – малоприятный собеседник.

Выбравшись в коридор, я ненадолго задумался.

Чем заняться в первую очередь? Навестить отца Гона и предложить ему поучаствовать в усыплении целого города? Найти и побеседовать с единственным подозреваемым по делу Лива? Проверить Роберта и заодно народ в Управлении на случай, если там нужна моя помощь?

Хотя нет. Хокк бы уже активировала маячок, если бы что-то пошло не так. Значит, в УГС я пока не нужен. Остаются Роберт, жрец и возможный преступник...

«Мэл, бери Роберта, и давайте ко мне», – решил я. После чего дернул ворот рубахи и негромко бросил вслух:

– Ал, мне понадобится твоя помощь...

Ровно через три удара сердца я уже стоял на темной стороне и почти не удивился, когда Тьма вокруг резко сгустилась и оттуда вывалился запыхавшийся ученик.

– Мастер Рэйш, вы меня звали?!

– Мэл? – повторно дернул я поводок.

– Я здесь, – отозвалась темнота за моей спиной, и оттуда медленно проступил громадный силуэт. – Ты что-то нашел?

– Можно сказать и так. Роберт, ты посмотрел дела, о которых я говорил?

– Да, учитель, – послушно кивнул мальчик. – Мы с мастером Хокк подняли архивы по всем нераскрытым нападениям на северном участке Алтира за последние пять лет. Таких нашлось всего восемь.

Шесть сопряжено с ограблением. Остальные два предположительно были совершены из хулиганских побуждений.

«Смешно, – неожиданно хмыкнул Мэл. – Наш герцог говорит теперь совсем как ты».

«Профдеформация», – отмахнулся я. А вслух спросил:

– Вы нашли случаи, похожие на тот, что произошел с Херьеном?

– Нет, мастер Рэйш, – отрицательно качнул головой мальчик. – Нападения разрозненные, в разных районах... но я поднял статистику по похожим случаям на других сыскных участках и нашел несколько совпадений.

– Где?

– Везде понемножку. Кроме разве что Белого квартала.

Я посмотрел на ученика с одобрением:

– Сколько их?

– Тринадцать. Все потерпевшие – мужчины среднего возраста, различной комплекции и профессий. На всех напали вечером или ночью. Способ нападения различный – кого ударили по голове, кого-то просто впечатали в стену или столкнули в канаву, где-то для нападения использовались подручные средства, а кто-то словил по шее кулаком... Из тринадцати пострадавших трое погибли мгновенно, еще два человека скончались не сразу, но тоже до прибытия целителей. Один после того, как ему проломили голову, стал умственно отсталым. А остальные отделались шрамами и переломами. Общее в этих делах только одно – судя по характеру ран, нападавший был один. Но никто из выживших его не видел.

– У нас тут что, невидимка завелся? – удивился Мэл.

– Скорее, кто-то довольно сильный, быстрый и не гнушающийся ради пары золотых вышибать из случайных прохожих дух. Роберт, ограбления в этих случаях были?

– Почти всегда, – кивнул мальчишка. – Но они какие-то странные: нападавший всякий раз забирал что-то одно – меховую шапку, золотой перстень, цепочку...

Я встрепенулся:

– Не понял. Он что, забирал сувениры на память?

– Мастер Хокк сказала, что он брал только то, что бросалось в глаза, – подтвердил Роберт. – В одном случае у жертвы было при себе и золото, и деньги, но за деньгами убийца почему-то не полез. Забрал

только перстень и цепочку. В другом наоборот – у жертвы была сумка. Большая, кожаная, новая. Ее-то нападавший и унес. Складывается впечатление, что он брал лишь то, что плохо лежало. И не особенно утруждался поисками других ценностей.

– То есть собственно грабеж его не интересовал... – задумчиво протянул я. – Но тогда почему он не удостоверился, что все его жертвы мертвы? Странно и для вора, и для маньяка.

– Вы нашли его, мастер Рэйш? – с надеждой вскинул голову мальчик.

– Я пока нашел только след. Идем. Проверим, что творится у дома номер два по Грозовой. Если Лив все запомнил правильно, то может стать, что сегодня мы отыщем его недоубийцу.

Прямая тропа привела нас аккурат к одной из меток, которую я оставил больше полугода назад.

Улица Грозовая, два – проклятое местными жителями, дважды проклятое сыскарями место убийства их коллег и, наверное, стократно проклятый дом, который за столько времени так никто и не сподобился купить.

Остановившись напротив него, я наскоро огляделся и без особого труда отыскал тот самый след, который смутил меня в первый раз. Как я уже говорил, местные жители старались огибать неблагополучный особняк стороной, поэтому возле крыльца даже спустя столько времени натоптано не было. Однако двойной, на редкость четкий след от тяжелых сапог с характерными поперечными вмятинами просматривался возле самых ступенек. Словно обладатель приметных армейских сапог понятия не имел, почему о доме идет дурная слава, или же ему было глубоко начхать.

Его след и сегодня остался незатоптанным. Но поскольку перед нами пока еще был след не преступника, а лишь подозреваемого, я не стал на него вставать. Вместо меня это с усмешкой сделал Мэл, а нам с Робертом оставалось лишь отследить поводок и открыть прямую тропу на сигнал Палача, который, как и раньше, безошибочно отыскал свою жертву.

Тропа привела нас в соседний квартал. В самый обычный, умеренной степени ветхости и обшарпанности дом, откуда как раз выходила тучная, закутанная в теплую шаль женщина средних лет.

При виде мага Смерти на своем крыльце дама совершенно искренне оторопела и едва не отшатнулась. Затем так же искренне осенила себя знаком Рода. После чего перевела дух, перехватила поудобнее сумку и на редкость сварливо осведомилась:

– Кто вы? И что вам нужно? Если вы пришли к моему мужу, то спешу напомнить, что его уже допрашивали! И ничего нового с тех пор с нами не произошло!

Я окинул невежливую леди быстрым взглядом. Довольно бедно одетая и не слишком опрятная. Лицо оплывшее, но с упрямо выпирающим вперед подбородком. Маленькие заплывшие глазки, аккуратный нос, который смотрелся бы приятно, если бы не свисающие на воротник щеки. Неприятная особа. Но при этом достаточно смелая, чтобы в глаза хамить темному магу при исполнении.

«Арт, он внутри, – бодро отрапортовал Мэл. – Будить? Или ты сам его напугаешь?»

Я вежливо улыбнулся супруге нашего подозреваемого и достал из кармана служебную бляху.

– Боюсь, я все же вынужден потревожить вас и вашего мужа, сударыня. Если вы не желаете общаться со мной здесь, то мне придется пригласить вас в Управление. Пройдете? Или хотите сначала увидеть ордер?

Тетка тут же занервничала и, быстро оглядев пустую улицу, все-таки отперла дверь.

– Заходите, – буркнула она, бросив сумку куда-то в угол. – Сейчас разбужу мужа и вернусь.

Мы с Робертом осторожно поднялись по ветхим ступеням, а дама тем временем сняла отороченное выцветшим мехом пальто, размотала шаль, открыв нашим взорам короткие, порядком всклокоченные рыжеватые волосы. И, бросив платок на сумку, направилась в глубь дома, откуда вскоре послышался скрип еще одной двери.

– Интересно, почему ее муж спит? – вполголоса поинтересовался мальчик, демонстративно кинув взгляд на улицу. – Еще же светло. Или он привык бодрствовать по ночам? Может, он любит гулять в темноте? Поэтому и отсыпается днем?

Я хмыкнул:

– Имеешь в виду, что по ночам приличные люди по улицам не бродят?

– Ага. – Лицо Роберта озарилось хитрой улыбкой.

– Тогда и нас всех записывай в категорию неприличных. Особенно Мэла, потому что он, по-моему, вообще никогда не спит. А если и спит, то точно вполглаза.

Мальчик наморщил нос, вынужденно признавая мою правоту, а из глубины дома тем временем снова послышались шаги. Невоспитанная леди при виде нас, стоящих в коридоре, снова насупилась и, кинув раздраженный взгляд на царящую на улице вьюгу, неприязненно буркнула:

– Дверь закройте. Чай, не лето уже. Весь дом мне выстудите.

Роберт, поколебавшись, все же исполнил просьбу дамы, а я тем временем уставился на выбравшегося из дальней комнаты мужичка. Когда-то он, вероятно, был недурен собой и имел такую же недурственную фигуру, но с годами растолстел, обрюзг. Затем какая-то болячка, а может, и старая травма скрутила ему спину дугой, отчего мужик все время кренился набок. И теперь только немаленький рост да широкие плечи напоминали, что когда-то хозяин дома был любимцем женщин. Такие же рыжеватые, как у супруги, волосы – ну, то, что от них осталось, – стояли торчком, окружая большую лысину. Небритое лицо выглядело помятым, на левой щеке отпечатались следы грубой ткани в клеточку, словно мужик уснул не в постели, а на паласе. Съехавшая майка и растянутые на коленках штаны только усиливали впечатление неряшливости. А густая сеточка сосудов вокруг носа и на подбородке красноречиво намекала, что мужик, помимо прочего, был не прочь приложиться к бутылке. Хотя конкретно в этот момент перегаром от него не пахло, да и глаза были скорее сонными, чем пьяными. А вместо раздражения от неожиданной побудки в них стояла подозрительно знакомая, давняя и какая-то обреченная тоска.

– Шо? Опять?! – хриплым со сна голосом спросил он, увидев, кто именно ожидает его в коридоре.

– Когда это закончится? – проворчала жена, сердито указывая нам на кухню. – Сколько можно дергать моего Харри на допросы?!

Я снова хмыкнул и привычным движением сунул руку в карман, активируя записывающий кристалл:

– А что? Часто тревожат?

– Да регулярно кто-нибудь из ваших наведывается, – с раздражением сообщила дама и, громко топая, зашла на кухню первой. Затем туда же, почесывая волосатое пузо, забрел полусонный мужик. А последними – мы с Робертом и невидимый на темной стороне Мэл, которого эта ситуация, похоже, начала откровенно забавлять.

Я огляделся и, отыскав крепкую с виду табуретку, следом за хозяевами дома присел за стол.

– И почему же наведываются именно к вам?

– Да кто ж его знает! – в сердцах воскликнула дама. – Мы простые люди, господин маг! Живем тихо, никого не трогаем! Я в городской лечебнице работаю, прибирать помогаю... ну и за больными немного ухаживаю. Мой Харри работает. Старые вещи чинит, фигурки из дерева строгают... Но это совершенно законно! Мы платим налоги! Однако нас то и дело навещают ваши коллеги и расспрашивают о вещах, к которым мы не имеем никакого отношения!

Я окинул возмущенную дамочку внимательным взглядом:

– Почему же, по-вашему, у моих коллег возникает к вам столько вопросов?

– Да потому, что Харри часто разъезжает по городу! И ваши маги время от времени находят его следы! А кто ж виноват, что он так много ходит по Алтиру? Каждый день, считай, в два-три места приходится заходить! Иногда допоздна задерживается! Порой среди ночи может явиться, потому что кеб в такое время уже не поймать! И что с того? Это разве повод считать моего мужа причастным ко всяким непотребным делам?!

– Хм. То есть вчера вас уже навещали люди из Управления и, вероятно, расспрашивали о тех самых непотребных делах?

– Вот именно!

Я покосился на смиренно сидящего на табуретке мужика. Сидит себе, молчит в тряпочку и, кажется, снова пытается задремать.

– Как вас зовут? – спросил я, тщетно пытаюсь понять, наш это человек или нет.

Мужик встрепенулся:

– А-а... Харри, уважаемый мастер. Харри Дойл. А мою жену зовут Мэри.

– Так. И о чем же вас спрашивали мои коллеги?

– Дык это... где я был накануне ночью. Что делал. И не видел ли ничего подозрительного.

– А вы видели?

– Да нет же! – с досадой воскликнул мужик, а Роберт, стоящий у него за спиной и держащий в кулачке амулет правды, едва заметно кивнул. – Что я мог увидеть в темноте?! Снег? Сугробы? Редких прохожих, которым нет до меня никакого дела?

Я заинтересовался:

– А где вы работали в тот день?

– Да много где. Но последний заказ у меня был на Грозовой.

– Дом?

– Третий вроде... у старика, что там живет, водопровод с утра прорвало. Соседи дали ему мой адрес. Я, как приехал, сразу воду перекрыл, начал искать протечку... ну, сами знаете. А у него дом старый, трубы дряхлые. В общем, до обеда провозился, чтобы отыскать, откуда лило. А когда включил воду снова, то стало ясно, что течей на самом деле две. И вторая прямо у Фола в бездне образовалась, так что я даже поначалу понять не мог, что там случилось и как. Вот до вечера и проторчал, вскрывая полы и ища вторую дыру. Трубу в итоге все равно пришлось заменить, но, хвала Роду, управился. А когда закончил да вещи собрал, на улице уже ночь стояла.

– Чем еще интересовались мои коллеги? Наверняка спрашивали, как и во сколько именно вы добрались до дому?

– Конечно, – шмыгнул носом мужик. – Но было уже поздно. Кеб я не нашел, да и недалеко тут, так что я пешком домой потопал. Я часто пешком хожу, потому что оно вроде как для спины полезно.

Он неловко потер кривой бок и, прежде чем я успел задать напрашивающийся вопрос, буркнул:

– По молодости балкой пришибло. Ходить могу, а вот служить уже нет. Списали. А на армейскую пенсию много ли проживешь? Вот и приходится крутиться. Небогатые мы люди, господин маг, чтобы каждый день на кебах по городу разъезжать.

Я отвел глаза.

Ну что сказать... не повезло мужику. И с женой, по-видимому, тоже. Хотя, может, лет тридцать назад она одна его пожалела и согласилась ухаживать за калекой? Может, в те годы и она была

другой? Красавицей и умницей, а не разобиженной на жизнь и неопрятной ворчуньей?

Впрочем, не мое это дело – копаться в чужом прошлом. Каждый сам ответит перед богами за то, как он прожил свою жизнь и чего достиг.

– Свой маршрут той ночью сможете припомнить? – снова спросил я, когда на кухне воцарилась неловкая пауза.

Хозяин дома пренебрежительно фыркнул:

– Да че там припоминать-то? Вышел с Грозовой, свернул на Тридцать шестую, потом на площадь, и вот она, родная моя улица Сонная. Тут всего-то полсвечи быстрым шагом. А уж когда мороз кусается, дак оно и еще быстрее выйдет. Сапоги-то у меня осенние. Холодно в них по сугробам топать.

– И вы никого не видели в ту ночь? Ни с кем не встречались?

– Те сыскари тоже спрашивали, – буркнула сидящая рядом с Харри жена. – Прямо не отходили от Харри, тыкая ему в лицо амулетами. Да какой в этом смысл, если он ни в чем не виноват?!

– Так видели или нет? – словно не услышал я.

– Да видел одного, – пожал плечами хозяин дома. – Когда до перекрестка дошел, решил рукавицы надеть – руки озябли. А там парень какой-то мимо проходил. Я, пока в чемодане копался, подумал: а может, закурить еще для сугреву? Только не нашел чем огонь разжечь. Похоже, забыл зажигалку у старика. Или дома где завалилась. Я еще спросил у того парня, но у него тоже не было. Вот и все, уважаемый мастер. Парень тот за угол свернул, а я дальше пошел.

– Куда?

– Домой, – удивился Харри. – Куда же еще?

– Приперся с незажженной сигаретой в зубах, – снова проворчала Мэри. – Замерзший весь, холодный, голодный... а есть ничего не стал. Сразу спать завалился. А уже следующим утром ваши явились. И с ходу сообщили, что мой муж, понимаете ли, главный подозреваемый по какому-то там делу!

В ответ на мой вопросительный взгляд Харри флегматично пожал плечами.

– Я никого не трогал. А даже если бы мы и успели поспориться по дороге – что я, дурак, на сыскаря руку поднимать? Да еще и на мага?

Притулившийся в сторонке Роберт снова кивнул.

Значит, не соврал мужик. Не трогал он нашего Лива.

– А кого-то еще вы по дороге домой видели? – снова спросил я, с некоторым сожалением снимая с мужика подозрения.

Харри покачал головой:

– Нет. Никто за тем магом не следил, я уже все рассказал вашим коллегам и готов повторить: никто его не преследовал. По крайней мере, явно. Я даже бродяг нигде не заметил, но оно и понятно – холодно было, господин маг. В такую погоду даже собаки на улицу нос лишний раз не высунут. Да и какой резон нападать на одного из ваших, если его коллеги потом всю душу из тебя вытрясут?

И я был вынужден с этим согласиться. Действительно, бессмысленно открыто нападать на мага из УГС, да еще и ради денег. Миллионов мы не зарабатываем, а если и зарабатываем, то в карманах всяко не носим. Но если бы дело было в мести или связано с его службой, то с Лива или что-то потребовали бы, или же попросту убили.

Одним словом, глупое какое-то нападение получилось. А с другой стороны, в последнее время в Алтире творится столько несуразностей, что я, наверное, уже ничему не удивлюсь.

– Ладно, – со вздохом поднялся я, выключая спрятанный в кармане кристалл. – Спасибо за сотрудничество. Нам, пожалуй, пора.

– До свидания, господин маг, – кивнул Харри Дойл, потянувшись за лежащей на столе самокруткой.

– Скатертью дорожка, – проворчала его неприветливая супруга и тоже встала, чтобы закрыть за нами дверь.

Мы с Робертом вышли, одинаково недоумевая, и в полнейшем молчании вернулись в западное Управление. Но еще до того, как я успел сообщить об этом коллегам, в моем кармане яростно завибрировала одна из зачарованных монеток. А еще через миг дверь в кабинет с грохотом распахнулась и внутрь ворвалась Хокк.

– Рэйш! Хорошо, что ты здесь! У нас проблемы! – выдохнула она, уставившись на меня встревоженным взглядом.

Хм. Что там опять случилось?

«Она права, – как по заказу, раздался в моей голове озадаченный голос Мэла. – У нас и впрямь большие проблемы. И тебе следует на них взглянуть».

К счастью, проблемы оказались не из разряда «хуже некуда», поскольку на западном участке не случился мор, люди не начали массово издыхать прямо у нас на пороге и никто не пытался взорвать в холле нашего Управления боевой артефакт немыслимой мощи. Но честное слово, когда я прошел в соседний кабинет и выглянул в окно, то словом «проблема» проникся до мозга костей.

Просто потому, что вся улица под нашими окнами, начиная от крыльца и заканчивая последними домами, стала похожа на муравейник, настолько много там толпилось народу. Причем когда я присмотрелся, то обнаружил, что это была не просто неорганизованная, стихийно образовавшаяся толпа. Нет! Это была огромная очередь! Вернее, сразу две очереди, одна из которых протянулась от нашего здания до одного конца улицы, а вторая виднелась от входа в здание Управления городской стражи и уходила в противоположную сторону. Но что самое скверное, народ все продолжал прибывать, так что хвосты этих, с позволения сказать, очередей протянулись далеко-далеко вперед и, судя по всему, продолжали расти.

– Мы уже не рассматриваем дела немедленно, – тихо сказала подошедшая Хокк, когда я замер у окна. – Просто принимаем заявления и выпроваживаем людей восвояси. Ни одного выезда за утро – все наши сотрудники сидят в холле и в бешеном темпе описывают чужие жалобы, чтобы сэкономить время. Тех посетителей, кто в своем уме, мы сразу отправляем по домам. Тех, кто забыл, где он находится, – в ближайшую лечебницу. И все равно народу столько, что мы уже не справляемся. А что творится у Жольда, вообще боюсь представить.

Я отмер:

– И много у вас особо забывчивых?

– Пока трое. Но если бы ты видел, сколько за сегодня народу подало заявления о пропаже ценных вещей, домашних животных и ближайших родственников...

Я помрачнел. Похоже, ситуация ухудшается с каждым днем. И если двое суток назад проблемы с памятью отчетливо проявлялись лишь у отдельных (возможно, наиболее тревожных и мнительных)

горожан, то теперь люди начали забывать массово. Причем самые насыщенные, важные вещи!

– Продолжайте работать, – бросил я, окутываясь Тьмой. – Надо продержаться хотя бы до вечера.

– А ты куда?! – крикнула Хокк, когда я начал проваливаться на темную сторону.

– В храм. К отцу Гону. И к богам, которые отчего-то не изъявляют желания нам помочь.

– Учитель, можно, я с вами? – словно почуяв неладное, подскочил ко мне Роберт.

Я молча взял его за руку. После чего обменялся с Хокк выразительным взглядом и ушел, очень надеясь, что еще что-то можно исправить.

– Здравствуй, Артур... – привычной фразой поприветствовал меня на пороге первохрама отец настоятель. Правда, на этот раз в ней не чувствовалось ни лукавства, ни прежней улыбки – жрец выглядел встревоженным. Его глаза лихорадочно блестели. А осунувшееся лицо красноречиво говорило, что последние дни отец Гон тоже провел практически без отдыха. – Я получил твое послание. И успел побеседовать с братьями: Орден, несомненно, вмешается и окажет магам всестороннюю помощь. Но нам нужны точные сроки и возможность участвовать в ритуале.

Я устало кивнул:

– Даже не сомневался в вас, святой отец. Но я хотел спросить о другом.

– Случилось что-то еще? – напрягся отец настоятель.

– Процесс, похоже, ускоряется. В него вовлечено слишком много народу, и это уже становится опасным.

– Я все понимаю, брат, – вздохнул жрец, опуская плечи. – Но у меня нет ответов на твои вопросы. И боги почему-то молчат.

– Вот это меня и тревожит, – пробормотал я, быстрым шагом заходя в первохрам. – Роберт, постой тут. Мне нужно кое-что сделать. Ал, будь добр, присмотри.

Неслышно материализовавшийся рядом с мальчиком алтарь согласно булькнул и взял мальчишку за руку, чтобы тот не вздумал мне помешать. Отец Гон недоумевающе вскинул брови, когда я решительно направился к статуям, которые не так давно собственноручно собирал.

Но еще больше он удивился, когда я подошел не к Ферзе и даже не к Фолу, а напрямик направился к воинственному и непримиримому Рейсу и, остановившись напротив, крайне непочтительно ткнул его в колено кончиком соткавшейся из Тьмы секирой.

– Извини, что беспокою, – хмуро бросил я, когда глаза у статуи загорелись недобрым красноватым светом. – Из всех богов ты самый агрессивный. И в то же время больше всех понимаешь в угрозах. Скажи: что с вами не так? И почему ни один из богов до сих пор не рискнул вмешаться? Угроза не так велика, как мне кажется? Или вы верите, что у нас хватит сил справиться с ней самостоятельно?

Глаза у бога войны вспыхнули бешеным огнем, но мне его недовольство было до одного места. Я пришел задать конкретный вопрос. И ждал, что получу такой же конкретный ответ. Даже если ответом будет самая обычная шаровая молния, которая поджарит меня на месте.

Рейс тем временем с усилием наклонил каменную голову и пригвоздил меня к месту тяжелым взглядом. Действительно тяжелым – от него подгибались колени и отчетливо похрустывали позвонки.

Правда, длилось это недолго.

То ли почуяв угрозу от секиры, настойчиво ползущей по каменной ноге вверх, то ли вспомнив, чем это едва не закончилось в прошлый раз, великий Рейс все же прикрыл веки и глухо пророкотал:

– Что... за угроза?

– А ты не знаешь?

– Не-е-ет... данных...

Я пораженно отступил.

Что значит нет данных?! Они что, слепые?! Глухие?! Совсем ничего не соображают?! Или же...

От последней мысли меня аж мороз по коже продрал.

Да нет! Не может быть, чтобы и на богов *это* сумело подействовать! Или все-таки может?

– Рейс, что ты помнишь из событий сегодняшнего утра? – холодея от страшного подозрения, тихо спросил я. – Сколько у тебя жрецов? Когда они в последний раз молились? О чем просили тебя накануне... что из этого ты сейчас помнишь?!

Статуя угрюмо промолчала, и после этого мне совсем поплохело.

– А более ранние события, Рейс? О том, кто ты? Как жил в последние тысячелетия? Хотя бы о том, что твое вместилище было разбито, а потом снова собрано, ты помнишь?! Или о том, кто это сделал?!

– Тебя... помню... – после короткой паузы пророкотал бог. – Остальное... смутно...

– Как такое может быть?! – в шоке прошептал я, глядя на статую широко раскрытыми глазами. Рейс же тем временем замолк и больше не отозывался. Его веки окончательно закрылись, зловещий огонь под ними угас. И всего через миг вместо ожившего бога передо мной стояла обычная каменюка, которая наотрез отказывалась общаться. И даже не вякнула, когда я от неожиданности отколол от нее приличный кусок.

Когда этот кусок с оглушительным грохотом шмякнулся на пол и разлетелся на несколько осколков поменьше, я поначалу опешил. Затем недоверчиво потрогал один из них ногой. Не получил в ответ никакой реакции. Ни одной, даже самой завалящей молнии! Исполнившись самых дурных подозрений, снова тюкнул величественного бога по коленной чашечке и... глухо ругнулся, когда еще один кусок из нерушимого, освященного богами материала попросту развалился, словно обычный известняк.

Тьма! Да что же такое происходит?!

Оставив Рейса в покое, я метнулся обратно, но Фол на мой недвусмысленный жест не отреагировал. И точно так же, как Рейс, вдруг потерял к творящемуся в храме всякий интерес. А когда я полоснул его по стопе секирой, без всякого сопротивления начал разваливаться на куски.

– М-мастер Рэйш! – в панике прошептал Роберт, и вот тогда я обернулся в поисках помощи отца настоятеля. Но внезапно обнаружил, что смертельно бледный отец Гон стоит, с трудом удерживая равновесие, а затем один из самых могущественных темных жрецов вдруг закатил глаза и осел на пол. Более того, стоящий рядом Ал вдруг схватился обеими руками за голову и протестуяще булькнул, словно получил невыполнимый приказ. А еще через миг его поверхность пошла густой рябью и всего за один удар сердца обратилась в камень.

В храме после этого резко потемнело, а затем и похолодало, как если бы из него ушла всякая жизнь. Омертвевшие статуи выглядели

жутко, а окаменевший Ал и того страшнее. Но что самое скверное, я больше не ощущал силы в этом месте. Здесь не осталось даже тех крох, которые я помнил со времен, когда уколошил громадного вампира.

– Что п-происходит, учитель?! – беспомощно посмотрел на меня растерявшийся от таких новостей Роберт.

Я проверил пульс на шее отца настоятеля и сжал челюсти.

Сказал бы я, что происходит, но, боюсь, такие слова и в таком количестве в храме произносить не стоит. Потому что боги, даже если и покинули недавно обретенную обитель, мне этого не простят. Если, конечно, вернуться.

– Мастер Рэйш! – крикнул мальчик, когда я решительно развернулся и направился к статуе Ферзы.

– Стой на месте!

Не надо, ученик. Не вмешивайся. И вообще, тебе стоит быть подальше в то время, как я собираюсь сделать что-то очень и очень плохое.

Как я и предполагал, больше никто из богов на мой зов не откликнулся. Ирейя, похоже, уснула, отреагировав на мое непочтительное приветствие лишь слабым блеском каменных глаз. Ее сестра Малайя и вовсе никакой реакции не проявила. Сол даже глаз не открыл. Абос даже не хрюкнул.

Неужели наши боги мертвы?

– Здравствуй, Артур, – вкрадчиво прошептала Тьма за моей спиной, когда я встал напротив последней в нашем пантеоне богини и, качнув секиру в руке, всерьез задумался, куда бы ударить. – Кажется, ты собираешься сделать очередную глупость?

– Как всегда, – с облегчением признался я. – Но похоже, в этом больше нет необходимости. Скажи, моя леди, что происходит? С вами? С нами? Со всем миром?! Ответ: мы умираем?!

Смерть помолчала, а потом неохотно призналась:

– Не знаю.

– Не знаешь или не помнишь?!

– Мне... сложно определиться, Артур. Но если ты сможешь задать правильные вопросы, возможно, я сумею дать на них ответ.

...Глава 13...

Не знаю, чего в моих эмоциях стало больше после таких слов – тревоги за то, что нас ждет, или облегчения от мысли, что даже Смерть не уверена, пришло ли время забрать весь наш мир во Тьму. Само собой, ситуация требовала немедленных пояснений. Но с учетом моих догадок выяснять правду следовало осторожно.

– Правильно ли я понял, – тщательно подбирая слова, начал я. – Миру угрожает опасность, но вы об этом не помните?

– Судя по всему, ты прав, Артур, – после недолгого колебания ответила леди в белом.

– Опасность эта возникла давно?

– Скорее всего.

– Но точные сроки тебе неизвестны?

– Я не помню, как давно об этом узнала.

– И все же достаточно давно, чтобы забеспокоиться? Начать принимать меры? – не отставал я. – Скажем, чтобы начать поиски новых жнецов? А может, еще раньше? Много-много раньше...

На мои щеки без предупреждения легли две прохладных ладошки, а волосы на затылке тронул легкий вздох.

– Я не знаю, Артур. Все так смутно и неясно. Прошое, будущее... Но предполагаю, что и здесь ты прав. Хотя бы потому, что заставить забыть о чем-то человека – не такая уж сложная задача. А вот воздействовать на бога...

Я вздрогнул:

– Как такое возможно?!

– Не знаю... – так же внезапно отдалился голос моей богини, заставив меня всполошиться.

– Стой! Не уходи! Не оставляй меня без ответов! У кого, как не у тебя, мне спрашивать о грядущем конце света?! Ты же богиня жизни!

– И смерти... да, я помню, – снова приблизился голос. – Но у тебя мало времени, мой жрец. Не давай мне забыть тебя. Ты и подобные тебе – мой якорь. Если вас не станет, я уйду вслед за остальными.

Я сглотнул:

– Боги ведь не умирают, как люди. Разве нет?

– Когда не остается сил, мы засыпаем. Надолго. Иногда даже навечно. Это и называется смертью. И этот день близится, Артур. Но мы не можем его остановить, потому что над временем не властны даже боги.

– А кто властен?

– Таков порядок вещей...

– Нет! – всполошился я, почувствовав, что богиня снова собирается отстраниться. А потом быстро обернулся и опустился перед ней на одно колено. – Прошу, останься. Мне очень нужна твоя помощь.

Перед моими глазами качнулся край белоснежного подола, а из-под него на мгновение показался и тут же пропал краешек изящной белой туфельки. Еще через миг на мою голову опустилась невесомая, но на редкость сильная ладошка. А потом леди Смерть тихо вздохнула:

– Задавай правильные вопросы, Артур. Иначе я не смогу тебе помочь.

– Что такое свет? – против воли сорвалось у меня с языка, и леди в белом удивленно замерла. – Помнишь, ты однажды спросила меня об этом? Я тогда сказал, что свет – это надежда. Но если свет во Тьму изначально приносим именно мы, люди, то значит ли это, что этот свет важен и для вас тоже? Мы – то, на чем держится ваша сила. Ваш якорь. И наверное, мы – та самая надежда, о которой ты говорила?

Тонкие женские пальчики задумчиво принялись перебирать мои волосы.

– Возможно.

– Чем мы можем помочь? – быстро спросил я, пригибая голову ниже. – Чего ты ждешь от меня? Что я должен сделать? Ах да, ты, наверное, не помнишь... хорошо. Тогда ответь: что это за сила, способная справиться с настоящим богом? Это какая-то магия?

– Нет, мой жрец. Магии мы неподвластны.

– Тогда что мне искать? Что в этом мире вообще способно вам навредить?!

– В этом мире... ничего, – наклонившись, шепнула Смерть, и я похолодел еще больше.

– А за его пределами?

Пальцы на моей голове замерли.

– Это – правильный вопрос, Артур, – после долгой-предолгой паузы, во время которой у меня аж ноги занемели, отозвалась богиня. – Ты напомнил мне кое о чем... Давным-давно, как мне кажется, этот вопрос нас сильно волновал. Причину не помню, не спрашивай. Но из-за этого нам действительно пришлось задуматься о возвращении жнецов. А еще тогда, если я ничего не путаю, в вашем мире начиналась большая смута...

– Смута или война?!

– А разве есть разница?

Тонкие пальчики соскользнули с моей макушки, но я успел вскинуть руку и перехватить мягкую ладошку.

– Я прошу тебя, прекраснейшая. Задержись еще на пару мгновений, ведь только над тобой время не имеет такой же власти, как над остальными.

– У меня осталось мало сил, Артур, – предупредила Смерть, и ладошка в моей руке истаяла, словно дым. – Я больше не смогу уделять тебе много внимания.

– Всего один вопрос!

– Хорошо, – смилостивилась богиня, заставив меня облегченно выдохнуть. – Спрашивай.

– Полторы тысячи лет назад, еще до первой смуты в Лотэине, у тебя было много жнецов. Могущественных, выносливых, неуязвимых. Причем могущественных настолько, что это стало представлять угрозу, и в первую очередь для вас самих. Тогда же, полтора тысячелетия назад, один из этих людей совершил огромную ошибку. Использовал дарованную тобой силу не по назначению. Сейчас говорят, что это были Врата... но что случилось на самом деле?

Леди Смерть замолчала. То ли задумалась, то ли пыталась вспомнить.

Причем молчала она так долго, что это откровенно тревожило. Неужели я угадал? А может, богиня решает, достоин ли я услышать правду?

– Ферза? – нетерпеливо дернулся я, когда ожидание стало невыносимым, и неосторожно поднял голову.

В тот же миг перед моим лицом образовался стремительный вихрь, и белоснежное платье исчезло. А вместе с ним исчезли и

заполонивший храм холодок, и ощущение чужого присутствия.

– Ферза! – крикнул я, рывком поднявшись с пола и стремительно оглядевшись. Но бесполезно – в храме остались только мертвые статуи, потерявший сознание жрец, бледный до синевы, упавший на одно колено и почтительно склонивший голову мальчишка и я... разочарованный, растерянный донельзя. И окруженный таким большим облаком Тьмы, что в нем тонуло все остальное.

Поняв, что ответа не будет, я сжал кулаки и все-таки выругался, уже не стесняясь священного места.

Проклятье! Фолова бездна! Да что ж мне в последнее время так не везет?! Девчонка Маори сбежала, весь мир сходит с ума, и даже боги покинули свои вместилища, будто потеряли к нам всякий интерес!

Я с раздражением уставился на окаменевший алтарь, возле которого так и стоял коленапреклоненный мальчишка. Подошел. Заглянул в мертвые глаза Ала. Не нашел там никакого отклика. Отчего разозлился еще больше и уже собрался было пнуть его по каменной коленке, как вдруг вспомнил, что в этой каменюке заключалась далеко не вся сила, дарованная ему Фолом, и положил ладонь на окаменевшее лицо.

– Давай, Ал. Может, Фол и покинул этот мир, может, вместе с ним и ушли остальные боги, но ты теперь зависишь не только от них. И часть тебя есть не только в этой глыбе. Роберт!

– Да, мастер Рэйш? – прошептал снизу мальчик.

– Подойди и покажи мне то, что отдал тебе Ал в тот день, когда ты убил Палачей.

Роберт послушно встал и вытянул раскрытую ладонь, на которой заблестела крохотная серебристая капелька.

– Вылей!

Он послушно растопырил пальцы, и тягучая капля с тихим плеском шлепнулась на пол. Еще через пару мгновений я добавил туда свою. Наконец из пустоты вынырнул озабоченно хмурящий брови Мэл и вылил на пол третью каплю, благодаря которой на гладком полу образовалась крохотная серебристая лужица.

– Он ведь самовосстанавливающийся, правда? – так же шепотом спросил Роберт.

Я прищурился:

– По идее да. А еще он с некоторых пор заполучил новые свойства. И если нам повезет, сможет хотя бы частично вернуться.

Лужица тем временем дрогнула, растеклась вокруг нас, окружив не пришедшего в себя жреца. Затем поднатужилась. Беспокойно забурлила. И... все-таки выросла в подобие прежнего Ала, только ростом мне до колена, не выше. Видимо, на большее у него не хватило сил.

«Спасибо, – соткалось через миг у нас под ногами. – Без зова не могу. Сил почти не осталось. Но того, что даете вы, на какое-то время хватит».

– Мыслеречь тебе, я так понимаю, снова недоступна? – осведомился я, присев перед малой копией алтаря на корточки.

Тот лишь огорченно булькнул.

– Значит, Фол действительно ушел...

«Уснул, – возразил Ал. – Это намного опаснее».

– Но почему? Мы же вернули ему вместилище! – нахмурился Мэл, нервно щелкнув когтями по полу. Звук получился на редкость громким, вездесущее эхо тут же его подхватило и разнесло по храму, словно дурную весть.

«Одного вместилища для восстановления сил мало. Нужно время, – огорченно поведал Ал, когда бывший Палач наклонился и поднял с пола потерявшего сознание жреца. – А времени с момента обретения вместилищ прошло совсем немного. Поэтому боги ушли».

Я нетерпеливо качнулся вперед:

– погоди. Хочешь сказать, что до того, как мы с тобой собрали вот те каменюки, боги какое-то время спали?!

«Нет вместилища для бога – нет вместилища для их силы. Нет силы – нет жизни».

– Куда же они эти силы подевали? – задал резонный вопрос Мэл, аккуратно похлопав отца Гона по щекам. – Война войной, но когда друг друга режут простые люди, на богах же это не могло отразиться? По крайней мере, не до такой степени, чтобы они совсем обессилели. Статуи были расколоты с их полного согласия. Затем перевезены сюда. Оставлены в безопасном месте... раз тут какое-то время жировал вампир, значит, силы все-таки были? Да и Ал в то время выглядел не в пример живее, чем сейчас.

– Получается, что эти силы боги успели куда-то потратить... но на что? И зачем? – задумался я. – Ал, ты что-нибудь помнишь?

«Врата», – вместо ответа соткалось на полу.

– Что Врата? – не понял я. – Это они виноваты?

«Мне кажется, дело не в них, а в том, что находится *за* ними».

И вот тогда у меня что-то щелкнуло в голове.

Тьма! Что ж я сразу-то не подумал?! Ведь наш мир и, соответственно, боги существуют уже давно. И само собой, так же долго существуют жрецы. В том числе и жрецы богини Смерти. За столько лет в их рядах наверняка побывало немало людей, причем с самыми разными характерами, запросами, уровнем силы и даже вредными привычками. Небось не одному из них за эти долгие тысячелетия приходила мысль несколько разнообразить унылые будни темной стороны. И мне следовало раньше подумать, что на такой случай боги – а они все же не глупцы и не дети – должны были себя обезопасить. Принять меры, чтобы какой-нибудь заигравшийся в творца жнец... ладно, если бы убился сам! Главное, чтобы он не убил других, не разрушил мир и не уничтожил все то, что так долго и с такой любовью создавалось.

Ни за что не поверю, что боги, когда случился один из таких опасных моментов – а он не мог не случиться, ведь люди, по сути, одинаковые, – не следили за жнецами на всякий случай. Да, не за всеми. Да, не всегда. Но на самотек такие вещи они бы точно не пустили.

Это означало, что тот жнец, о котором мы говорили с отцом Лотием, тот самый отступник, из-за которого случилась первая большая смута в Лотэйне, на самом деле открыл не простые Врата. Нет. Он сделал нечто такое, чего от него никто не ждал. То, чего даже боги не смогли предусмотреть.

Что именно? Точно не знаю. Но наверное, не зря леди Смерть дала мне подсказку.

Что, если тот жнец пытался открыть Врата не на темную сторону, а куда-то дальше? За грань? За пределы нашего мира?

Что, если он преступил не просто границу между Светом и Тьмой, а нашел способ заглянуть в запределье? Туда, куда даже боги не отваживаются заходить? Что, если он сломал границы нашей реальности?

Быть может, именно поэтому произошла катастрофа? С обычными Вратами Фол бы наверняка справился – тогда он был в полной силе, как и остальные боги. Если не он один, то всемером они бы точно остановили безумца и без особого труда убрали оставшийся после него мусор.

Но они, получается, не смогли этого сделать. Или сделали, но не до конца. Вот почему случился раскол среди жрецов. Вот почему боги, включая леди Смерть, дали согласие на уничтожение касты жнецов.

Это была не просто угроза для людей. Нет!

Это была угроза самому существованию нашего мира! Богам! Это была угроза всему! Поэтому и вырезали жнецов под корень. Всех, в ком боги хотя бы на миг усомнились, а таких, я верю, нашлось немало. Тем же, кого оправдал божественный суд, сохранили жизнь и даже остатки прежних сил. Они продолжили род. Дали миру так называемых темных магов и в конечном итоге уберегли границу от окончательного разрушения.

Но при этом смута в Лотэйне не остановилась. Она затихла, да, но через несколько столетий вспыхнула с новой силой.

Спрашивается: почему, если, казалось бы, виновный наказан, а те, кто хотя бы теоретически мог быть причастен к предательству, были к тому времени полностью уничтожены? Если все стало спокойно, то почему боги не предотвратили вторую войну? Не потому ли, что после тех, самых первых, Врат сами оказались обессилены? Поскольку то, что открылось им в заповедье, сумело вытянуть из них слишком много энергии и оказалось настолько опасно, что ради спасения себя и нас боги не погнушались истратить большую часть своих запасов?

Что мы знаем о тех временах? А о том, кто именно закрывал тот прорыв?

Отец Гон утверждает, что великий подвиг совершили жрецы. Но судя по всему, он кое-чего не учел. Или же об этом не написано в жреческих летописях. И тогда картина получается намного страшнее, чем об этом говорят жрецы. Ведь выходит, что полтора тысячелетия назад наш мир столкнулся с чем-то, что оказалось гораздо опаснее полоумных жнецов и много могущественнее, чем древние боги. Это нечто смогло их ослабить. Возможно, поранить и на долгое время выбить из колеи. После чего боги... наверное, задремали? Не как сейчас, конечно, а вполглаза. Впали в оцепенение в надежде подкопить

немного сил. Так что им, разумеется, стало не до того, чтобы отслеживать, чем там на самом деле занимаются уцелевшие жрецы.

Если это действительно так, то получается, что дальнейшие события были инициированы исключительно смертными. Испросив разрешение на перенос алтаря и статуй, жрецы, конечно же, не получили внятного ответа – ослабленным богам стало не до того. Хотя не исключено, что Фол решил: так ему будет легче переждать сложное время. В тишине, в покое и вдалеке от того места, где были открыты – а наверное, они все-таки были открыты – те чудовищные Врата, которые едва не погубили наш мир.

И тогда получается, что переезд в Алторию стал не результатом бегства, связанного с разгорающейся войной, а лишь попыткой избежать воздействия того, что появилось на месте уничтоженных Врат. Или же они на самом деле не были уничтожены? Что, если полторы тысячи лет назад их только прикрыли, однако полностью разрушить так и не смогли?

От последней мысли я пошатнулся и ухватился за стоящего рядом брата, все еще тщетно пытающегося привести в чувство отца настоятеля.

Но тогда что же получается, *это* до сих пор еще живо, а Врата в иной мир по-прежнему открыты и то, с чем не смогли справиться наши боги, пока были в полной силе, все эти столетия продолжало потихоньку на них воздействовать?! Пока боги дремали, это, возможно, не играло большой роли – во сне силы расходуются медленно. Но как только я восстановил храм и боги вернули свои вместилища, их сила...

Что стало с силой, которая не успела толком восстановиться еще с тех времен?!

– Наверное, все эти годы боги спали еще и потому, что продолжали слабеть даже во сне? – предположил Мэл.

Я медленно покачал головой:

– Если они знали, что Врата остались открытыми... я бы на их месте установил там защиту.

– Любая защита нуждается в подпитке...

– Вот именно, – тяжело вздохнул я. – Думаю, теперь мы знаем, почему наши боги так долго отсутствовали. Защита... если это то, что я думаю, то ни на что большее у них просто не хватило сил. Только на

поддержание баланса. Только на то, чтобы сохранить наш мир в целости. Когда же даже этих сил стало не хватать...

– Нет, Арт, – нахмурился брат. – Ты же сам их разбудил. Зачем они проснулись, если знали, что это может усугубить ситуацию?

– Хотели предупредить?

– Тогда почему они этого не сделали?! За столько лет?! Да хотя бы за последние полгода?!

– Потому что то, что теперь действует на нас, с самого начала воздействовало на них, – вдруг тихо проговорил Роберт. – Леди сказала, что наша магия на это не способна. А чужая, получается, может? Наверное, они поэтому обо всем забыли. Точно так же, как забываем сейчас мы. Просто пока у богов было достаточно энергии, чтобы поддерживать защиту над Вратами, эта магия воздействовала только на них. Они забыли о Вратах. Забыли обо всем, что было. Они просто спали и понемногу теряли силы все это время. Потом проснулись и не смогли вспомнить, зачем вообще куда-то их тратили. Возможно, они даже не вспомнили, что, прежде чем просыпаться, стоит проверить резервы? Не успели понять, что такой низкий уровень был у них не всегда? Быть может, боги просто не почувствовали в этом угрозы, поэтому и не сказали об этом нам? А потом стало поздно: их силы почти иссякли. Защита, в свою очередь, ослабла, а эта гадость начала просачиваться наружу... повсюду... даже здесь, хотя сами Врата остались в Лотэйне.

Я глянул на ученика и был вынужден признать, что в его словах есть разумное зерно.

И правда. Если изначально эту магию сдерживала божественная защита, то и страдать от нее должны были лишь боги. Нас они прикрыли. На целых полторы тысячи лет, на протяжении которых Фол и остальные, даже не помня этого, хранили наш мир от угрозы. Но теперь их энергия иссякла, защищать нас стало некому. И то, чего изначально не должно было быть в нашем мире, стало сюда просачиваться. Сначала, как водится, по чуть-чуть. Буквально по каплям, по мере того как слабела защита. Затем, с годами, все быстрее и больше. Отдельные капли, как у Ала, сливались в крохотные ручейки. Те – в такие же крохотные лужи. И так до тех пор, пока из луж не собралась полноводная река, от напора которой установленная богами плотина начала трескаться от напряжения.

О том, что произойдет, когда она окончательно рухнет, думать не хотелось. Но то, что это случится в самое ближайшее время, было очевидно – не зря события понеслись вскачь, не зря боги, не успев даже осознать, в чем дело, снова уснули, а мы всего за несколько суток огребли столько проблем, сколько и за сто лет затруднительно накопить.

– Мне непонятно одно, – мрачно бросил брат, без труда отследив ход моих мыслей. – Если Врата остались в Лотэйне, то почему первыми пострадали мы? Почему отец Гон сказал, что это началось именно здесь, в Алтире?

Я поднял на него тяжелый взгляд:

– Потому что здесь самая высокая концентрация темных магов в мире, включая Лотэйн. Там, если помнишь, темных вообще не осталось. Все мы теперь обитаем здесь. По большей части в столице. А рядом с нами... сам знаешь... границы миров истончаются легче всего.

...Глава 14...

– Я убью тебя, Рэйш! – простонал Корн, когда я третий раз подряд вломился в его кабинет и с ходу «осчастливил» очередными новостями. – Ну почему именно ты умудряешься принести мне самые дурные вести?!

– Надо торопиться, – оборвал его я. – Столицу придется усыпить сегодня. Лучше прямо сейчас.

– У нас еще нет расчетов! Ничего почти нет!

– Значит, надо сделать! Вы представляете, во что превратится город, если до населения дойдет, что храмы мертвы?! Жрецы нам больше не помощники. Большая их часть даже не помнит, что случилось этим утром! А остальных вырубил, как отца Гона! Мы остались одни, Корн. Поэтому действовать надо быстро, пока мы еще на это способны.

Корн обхватил руками голову и снова застонал:

– Что с настоятелем?

– У вас в лечебнице. Отдыхает, – сбавил обороты я.

– Он в порядке?

– Нет. Он с трудом меня вспомнил, когда очнулся. И то лишь потому, что мы находились в тот момент на темной стороне.

– А что с храмом? – с обреченным видом спросил шеф.

– Он пуст. И похоже, для отца настоятеля это стало таким потрясением, что он попросту о нем забыл. Причем забыл мгновенно.

Шеф измученно прикрыл глаза, не хуже меня сознавая, что мы больше не успеваем ничего контролировать, но миг слабости длился недолго. Времени на переживания или сожаления у нас не было. Каждая свеча неумолимо приближала Алтир к хаосу. Не знаю, какие еще сведения успел за сегодня получить шеф, но они явно были не самыми хорошими. Так что моя информация просто усугубила и без того тяжелое положение начальника Главного Управления столичного сыска.

Я, правда, сомневался, что у него есть полномочия для принятия столь важных решений, но никого другого у меня на примете не было. Лорд Верон Искадо? Мы с ним еще плохо знакомы. Отец Роберта? Боюсь, у него и без того хлопот полон рот – с королем, с его окружением, со знатью, среди которой тоже наверняка набирала обороты вполне обоснованная паника. О том, что сейчас творилось во дворце, я не хотел даже гадать. Чудом сводящий концы с концами король, едва держащая спину под тяжестью свалившихся на нее трудностей королева, полнейший хаос среди слуг и приближенных...

Нет. Ждать оттуда помощи бессмысленно. Как бессмысленно ждать адекватных мер от растерянных, не умеющих быстро принимать решения чиновников всех уровней и мастей.

Корн понимал это как никто другой, и именно поэтому ему сейчас было так тяжело. Рискнуть взять на себя такую ответственность, стать тем самым человеком, который обречет огромную столицу на вынужденное бездействие...

Сколько случайных травм получают люди, когда наши маги накроют Алтир мощнейшим в истории заклинанием? Сколько человек упадет с лестниц, облучков кебов или просто идя по улице? Сколько горожан разобьются насмерть, в недобрый час выйдя на балкон собственного дома? Сколько произойдет в городе несчастных случаев? Сотни? Тысячи? Просто потому, что мы не успеваем никого предупредить, а даже если бы и успели, то на волне всеобщего помешательства абсолютное большинство алтирцев просто проигнорировали бы любое предупреждение.

Обо всем этом Корн, безусловно, думал, пока лихорадочно просчитывал последствия. Но миг колебания прошел. Время действительно было слишком дорого. Поэтому, взяв себя в руки, шеф потянулся за переговорным амулетом, связался с начальниками участков, железным голосом велел всем действующим сотрудникам собраться в ГУССе через пару свечей и, отбросив амулет на край стола, со стоном закрыл лицо руками.

Я посмотрел на него с сочувствием, но занять его место было не в моей власти. Я всего лишь маг, а не стратег. Убийца нежити, а не тактик. Тем более что мои слова в отличие от слов шефа остальные начальники могли со спокойной совестью пропустить мимо ушей.

– Сходи проверь, как там Херьен, – устало произнес Корн, когда в кабинете воцарилось гнетущее молчание. – И приведи всех, кто еще остался в здравом уме... нам понадобятся любые маги с любым даром, кто в состоянии адекватно оценивать ситуацию.

Я, поколебавшись, все же рискнул уточнить:

– Илдж уже дал вам предварительные выкладки по заклинанию?

Корн опустил руки, и я поразился тому, насколько же постарело за эти мгновения его лицо.

– Нет, Рэйш. У меня ничего нет. Никакой определенности. Нам придется действовать наобум в надежде, что твой план не сорвется.

От этих слов мне стало совсем тоскливо, но что еще я мог сделать? Только кивнуть, забрать из коридора Роберта и в самом мрачном настроении отправиться на нижний этаж – собирать под знамена Управления жалкие остатки магов, которые могли хоть чем-то помочь.

По пути я успел отметить, что защита здания претерпела существенные изменения, а в ней появилось много новых элементов, которые маги Корна создали по моей инструкции. Но даже они не закрывали сотрудников от воздействия чужеродной магии, хотя, если верить шефу, забывчивых и вышедших из строя в ГУССе все-таки было гораздо меньше, чем в среднем по столице.

Это давало надежду, что и в остальных Управлениях маги остались более или менее работоспособными. Но гарантий, как и раньше, не было, так что фактически я даже сейчас не знал, кто именно и в каком состоянии встретит меня в лечебнице.

– Привет, Арт, – криво усмехнулся Лив Херьен, с некоторым трудом поднявшись с постели. – Мне тут недавно сказали, что столица находится на грани катастрофы. Это правда?

Я с облегчением выдохнул:

– Что-то вроде того. Ты как, способен поучаствовать в эксперименте?

– Что за эксперимент? – деловито осведомился светлый, доковылял до комода и принялся рыться в поисках одежды.

– Да так. Ничего особенного. Надо всего-навсего усыпить население всей столицы, чтобы люди не покалечили и не поубивали друг друга, пока мы будем разбираться с главной проблемой.

Херьен выудил из ящика рубашку и форменные брюки и с подозрением покосился в нашу с Робертом сторону:

– Это та самая проблема, из-за которой ты даже здесь опасаясь отпустить от себя ученика?

Роберт неловко отвел глаза, а я спокойно кивнул.

– А меня ты тоже собираешься повсюду водить за ручку? – с еще большим подозрением осведомился Лив.

– Перебьешься. Твоя задача – суметь выбраться на улицу и удержаться на ногах до тех пор, пока Корн не скажет, что уже можно падать.

– Тогда ладно, – успокоился Херьен, принявшись снимать с себя выданную целителями рубашку и тонкие полотняные штаны. – Постоять я еще смогу. Но лучше все-таки будет найти какой-нибудь стул, потому что надолго меня вряд ли хватит... Арт, что происходит?

Я перехватил предельно серьезный взгляд друга и, пока Лив переодевался, коротко пересказал ему последние новости.

– Дерьмово, – емко оценил происходящее тот. – Значит, Корн собирает в Управление всех магов в надежде, что они сумеют удержать над столицей одно громадное заклинание?

– Да.

– Это плохая идея, – проворчал Херьен, торопливо оглядываясь в поисках сапог или хотя бы ботинок.

– Почему?

– Потому что устойчивой структуры для сонного заклинания таких размеров не существует. А для того, чтобы его масштабировать, понадобится знаешь сколько энергии?

Я проследил взглядом за его метаниями:

– Сколько?

Светлый на пару мгновений замер, закатив глаза и что-то про себя подсчитывая, а потом выдохнул:

– Больше полусотни человек. Причем их придется расставить в ключевых точках, которые станут для заклятия опорными, и заставить отдать для него весь резерв. Имей в виду: уровень магов должен быть не ниже среднего. Только светлые... Так! Да где же эта демонова обувка?!

– Посмотри под кроватью, – машинально отозвался я. – А ты откуда знаешь про заклинание?

Лив опустил на корточки и, отдернув свисающую почти до пола простыню, просиял:

– Точно! Вот они!

– Херье-е-ен...

– А? – непонимающе обернулся Лив, доставая из-под кровати сапоги. – Ах, ты про заклятие... да я в свое время диплом в университете защищал именно по масштабированным заклинаниям. С сонными, правда, работать не доводилось, но что и как, я примерно представляю.

Я замер:

– Ты?!

– А что такого? – проворчал Херьен, закончив с экипировкой и затянув на поясе ремень. – Думаешь, я совсем дурак? Между прочим, у меня диплом с отличием. Я ж изначально хотел в боевые маги податься, но пока нет войны, в наших услугах нуждаются мало, а подписываться на пожизненную службу в спецотделе я не захотел. Вот и пошел в ГУСС. Вскрывать трупы, между прочим, тоже бывает интересно.

Мы с Робертом уставились на светлого во все глаза.

– Лив, сколько тебе понадобится времени, чтобы масштабировать заклинание из расчета того, что его надо растянуть на всю столицу? – тихо спросил я, боясь спугнуть неожиданную удачу.

– Теоретически? Ну-у... от силы свечи три. Может, четыре. Это если просто сделать расчеты на бумаге. А вот если найдешь мне сферу с нужными данными, то раза в два меньше.

Я оскалился:

– Отлично. Роберт, тащи этого чудика к Корну. И побыстрее!

– А ты куда? – изумился Херьен.

– Искать твоих коллег по другим палатам. Чем Фол не шутит? Может, у нас еще один гений найдется?

Свечи через полторы в холле Главного сыскного Управления Алтира народу было не протолкнуться. Темные, светлые... магов собралось так много, что у меня в душе даже шевельнулось нечто похожее на гордость за кадры столичных сыскных Управлений.

Светлых, само собой, оказалось гораздо больше, но их по определению рождалось раза в два с половиной больше, чем темных. И все равно почти две сотни дееспособных, обученных, неглупых магов – это немалая сила.

Единственное, что омрачало мою радость, это тот факт, что в то время, как все сыскари собрались здесь, столица осталась совершенно без защиты. Корн снял магов со всех патрулей, со всех выездов и даже со сложных дел, скинув их на городскую стражу. О том, что творилось на улицах в эти две свечи, даже говорить не буду. Ситуацию можно было описать лишь одним словом: хаос. Причем хаос полнейший и бесповоротный, который с каждым мгновением только нарастал. Из-за этого шеф приказал даже табличку со здания снять, чтобы бестолково носящиеся по улицам, охваченные паникой люди не сорвали готовящуюся операцию.

Поскольку места в холле было не так уж много, то люди стояли и сидели везде, где смогли пристроиться. Но, несмотря на скученность, в помещении было на удивление тихо – маги со всем вниманием слушали вещающего с лестницы Корна, который в это время кратко и по-деловому описывал наше почти безнадежное положение. Разумеется, без упоминания богов и тех сложностей, которые мы заполучили с их внезапным уходом. И это было правильным решением – большинству магов незачем знать такие душещипательные детали. Их наиглавнейшая проблема – некий артефакт, отнимающий у жителей столицы память. Задача – найти этот артефакт. Способы решения этой задачи... ну, и далее по тексту.

Пока шеф, старательно обходя острые углы, обрисовывал ситуацию, я успел пройтись по периметру здания и усилить защиту, которая давала пусть маленький, но все же шанс, что всеобщее сумасшествие не затронет нас хотя бы в ближайшие пару-тройку свечей. За это время Лив должен был закончить расчеты, а начальство планировало осуществить беспрецедентный по размаху эксперимент, способный сохранить жизни мирного населения.

Когда я закончил с обходом и поднялся в кабинет Корна, там все еще кипела работа. Херьен, сидя в кресле шефа, что-то ожесточенно черкал на бумаге и отчаянно спорил с сидящей на краю стола Хокк, которая трясла перед его лицом мелко исписанными листами и с жаром что-то доказывала.

– Ты не понимаешь! – с раздражением отмахнулся от магички Лив. – Это только увеличит нагрузку на магов!

– Зато мы получим преимущество! – рывкнула на него Хокк. – Знаешь, сколько жизней это поможет сохранить?! Тысячи! Десятки тысяч! Разве мы не для этого все затеем?

Да. Обстановка в кабинете была нервной, но оно и понятно – от своих я ничего не утаил, за исключением того факта, что мы остались не только без жрецов, но и без божественных покровителей. Поэтому поводов для тревоги, опасений и громких споров у них было предостаточно. Сидящая в соседнем кресле Триш невольно поморщилась, когда эти двое сорвались на крик и заспорили еще яростнее. А Роберт, которого я оставил в самом защищенном помещении ГУССа, бросил на меня умоляющий взгляд.

Я деликатно кашлянул:

– Что за сыр-бор? Лив, Хокк... какого демона вы упражняетесь в остроумии вместо того, чтобы уже выдать нам конечный результат?

Спорщики одновременно замолкли. Хокк, бешено раздув ноздри, отвернулась, а Лив страдальчески поморщился:

– Ничего особенного. Лора предлагает совместить сразу два заклинания, а я ей говорю, что в этом нет смысла.

– Что за заклинания? – поинтересовался я.

– Сонное и стазис.

– А в чем проблема?

– Ни в чем.

Хокк зло выдохнула и, повернувшись, обвиняюще ткнула светлого пальцем в грудь:

– Проблема в том, что он не хочет со мной соглашаться!

Я перевел взгляд на Херьена.

– Это глупо, – почти простонал Лив и смял в кулаке исчерканную вдоль и поперек бумагу. – Ну что же ты такая упрямая? Неужели не видно, что при такой нагрузке наши маги просто сгорят?! Даже Илдж вон решил не связываться! Ушел! Потому что оно того не стоит!

– Да кто вообще говорит о нагрузке?! – взбеленилась Хокк. – Это если по отдельности их использовать, будет плохо! А если оба заклинания начать создавать одновременно, то на общие затраты энергии это почти не повлияет! Зато стабильность заклятия повысится

почти вдвое! Не говоря уж про дополнительный эффект, который поможет нам уберечь мирных жителей от ненужных увечий!

– Эй-эй, не орите, – вмешался я, пока они не сцепились снова. – Лив, идея же толковая. Что конкретно тебя в ней не устраивает?

– Вот что! – буркнул светлый и указал на целый ворох бумаг, испещренный знаками и формулами. – Я сделал расчеты по сонному заклинанию. Илдж все одобрил, поэтому их уже можно использовать. А Хокк предлагает пересчитать их с нуля, потому что у нее, видите ли, в последний момент возникла другая идея. Просто. Пересчитать. С нуля! Можешь себе представить?! А знаешь, сколько это работы? И сколько еще времени мы на это угробим?

– Да я сама тебе все пересчитаю, – огрызнулась Лора. – Причем прямо сейчас! Не сходя с места!

– А ты умеешь? – удивился я. И удостоился такого уничижительного взгляда, что чуть не крякнул от неожиданности.

Хокк слезла со стола и с достоинством выпрямилась:

– Чтоб ты знал, Рэйш, масштабирование простых заклинаний было моей любимой темой во времена студенчества. И я тоже защищала по ней диплом. Защитила, между прочим. И тоже с отличием. Только на пару лет раньше, чем некоторые!

Я глянул на эту парочку с откровенным скепсисом:

– Что же вам мешает совместить обе идеи в одну? Время? Не переживайте – без вас все равно не начнут, а полсвечой больше или меньше особой роли уже не играет. Город и без того сошел с ума. Дальше падать просто некуда. Тогда что? Принципы? Лив? Хокк? В чем дело? У вас что, детство в одном месте заиграло? Или мне назвать это другим словом? Более уместным, только грубее?

Магичка поджала губы и снова отвернулась, а Херьен неуловимо порозовел.

– Идиоты вы оба, – спокойно заключил я, даже не глянув в сторону бумаг. – Идея стазиса хороша. Если вы сумеете закончить ее в ближайшее время, мы это непременно используем. Если нет, значит, будем работать с тем, что есть. Даже в том случае, если заклинание окажется нестабильным. Вам ясно?

Лив, буркнув что-то неразборчивое, уткнулся носом в бумаги, а Хокк мрачно кивнула.

– Спасибо, – одними губами произнесла побледневшая от волнения Триш, когда в кабинете воцарилась тишина.

– Арт, а ты мне не поможешь? – не поднимая глаз, спросил Херьен, когда я развернулся к выходу.

Но я только покачал головой.

Увы. Мое образование как мага все еще было неполным. Многие пробелы, которые оставил мастер Этор, я даже сейчас не успел заполнить. Вопросы же масштабирования заклинаний, что простых, что сложных, для меня вообще были сродни дремучему лесу. Меня готовили сугубо как практика, поэтому с расчетами я при всем желании помочь не смогу.

– Сколько у нас времени? – проворчала Хокк, успев немного остыть.

Я только усмехнулся:

– Его давно нет. Но думаю, за полсвечи мир не рухнет, так что работайте. Солнце еще высоко.

Спустя полсвечи перед Корном легли две стопки бумаг, исписанные мелким убористым почерком. Писала, очевидно, Хокк – у Лива почерк был хуже. Но сам факт того, что в последний момент они все же успели сделать два варианта заклинания, меня порадовал. Когда есть выбор, жить становится чуточку проще. Даже если выбирать приходилось из того, что плохо, и того, что намного хуже.

– Молодцы, – скупой похвалил магов шеф, когда ознакомился с результатами расчетов. – Идея со стазисом действительно толковая. Но почему вы решили поставить его только в реальном мире? Разве не удобнее было бы совместить?

Лора и Лив обменялись быстрыми взглядами.

– Это существенно уменьшит нагрузку на наших магов, – неохотно признала Хокк, к вящему удовлетворению Херьена. – Поскольку емкость заклинания стазиса напрямую зависит от количества лиц, которым его подвергнут, это важное уточнение. А так как сонное заклинание будет требовать постоянной подпитки, а мы не можем точно сказать, сколько времени его придется удерживать, то количество накопителей рассчитывали в расчете на три дня. Если за это время проблему с воздействием чужеродной магии устранить не удастся, то придется брать дополнительные емкости. Их число, как вы понимаете, ограничено. И как только накопители в столице

закончатся, а это когда-нибудь все равно произойдет, то нам придется или снимать заклятие, или же тратить на его поддержание собственные силы.

– Мы предлагаем во время создания заклинания увести всех темных магов во Тьму, – добавил Херьен, когда Корн откровенно задумался. – Это еще больше снизит затраты на масштабирование, поскольку на темных не понадобится растягивать защиту.

– Когда заклинание станет стабильным, ее роль начнут выполнять обычные амулеты, – снова вмешалась Лора. – Но разряжаться они будут быстрее обычного, поэтому нужно раздать людям запасные.

– Насколько быстрее? – тут же отреагировал шеф.

– Раза в два. Но проблема в другом, – тревожно сообщила магичка. – Если мы рискнем накладывать двойное заклинание, то на это уйдут почти все резервы светлых. Использовать их для поиска источника чужой магии будет невозможно. Однако при этом мы с большей вероятностью сохраним город. А если использовать в столице только заклинание сна, то защитить от его воздействия мы сможем лишь небольшой участок пространства. К примеру, вот это здание. А каждый выход за его пределы будет заканчиваться для нас так же, как для остальных горожан. По крайней мере, в реальном мире.

– Какой тогда в нем смысл?

Лив метнул на Хокк свирепый взгляд, но все же решил ответить:

– Смысл в том, что защитные амулеты в течение какого-то времени смогут оградить магов от воздействия масштабированного заклинания. В случае, если мы используем только сон, сможем сохранить резервы светлых и получим большее количество магов, способных вести поиски.

– Но это ограничит их по времени! – снова повысила голос магичка.

– А в твоём варианте у нас вообще не останется магов! Темных у нас в наличии аж в три раза меньше, чем светлых!

– Зато они смогут прочесать город дальше! И по темной стороне, где не надо использовать защитные амулеты! Что твои светлые смогут сделать за пару свечей? Далеко уйдут, а?

– А что сделают темные, когда понадобится вмешаться? Выйдут в реальный мир и тут же уснут?!

– Тихо вы, – буркнул Корн, по второму разу просматривая бумаги. – Ишь, разорались, как неверные супруги... Рэйш, что скажешь?

Я обвел глазами переполненный кабинет, в котором, помимо меня, Хокк, Лива и Корна, присутствовали начальники участков, и честно признал:

– Не знаю. Маги моего профиля хороши для поисков лишь на темной стороне. В обычном мире большинство из нас слепы...

Лив кинул на Хокк победный взгляд.

– Но если выбор стоит между количеством магов и расстоянием, которое они сумеют покрыть, я, пожалуй, за расстояние. Это надежнее, хотя и дольше, притом что абсолютного запрета на использование защитных амулетов для нас нет. Это просто повышает риски пребывания на темной стороне, и не больше, – закончил я, после чего светлый тут же скис, а Хокк, напротив, воспряла духом. – Херьен, сколько, по твоим расчетам, маги смогут удерживать сонное заклинание над городом, если мы используем вариант со стазисом?

Лив поморщился:

– Если у нас будет столько накопителей, сколько сейчас, то неделю. Если они закончатся, а мы успеем восстановиться хотя бы наполовину, то еще плюс два-три дня.

– Приемлемо, – ответил я на невысказанный вопрос шефа. – За неделю можно многое сделать.

– Илдж? Рош? Эрроуз? – Корн обвел глазами своих заместителей. – Ваше мнение?

Маги переглянулись.

– Я – за второй вариант, – почти одновременно высказались темные.

– Я – за первый, – неожиданно не согласился с ними светлый. – В нашей ситуации время важнее, чем расстояние. Тем более защиту можно установить в любой точке города и при необходимости использовать на любом здании на наше усмотрение. Тогда вопрос с расстоянием решаем.

Лив, подтверждая слова коллеги, торжественно кивнул, а Корн, напротив, нахмурился.

– Есть еще один вариант, – обронил он после долгой, напряженной паузы. – Херьен, сколько светлых понадобится для

двойного заклинания? Только точно?

– Человек сто пятьдесят. Не меньше. То есть все, кто сейчас находится в холле.

– У нас их будет сто восемьдесят два, – спокойно сообщил шеф. И пояснил: – Я получил ответ от герцога Искадо – его маги в деле. Так что мы используем двойное заклинание, но без потери в качестве и количестве.

...Глава 15...

Подмога прибыла ровно через четверть свечи. Как раз тогда, когда в городе стало ощутимо темнеть.

Я в это время как раз сидел на подоконнике в кабинете шефа и с тоской смотрел на стремительно расплзающийся по столице хаос. Народу снаружи к вечеру не просто прибавилось – казалось, все население города высыпало из домов, пребывая в состоянии полнейшей растерянности. Но вскоре растерянность сменилась страхом. Страх, как это нередко бывает, подстегнул дремлющую в людях агрессию. И очень быстро неорганизованные людские группы стали превращаться в самые настоящие бандитские отряды, после чего в окна домов полетели бутылки и камни, а с улиц города послышались первые испуганные крики.

Рядом со зданием ГУССа беспорядки еще не успели набрать полную силу – благодаря магии простые люди нас даже не видели. Но стоящим у входа магам время от времени все же приходилось бросать в особо агрессивных жителей парализующие заклинания, а самых отчаянных грубо вырубать, чтобы потерявшие разум люди не навредили себе и другим.

Глядя на все это из окна, я остро пожалел, что магия разума в Алтории находится под запретом. Да и парализующие заклинания особенно не спасали: они сохраняли человеку разум и волю, ограничивая его лишь в движении. Человек при этом все видел и осознавал. Его организм, разумеется, продолжал работать. И уже по этой причине засыпать столицу неподвижными, тонущими в собственных экскрементах телами мы не могли. Как не могли (хоть и очень хотели) одним махом превратить население Алтира в послушных марионеток, которые по первому же приказу дружно отправились бы по домам и перестали доставлять проблемы себе и нам.

В тот самый момент, когда мои мысли приняли совсем уж невеселое направление, на улице послышались грохот копыт и шум

подъезжающих экипажей. Одновременно с этим поведение людей возле здания ГУССа резко изменилось. Первоначально собравшаяся внизу толпа в едином порыве качнулась в сторону невидимых мне кебов, а потом резко отхлынула и, разразившись криками ужаса, бросилась врассыпную.

Ага. Кажется, кто-то использовал простейший знак *Страха*, усилив его в несколько раз.

Хорошая идея, не спорю. За исключением того, что шагов через двести действие знака закончится, а у попавших под него людей еще пару суток будет наблюдаться жесточайший отходняк.

Тем временем по стремительно очищающейся улице пронеслось полтора десятка экипажей, запряженных окровавленными, жутковатого вида, но на редкость флегматичными лошадьми. Еще через миг возницы затормозили возле главного входа, и снаружи послышалось хлопанье дверей. Чуть позже к зданию ГУССа устремился целый поток вновь прибывших магов, среди которых почти треть были темными. А запряженные страшноватыми конями экипажи остались стоять посреди улицы, надежно перегородив ее с двух сторон.

Хм. Похоже, в команде лорда Искадо осталось несколько превосходных некротов – использовать зомби-лошадей в обезумевшем городе было отличной идеей. Они не умели бояться, не испытывали боли и были послушны поднявшему их кукловоду. А их единственным минусом было то, что эти кони были абсолютно мертвы.

Жаль, что с людьми так не получится.

– Мое почтение, милорд, – устало произнес Корн, когда в кабинет размашистым шагом вошел лорд Аарон Искадо. – Я ждал вас немного раньше.

Отец Роберта скривился:

– Пришлось искать надежное средство передвижения. Но всех, кого смог, я привел. Больше помощи не будет.

– Нам и такая подмога уже за счастье, – пробормотал шеф, опускаясь в свое кресло. А затем обвел глазами собравшихся и тяжело вздохнул: – Господа, дамы... теперь я должен сообщить вам дополнительную информацию, которая ни при каких условиях не должна выйти за пределы этого кабинета.

Лорд Искадо тем временем увидел сидящего рядом со мной сына и едва заметно улыбнулся. Роберт был жив, здоров и, судя по напряженному взгляду, точно так же сейчас пытался понять, помнит ли о нем отец? Не забыл ли, как недавно мама?

Милорд разрешил его затруднения, быстро подойдя и крепко прижав к себе спрыгнувшего с подоконника мальчишку. На пару мгновений они застыли, остро переживая миг воссоединения. Роберт, вцепившись в отца обеими руками, тихонько шмыгнул носом. Суровый лорд так же тихо вздохнул, ласково погладив мальчика по седым волосам. После чего отец и сын одновременно отпрянули. Обменялись долгими взглядами, в которых горела жгучая смесь облегчения, понимания и горечи. Затем лорд Аарон спокойно отвернулся и сел на освободившееся место, а Роберт вернулся обратно на подоконник, словно ничего не произошло.

По мере того как Корн излагал мои предположения, лица присутствующих постепенно мрачнели. Рош и Эрроуз контролировали себя чуть лучше остальных, поэтому их физиономии просто закаменели. Лив Херьен, услышав о пустом храме, стал бледно-зеленым. Илдж тоже резко спал с лица. Сидящие рядом с ним Триш и Хокк испуганно переглянулись. А Роберт, взяв пример с меня, с тоской уставился в окно, потому что для него излагаемая Корном информация была уже не новой.

– Это многое объясняет, – неестественно ровным тоном заметил милорд Искадо, когда шеф замолчал и с угрюмым видом уставился в стену. – Появление в нашем мире постороннего нечто, способного с одинаковой силой влиять на богов и людей... история Лотэйна, которая, как я сейчас понимаю, является не просто историей падения, но и летописью отчаяния... Если информация о Вратах верна, то это проигрыш, господа.

– Скорее, это была отсрочка, – уронил я. – Но нам с вами не повезло жить именно в ту эпоху, когда подаренное богами время истекло.

– Возникает вопрос: что делать? – мрачно изрек Рош, глянув исподлобья на Корна. – И вообще, имеет ли смысл рыпаться? Если с проблемой не справились даже боги, то какой может быть прок от нас?

– Прок есть, – не согласился с коллегой Эрроуз. – Как в свое время боги, мы сможем выиграть для столицы немного времени.

– Для чего, Грэг?! Ну, оттянем мы угрозу всеобщего помешательства на день или два, пускай даже на неделю. А дальше-то что?

– Мы даже не знаем, с чем имеем дело, – сжал кулаки Илдж.

Корн так же мрачно кивнул:

– Верно. Но можем хотя бы попробовать найти причину.

– И попытаться ее устранить, – тихонько прошептала Триш. – Сидеть сложа руки нельзя. Даже если боги оставили нас, терять последнюю надежду – глупо.

Я покосился на расстроенную девчонку с улыбкой.

Наивная... а может, просто не желающая верить, что мир обречен? Но это, наверное, правильно. Ведь потеря надежды означает окончательную смерть. Если не физическую, так духовную. А лично я пока не хотел умирать. И значит, мы еще поборемся. Ведь оно того стоит, верно?

– Я бы поставил вопрос по-другому, – тем временем добавил Эрроуз. – Как найти то, о чем мы не имеем ни малейшего понятия? Купол над столицей мы поставим, ладно. Куда двигаться дальше? Обыскивать все дома подряд? Подвалы? Крыши? Столица огромна. Обойти ее за несколько дней не получится. Если мы ищем постороннюю магию, то надо четко знать, какие у нее свойства. А если это не магия, то как ее искать?

– Хороший вопрос, Грэг, – медленно проговорил Корн. – Я бы сказал, что мы должны найти то, что не подходит под определение «обычная магия».

Рош фыркнул:

– Тогда для начала следует убрать из поля зрения так называемую обычную магию, чтобы она нам не мешала!

– А это возможно? – встрепелась Хокк.

Корн откровенно задумался:

– Отключить все заклинания столицы? Все охранные, боевые и сигнальные заклятия...

– Нереально, – ответил вместо него лорд Аарон Искадо. – Но ваша информация, Корн, оказалась очень кстати. Думаю, я смогу дополнить ваш рассказ.

Мы дружно обернулись в сторону начальника спецотдела Управления дворцовой стражи.

– Эти сведения относятся к разряду государственной тайны, – проговорил его светлость, конкретно ни на кого не глядя. – Но в сложившихся обстоятельствах, вероятно, данным фактом можно пренебречь. Речь идет об одном старом артефакте, переходящем из поколения в поколение в королевском роду.

– Артефактом из какой области? – настороженно уточнил Илдж.

– Из самой что ни на есть запрещенной.

– Магия перекреста? – еще больше насторожился светлый.

– Нет. Всего лишь магия разума. Но, как вы понимаете, даже об этом посторонним лицам знать не рекомендуется.

– Что за артефакт? – напряженно осведомился шеф. – Это имеет отношение к нашему делу?

Лорд Искадо, чуть помедлив, кивнул.

– Поначалу я был уверен, что нет. Но потом у меня появились сомнения. Что вам известно о процедуре престолонаследия, господа?

Мы несколько ошарашенно переглянулись.

– Я имею в виду ее магическую составляющую, – любезно пояснил милорд, после чего недоумения на наших лицах только прибавилось. – Тогда я должен кое-что пояснить. Все дело в том, что за годы своего правления каждый король – и это прописано в законе – имеет определенные обязанности перед своим народом и следующими поколениями правителей. Насчет народа вопросов обычно не возникает – король выступает гарантом мира и процветания страны, с помощью доступных ему инструментов оберегает ее границы, всеми силами стремится к тому, чтобы страна развивалась и приобретала все больший вес на политической арене... А вот с наследниками все не так просто.

– Как вы, возможно, знаете, – продолжил после небольшой паузы отец Роберта, – закон не обязывает действующего правителя в обязательном порядке иметь наследника мужского пола.

– Точно, – тихо пробормотала Хокк. – Меня всегда это удивляло.

– Передача власти возможна и не по прямой линии наследования. Правда, при соблюдении некоторых условий, – продолжил его светлость, сделав вид, что не услышал. – В частности, будущий король должен обладать магическим даром, и вам это тоже известно. Однако нигде не афишируется, что этот дар должен быть обязательно светлым. Как вы думаете: почему?

В кабинете повисла безрадостная тишина.

О том, что на троне вот уже не первое тысячелетие сидят лишь светлые маги, нам всем было прекрасно известно, как и о том, что за эти годы королевские династии несколько раз менялись. Но вот о причинах я прежде не задумывался.

– Проблема заключается в ритуале передачи власти, – не стал нас мучить неведением лорд Искадо. – Он, как я уже говорил, магический. И требует от претендента устойчивости к определенному виду воздействия.

– К магии разума? – предположил я.

– Верно, мастер Рэйш.

– Значит, тот артефакт, о котором вы начали говорить...

Его светлость кивнул:

– На протяжении всего времени правления каждый король обязан сохранять сведения о наиболее сложных, важных или ценных моментах своей жизни. Всего, что связано с безопасностью страны. Всего, что имеет отношение к жрецам, богам, войнам, мятежам... для того чтобы в будущем наследник сумел избежать подобных проблем.

– Это что, магическая передача знаний?! – ошарашенно воскликнул Херьен.

Милорд глянул на него с некоторым снисхождением:

– Разумеется. Иначе за эти годы многие важные секреты Алтории были бы утрачены. А это во многом связано с потерей безопасности и риском утратить те политические позиции, которых мы достигли.

– Но как это возможно?! Артефакты такого рода – это всегда пожизненный магический контракт!

– И снова вы правы, коллега, – согласился герцог. – Надевая корону и произнося слова клятвы, король обязуется служить своей стране и больше не имеет возможности от нее отказаться. Артефакт выступает гарантом того, что даже жадный или безумный король не ввергнет страну в хаос. Именно поэтому престолонаследие в Алтории происходит не только по прямой линии, но и допускает смену династии.

Я насторожился:

– А как именно происходит процесс передачи информации? Или правильнее будет назвать эти сведения не информацией, а... воспоминаниями?

Герцог остро на меня взглянул:

– Вы уловили суть вопроса, мастер Рэйш. Основой для передачи знаний являются именно воспоминания. Время от времени король искусственно изымает их из собственной памяти и помещает на хранение в артефакт. За всю его жизнь воспоминаний, что хранят не просто сведения о некоем событии, но и эмоции короля, его мысли и отношение к проблеме, может набраться всего десяток. А может – и пару сотен. Все зависит от того, насколько спокойным был период правления и насколько король уверен, что эти сведения пригодятся следующим поколениям.

– А в этом артефакте хранятся *все* воспоминания наших королей? – с еще большим подозрением уточнил я.

– Да, – ровно отозвался его светлость. – По слухам, он хранит в себе сведения за все годы своего существования, начиная с того дня, как этот артефакт впервые появился в королевском дворце.

Илдж растерянно потер подбородок:

– Что-то я даже засомневался... простите, милорд, не вам в укор будет сказано, но артефактов с *такой* емкостью памяти, насколько мне известно, не существует в природе.

Лорд Исадо помрачнел:

– Мне известно далеко не все. Только сам факт наличия этой вещи и ее предназначение.

– Это сложно – выудить из памяти конкретное воспоминание, – в пустоту обронил Рош. – И еще сложнее сделать это не один раз, а несколько. Магия разума официально запрещена. Специалистов в этой области в Алтории практически нет. Разве что у вас под началом, милорд, служит кто-то, кого запрет напрямую не коснулся.

– Такие специалисты есть только во дворце, – опроверг подозрения темного герцог. – Их всего два или три человека на всю страну, и они подчиняются только королю... точнее, в нашем случае уже королеве. Их лояльность короне обеспечивает такой же магический контракт, который приходится соблюдать и его величеству.

– У меня вопрос, – медленно проговорил я, напряженно обдумывая новую информацию. – Что происходит с наследником, который получает в пользование этот ваш артефакт? Есть ли гарантия, что он сумеет управиться с таким опасным наследством? Быть может,

новый король каким-то образом получает возможность выудить из артефакта конкретные воспоминания?

Его светлость нехорошо улыбнулся:

– Даже те специалисты, которые следят за сохранностью артефакта, на это не способны. По этой же причине процесс передачи власти, а вместе с ним и воспоминаний производится лишь однажды, мастер Рэйш. И за это время наследник должен заполучить как можно больше информации от своих предшественников.

– То есть он не контролирует процесс?

– Контролирует. В меру своих возможностей.

– Это крайне опасно, – снова буркнул Илдж. – Магия разума сама по себе неустойчива, а если воспоминания не упорядочены или же собирались в спешке, это грозит новому королю безумием!

Отец Роберта спокойно кивнул:

– Процесс передачи довольно сложен, утомителен для кандидата, и никто не может быть уверен, что он завершится благополучно. Только по этой причине будущий король обязан иметь природную устойчивость к данному виду магии. Я знаю, у темных магов она изначально выше, однако светлые владеют целительской магией и, что самое главное, поддаются ее воздействию. Поэтому при прочих равных условиях и исходя из того опыта, что был получен при использовании артефакта, выбор всегда делался именно в пользу светлого дара. Безумный светлый маг все же не так опасен, как темный. И вылечить его намного проще, если что-то пойдет не так. Само собой, чем аккуратнее собраны сведения, тем легче их получить. И наоборот – чем бессвязнее информация, тем больше риска, что будущий король ее или не получит, или получит в искаженном виде.

– А те маги разума, выходит, должны ему в этом помочь?

– Да. Они служат будущему королю опорой посреди огромного моря информации. Направляют, подсказывают в меру возможностей. Как вы понимаете, чем больше узнает король, тем лучше он будет подготовлен. Поэтому маги ждут до последнего. Как только он разрывает связь, процесс прекращается и во второй раз провести ритуал уже нельзя. Не зря этот артефакт называют «зеркалом королей», а в годы правления Эрнеста Кровавого его называли не иначе как «проклятием королей».

Херьен поежился:

– Эрнест Второй сошел с ума.

– Именно, – подтвердил герцог. – Поэтому всего, что касается времени его правления, будущие короли стараются не касаться. Из остального – как повезет. Принцип работы артефакта нам до конца неизвестен. Поэтому по большей части обретение королем хранящихся в артефакте знаний – проблема из разряда счастливых или несчастливых случайностей.

– Если он так опасен, почему же его до сих пор используют? – проворчала Триш, обменявшись с бывшей наставницей выразительным взглядом.

– Хороший вопрос, – обронил в наступившей тишине Корн, и мы снова выразительно посмотрели на герцога. – Но думаю, сейчас это уже не столь важно. Милорд, вы ведь не просто так затронули сейчас эту тему? Вы сказали, что это как-то связано с нашим делом?

Его светлость болезненно поморщился:

– Ваши коллеги задают правильные вопросы, Корн, а вот я, к сожалению, задумался об этом слишком поздно. Только когда вы попросили меня проверить все подозрительные артефакты, так или иначе связанные с магией разума, когда перед нами неотвратимо встал вопрос о массовой потере воспоминаний, когда Ринорк Шестой в считанные годы из цветущего мужчины превратился в старую развалину, а целители так и не установили причины его странной болезни, лишь тогда я вспомнил о «проклятии королей» и подумал, что по большому счету мы понятия не имеем, что это за артефакт. Не знаем даже, откуда он взялся в королевской сокровищнице. И вот тогда я начал копать...

Корн аж вперед подался, впившись глазами в его светлость с таким видом, будто именно тот был виновен в творящихся в Алтире безобразиях:

– Что вы узнали?!

– Только место и время, – глухо уронил его светлость. – Артефакт был привезен в Алтир из Лотэйна. И случилось это, по разным источникам, от полутора до двух тысяч лет назад.

Когда лорд Аарон Искадо умолк, на лице шефа отразилась бешеная работа мысли.

Лотэйн... кто бы что ни говорил, а большинство наших бед так или иначе связано именно с этой страной. Раскол среди жрецов, серия затяжных войн с соседями, уничтожение алтарей и божественных вместилищ. Наконец, проклятие «Путешественницы», создание Палачей, череда жестоких убийств, которые напрямую коснулись всех присутствующих... Моя собственная история, правда, началась задолго до того, как я очутился в центре событий, но даже сам факт обретения мною темного дара был заслугой лотэйнийского жнеца, неполноценного, тщеславного, жестокого. Но именно Лотий вмешался в мою судьбу. Из-за его фанатизма я потерял семью. И исключительно благодаря ему стал тем, кем стал.

Лотэйн. Ненавижу это слово. Но благодаря ему хоть что-то начало проясняться.

– Время и место, – эхом повторил Корн, переведя на меня напряженный взгляд. – Как считаешь?

Я хмуро кивнул:

– Сходная магия, последствия... влияние на память, причем и смертных, и богов...

– Полтора тысячелетия назад из Лотэйна было много беженцев, – подтвердил отец Роберта. – И они привезли в Алторию массу всевозможных артефактов, включая те, что имели божественное происхождение. Некоторые из них были потом уничтожены. Какие-то осели в спецхранах и в сокровищницах коллекционеров. Судьбу многих мы скорее всего не узнаем. Но «зеркало королей» скорее всего из этой же серии.

– Ни один артефакт не может представлять собой полноценные Врата, – вмешалась Хокк. – Рэйш, скажи. Ты ведь видел одну из заготовок!

Я неодобрительно на нее покосился.

Вот чего, спрашивается, полезла? Хотя, наверное, уже нет смысла что-то скрывать – когда рушится мир, какой резон заботиться о сохранности стекол в доме?

– Врата требуют для своего создания массу энергии, – неохотно бросил я, когда взгляды присутствующих скрестились на мне. – Заготовка, которую я видел в каверне, создавалась веками. И в ее

основе находилось живое существо. Скорее всего ведьма, хотя это и неточно. К тому же Врата располагались на темной стороне и далеко не на верхнем слое. Они были массивными, их подпитывало огромное количество душ, включая души наших темных коллег и одного жреца, убийство которого мы тогда расследовали.

– Ты бы смог почувствовать такие Врата издалека? – тихо уточнил шеф.

Я покачал головой:

– Даже подойдя к ним вплотную, я не сразу понял, что именно вижу. Никаких особых эманаций вокруг заготовки не было. Но они и не оказывали на людей такого эффекта, какой мы видим сейчас. Да и особой защиты вокруг них я тогда не увидел.

– То есть «зеркало королей» не может быть Вратами? – тихонько уточнила Триш.

– Если информация, которую я получил в храме, верна, то самые первые Врата так и остались на территории Лотэйна. Это было бы логично. А «зеркало королей»... оно определенно с ними связано. Возможно, не напрямую, но именно поэтому пострадал Алтир. Не прилегающие к Лотэйну территории, не деревни и села, а именно столица, в которой уже много веков находится сомнительный артефакт. Милорд, у вас есть возможность до него добраться?

– Думаю, да, – кивнул его светлость. – Дворец, кстати, пострадал от воздействия магии разума меньше всех. Возможно, из-за защиты, которая с годами лишь усиливалась и дополнялась. А может, дело в чем-то еще. Но факт, что ни ее величество, ни ее приближенные, ни даже слуги не пострадали от чрезмерной потери памяти. Я имел возможность в этом убедиться. Так что, по сути, сейчас дворец – самое безопасное место в Алтире.

Я повернулся к Корну.

– Да, – напряженно отозвался тот. – Артефакт надо срочно проверить. Но от основного плана отказываться тоже не стоит. В конце концов, защита мирного населения – наша прямая задача. Милорд, маги уже составили схему по использованию масштабированного заклинания...

Лорд Искадо отмахнулся:

– Доверяю вам в этом вопросе целиком и полностью. Мои люди в вашем полном распоряжении. А я, если не возражаете, предпочел был

заняться непосредственно артефактом. И как можно скорее.

– Скорее не получится, – буркнул Херьен. – На установку заклинания уйдет от одной до полутора свечей.

– Тогда поторопитесь. Во дворце мне понадобится сильная команда.

– Я в деле, – быстро сказала Хокк, бросив на меня предупреждающий взгляд. – Для установки масштабированного заклятия мое присутствие без надобности. А вот во дворце темный маг лишним точно не будет.

– Разумеется. Мастер Рэйш?

Я молча кивнул.

– Отлично. Роберт, а ты останешься здесь, – сурово добавил его светлость, когда мальчик дернулся с явным намерением подтвердить свое участие. – Ты меня понял?

Ученик, к моей гордости, вместо того чтобы возразить или безропотно принять волю старшего в семье, поднял на меня вопросительный взгляд: «Учитель?»

«Не надо сердить отца, – так же мысленно посоветовал я. – Это плохо отражается на отношениях. Но думай своей головой. И помни: на темной стороне никто, кроме тебя самого, тебе не поможет».

У мальчишки блеснули глаза, но взгляд, который он перевел на лорда Искадо, был абсолютно спокойным:

– Хорошо, отец. Как скажешь.

Я мысленно ухмыльнулся – мальчишка все больше становился самостоятельным и явно вспомнил, что добраться до меня по темной стороне ему проще простого. Не сейчас, так чуть позже, когда отца не будет рядом. Но темные маги все такие. Не зря милорд так подозрительно прищурился. Не зря на меня с таким же подозрением уставился Корн.

– Ну что, за дело? – тихо спросил Эрроуз, пока мы с шефом по давней привычке бодались взглядами.

Корн неохотно отвел глаза:

– Хокк, передай приказ по Управлению: всем магам Смерти уйти на темную сторону, всем некросам собраться в холле и использовать защитные артефакты. Целителям быть наготове. Остальные пусть выходят на позиции. Мы начинаем. И да поможет нам Род.

...Глава 16...

Для того чтобы охватить заклинанием всю столицу, понадобилось сто пятьдесят четыре светлых мага, которых Лив велел разместить в строго определенных точках. Чтобы люди благополучно туда добрались, были использованы все доступные нам кебы, зомби-лошади (которых за последние полсвечи стало гораздо больше, чем раньше) и некросы, которые держали своих питомцев в узде и заодно разгоняли собравшихся на улицах горожан. Остальные временно остались в ГУССе. Но как только по переговорнику пришло подтверждение, что маги уже на местах, все маги Смерти из Управления дружно перешли на темную сторону, а оставшиеся там некросы и светлые активировали дополнительные защитные артефакты.

Лив тоже остался в Управлении, поскольку именно на него, как на главного исполнителя, была возложена обязанность отслеживать правильность создаваемого заклинания и координировать действия остальных. Накопители из спецхранов тоже должны были подвезти сюда, но чуть позже, когда жители города перестанут мешаться под ногами.

Я, когда прозвучала команда, ушел на темную сторону сразу, не испытывая особого желания смотреть, что там делают светлые и как. Но даже из Тьмы было видно, как в небе над городом начинает расцветать бледно-зеленое облако, а затем, словно саранча, расплзается над домами.

Купол двойного заклинания оказался по-настоящему огромным, постепенно накрыв собой весь город. Еще чуть позже небо над ним потемнело. Неясные тени, беспорядочно мечущиеся по улицам, исчезли. А когда по переговорнику сообщили, что мы можем вернуться, то оказалось, что Алтир в буквальном смысле слова вымер.

Желая убедиться, что жители действительно успокоились, я прогулялся в ближайший дом и удовлетворенно кивнул, обнаружив внутри погруженные в глубокий стазис тела горожан. Их было трое:

мужчина, женщина и ребенок. Причем мужчина попал под стазис в коридоре, всего пары шагов не дойдя до туалета. Женщина оцепенела за кухонным столом, нарезая ножом свежие овощи для супа. Их единственный ребенок, мальчик лет семи, в это время находился в детской и перед тем, как попасть под заклятие, наклонился, чтобы поднять с пола игрушку. А его любимица – мелкая рыжая собачонка со смешным хохолком на макушке – не слишком удачно начала спускаться по лестнице, из-за чего оказалась на грани того, чтобы после снятия стазиса слететь вниз кувырком, рискуя сломать себе шею.

Собаку я, подумав, все-таки подобрал и положил на пол, чтобы не убилась после оттаивания. Состояние людей проверил – оно было отличным. Если весь город вот так же впал в сонный стазис, то, пожалуй, затраты того стоили. Особенно если маги по мере возможности будут проверять жилые дома и устранять последствия несчастных случаев, которые могли бы случиться с людьми, если бы мы не «заморозили» их в самый неподходящий момент.

– Круто, – восхищенно прошептал Тори, вынырнув из Тьмы почти одновременно со мной, Триш и недоверчиво озирающейся Хокк. – Вот это, я понимаю, командная работа!

Я запрокинул голову, но небо над Алтиром и впрямь стало подозрительно темным. Таким, как если бы город накрыла очень густая тень. Или ночь, только без привычных глазу звезд и луны.

– Не расслабляться! – прогремел над притихшей улицей зычный голос Корна. Шеф как раз вышел на улицу и, осмотревшись, решил, что пора действовать дальше. – У каждой команды свой сектор для осмотра. Темные! Во Тьму лишний раз не соваться – возможно, у местных тварей сейчас тоже произошло замешательство в мозгах. Могут наброситься стаей. Светлые! Проследите, чтобы ваши коллеги не задерживались вне здания Управления дольше двух свечей! Целителям приготовиться принимать буйных и раненых! Рэйш, ты решил, кого возьмешь с собой?

Перехватив грозный взгляд шефа, я ткнул пальцем себе за спину, где, грамотно прикрывая друг друга, стояли мои сослуживцы. Триш, Хокк, Тори... этим троим я доверял больше, чем кому бы то ни было. Лива, к сожалению, не было, но следом за Корном на улицу выскочила встревоженная Лиза Шарье и без раздумий к нам присоединилась.

– Даже не вздумайте уйти без меня! – заявила она, когда я окинул ее изучающим взглядом. – Мы команда! Были ею и ею же останемся, несмотря ни на что!

– За мной, – скомандовал Корн, видя, что я определился с выбором. И вместе с парой некросов быстрым шагом устремился в сторону королевского дворца. На его груди всеми цветами радуги пылали и переливались сразу три защитных артефакта – вероятно, шеф решил не доверять только одному амулету. Но, кроме меня, их никто не видел, ведь умение смотреть на Тьму через Тьму по-прежнему было доступно единицам.

Мгновением позже из здания ГУССа вышел лорд Аарон Искадо с уже сформированной командой. Как и раньше, в нее входили два темных и три светлых мага с наивысшей, я полагаю, степенью доверия. Внешне они были мне знакомы еще по делу «двойного убийцы», но имен этих парней я не знал. Точнее, не успел спросить. Хотя оно в общем-то и мне, и им было без надобности.

Эх, опять пешком...

Я с неудовольствием посмотрел на запруженную оцепеневшими жителями улицу и признал, что на кебе, даже если бы нам оставили хоть один, мы бы здесь не проехали. Вернее, не проехали бы, никого не убив и не покалечив. Так что, похоже, придется нам поработать ножками, ведь лишний раз соваться на темную сторону шеф категорически запретил.

– Может, все-таки рискнем напрямик? – шепотом предложила Триш, старательно огибая живописно расставленные на тротуаре «статуи». – Тропой намного быстрее.

Тори и Лиз наострили уши, но прямые тропы им были недоступны. А Хокк только пренебрежительно фыркнула.

– Нет, ну а что? – продолжала рассуждать Триш. – На тропе же относительно безопасно.

– А дальше что? – поинтересовалась у нее Хокк, мимоходом поставив на ноги какого-то опасно накренившегося бедолагу в весьма недешевом пальто и модной шляпе. – Ну, доберемся мы до дворца, если не замерзнем до смерти, ты магическую защиту ломать будешь?

Триш от такого простого вопроса едва не споткнулась:

– Ну... нет.

– И я не буду, – хмыкнула Лора, а я мысленно ей поаплодировал, благоразумно умолчав о поставленных недавно метках. – Разве что Рэйш попробует? Но если с нами идет милорд герцог, который может впустить нас внутрь без лишних усилий, то какой резон тратить время и силы?

Триш огорченно вздохнула и замолчала, а Хокк сокрушенно покачала головой, не догадываясь о том, что мысль метнуться во дворец прямой тропой и мне показалась заманчивой.

Правда, от нее пришлось отказаться: пока мы пробирались по городу, на темной стороне стало весьма оживленно. Словно почуяв слабину, а может, просто забыв, кто и почему загонял их в подвалы, из всех доступных нор и каверн на охоту стала выбираться нежить – гули, шурши, слизни. Они в считанные мгновения заполнили всю улицу. Более того, я даже пару моргулов успел увидеть. Причем в нашу сторону они посматривали более чем заинтересованно, но стоило мне материализовать во Тьме секиру, а следующему за нами по пятам Мэлу – утробно заурчать, как твари начали так же стремительно исчезать из виду. Хотя я до последнего чувствовал на себе голодные взоры из разбитых окон и прямо-таки слышал, как недовольно курлыкают твари, которые очень хотели, но пока не осмеливались на него напасть.

Когда Хокк сообразила поднести к глазам визуализатор и увидела обилие нежити, следующей за нами по пятам, она приглушенно выругалась. Следом за ней, дружно порывшись под куртками в поисках приборов, ситуацией впечатлились Тори и Триш. Одновременно с ними обеспокоились и остальные, благо визуализаторы носили при себе все без исключения. Корн после этого процедил сквозь зубы парочку ругательств и схватился за переговорник, чтобы предупредить заместителей, а милорд Искадо велел двигаться дальше, не отвлекаясь на такие мелочи.

До дворца мы в общей сложности добирались чуть больше свечи. Но лишь потому, что время от времени нам все-таки приходилось задерживаться и отодвигать в сторону превратившихся в статуи людей. В основном этим грешили я, Триш и Тори. Хокк привыкла подчиняться Корну безоговорочно, поэтому почти не вмешивалась. Люди герцога тоже хорошо усвоили, что такое приказ. Но лично я не мог пройти мимо женщины, которая по ошибке активировала огненный амулет и получила струю магического огня прямо в лицо.

Или споткнувшегося мальчишку, который вот-вот должен был попасть под опасно накренившийся кеб.

Отодвинуть незнакомую леди с пути рвущегося в ее сторону пламени было несложно. Дернуть за шкирку застывшего пацана – тем более. Корн, правда, регулярно бросал в нашу сторону свирепые взгляды, однако из-за нас отряд ни разу не задержался. А мы, соответственно, старались не отставать и по мере возможностей помочь тем, кому еще было можно помочь.

Наконец из-за крыш показались шпили королевского дворца, а затем и массивные ворота, за которыми начиналась святая святых алторийской столицы. Древняя резиденция королей. Самое защищенное в Алтире место. Огромный парк, пронизанный ухоженными, тщательно вычищенными от снега аллеями. Десятки и сотни белоснежных статуй, которые сейчас, когда на кустах уже не было листвы, прекрасно просматривались издалека. Уснувшие до весны фонтаны. Резные каменные скамейки. А вдалеке за ними виднелась величественная громада собственно королевского дворца, в подвалах которого было спрятано нечто, что представляло для нас наибольший интерес.

– Интересно, а во дворце тоже все уснули? – вполголоса спросил Тори, когда мы вплотную приблизились к воротам и обнаружили рядом с ними несколько замерших в угрожающих позах гвардейцев.

Лорд Исадо, толкнув рукой небольшую калитку, беспрепятственно вошел внутрь и, обернувшись, наклонил голову.

– Скорее всего. Но полагаю, стазис на обитателях дворца не такой глубокий, как на простых жителях, и спадет намного быстрее и проще, чем со всех остальных.

– Это из-за защиты? – тихонько спросила Лиз, проскользнув следом за магами его светлости и людьми Корна.

– Да, миледи. От масштабированных заклинаний она, к сожалению или к счастью, не спасает, но заметно ослабляет их действие.

– Я-я-ясно...

Как ни странно, следом за нами на территорию дворца нежить не полезла – видимо, охранные заклинания на темной стороне больно жглись, поэтому, безуспешно попытавшись сунуться между прутьями,

гули отпрянули. Да и моргулы, похоже, решили не испытывать судьбу и, как только мы добрались до крыльца, быстренько свалили.

– Все, – выдохнул его светлость, когда защита была снята, а перед нами открылись заветные двери. – Дальше я помочь уже не смогу. Я не знаю, где именно искать «проклятие королей», поэтому действовать придется наобум.

– Не знаете? – отчего-то не поверил герцогу Корн. – Мне казалось, подобные вещи должны храниться в одной из сокровищниц.

– Я так и не смог выяснить, где находится эта штука. Этим утром король Ринорк Шестой умер. А те два мага, которые помогали ему с артефактом, оказались связаны магической клятвой, поэтому не способны выдать тайну хранения артефакта никому, кроме нового короля. По крайней мере, я от них ничего не добился.

– Как это – король умер?! – одновременно воскликнули Тори и Лиз, а остальные с недоверием уставились на милорда герцога.

– Боже мой... – отчего-то побледнела Триш.

– Сегодня? – пробормотала Хокк. – Какое подозрительное совпадение, не находите?

Я тоже воззрился на его светлость с некоторым сомнением:

– Вы что, пытали королевских магов, чтобы выяснить правду?

– Этого не понадобилось, – скривился отец Роберта. – Всего один вопрос о «зеркале королей» вверг их сначала в ужас, а потом и в глубокий обморок. На момент, когда я отсюда уходил, они в себя так и не пришли. А теперь тем более не придут, поскольку весь дворец находится под действием стазиса.

– Во дела, – ошарашенно выдал Тори. – Как же мы тогда найдем артефакт? Дворец же огромный, а у нас заряда амулетов хватит всего на свечу!

Герцог вздохнул:

– Все, что я смог выяснить, это то, что «проклятие королей» спрятано на темной стороне. С вероятностью процентов в девяносто на дне темного «колодца». Мастер Рэйш, насколько я помню, «колодцы» – ваша стихия?

Я тихо присвистнул.

Так вот зачем в действительности меня сюда позвали и вот почему Корн не взял с собой ни одного светлого мага. Зато темных в нашей компании оказалось... раз, два, три... целых восемь. Из них три

некроса, включая людей Корна, и пятеро магов Смерти. Причем четверо уже успели побывать на дне одного из «колодцев», а я вообще продемонстрировал редкую устойчивость к холоду даже на глубоких слоях Тьмы.

Конечно. Кого, как не нас, следовало брать с собой во дворец?

– «Колодец» так просто не найти, – хмуро поведал я герцогу. – Тем более старый «колодец», которому немало веков. Он не имеет фона, не привлекает внимания, а провалиться в него можно даже из реального мира, потому что у него нет видимой границы. Единственное, что мне приходит в голову, это отыскать во дворце наиболее богатые защитной магией помещения. Раз король знал о «колодце», значит, должен был позаботиться, чтобы туда никто не провалился. Этаж роли не играет – если помните, «колодцы» прекрасно открываются и на чердаке. А вот защита там должна быть мощной. Постоянной. И наверняка требует постоянного использования накопителей.

– По ним-то мы и сможем его отследить, – одобрительно кивнул его светлость. – Место, где хранятся артефакты этого вида, в магическом плане фонит даже сильнее «воронки».

– Надо разделиться, – тут же сориентировался Корн. – Ирдон, ты остаешься со мной. Триш, Шарье, Норн, Транш, вы исследуете западное крыло.

Один из стоящих рядом с шефом некросов молча кивнул, а второй демонстративно отошел в сторону.

– Милорд, вам лучше разбиться на две команды и осмотреть восточное и центральное крылья, – продолжил Корн. – Так будет быстрее. Рэйш, а ты идешь в подвал вместе со мной и Хокк.

– Почему это я?

– Потому что ты единственный, кто до сих пор отказывается носить с собой переговорник! – отрезал шеф. – Все, господа, за работу. Времени осталось в обрез.

Пока мы добирались до подвала, у Корна в руках снова ожил переговорник и оттуда буквально посыпались новые данные. Как выяснилось, не все было так плохо в столице, и на трех из четырех

городских участков были своевременно приняты меры безопасности, благодаря чему к нашим магам прибыло подкрепление. Жольд, которого я предупредил об амулетах лично, не подвел, поэтому в его распоряжении оказался весь штат сотрудников в полном составе, и за его участок я был более или менее спокоен. Эрроуз тоже заблаговременно предупредил своих. И Илдж не поленился дважды, а то и трижды продублировать информацию коллегам. А вот у Роша что-то не сложилось, и из пяти десятков сотрудников Управления городской стражи на ногах осталась лишь половина.

Орден магов тоже опростоволосился, поскольку обездвиженных магов на улицах города и в домах оказалось немало. Не знаю, на каком этапе сообщение Корна о необходимости воспользоваться защитными амулетами застопорилось и кто именно не сумел довести важную информацию до свободных от службы коллег, однако тех, кто не попал под масштабированное заклинание Херьена, оказалось удручающе мало. Впрочем, и их наши маги приставили к работе, благодаря чему количество бодрствующих сотрудников еще немного возросло.

Пока городская стража и светлые постепенно осматривали дома и подвалы в реальном мире, темные маги делали то же самое на темной стороне. Предупреждение Корна на этот раз впустую не пропало – во Тьму ходили исключительно большими командами. Нападения нежити, естественно, начались сразу, как только первые сыскари спустились вниз, но, получив отпор, гули быстро отступили и потом не настолько сильно тревожили ребят, чтобы Корн отозвал их обратно.

– Шеф, можно вопрос? – поинтересовался я, нагнав мрачное до невозможности начальство. – А почему вы оставили за себя Илджа, а не Роша или Эрроуза?

Шеф зыркнул на меня из-под насупленных бровей:

– Илдж, несмотря на все свои минусы, умеет принимать нестандартные решения, тогда как Грэг с Хьюго чаще всего действуют по заученным схемам.

– То есть, по-вашему, темные предсказуемы?

Корн одарил меня еще одним мрачным взглядом:

– Многие. Хотя и не все.

– Хм. Так вы поэтому захотели пойти с нами? – ухмыльнулся я. – Решили не оставлять без присмотра тех из нас, кто, по-вашему,

способен действовать нестандартно? Вернее, вопреки прямому приказу?

– Заткнись, Рэйш. Тебя вообще без присмотра оставлять нельзя. Куда ни сунься, ты там или уже побывал, или заранее знаешь, в чем дело.

– Ну, так уж и везде...

– Шеф, нам сюда? – неожиданно вмешалась в нашу милую беседу Хокк, указав на виднеющуюся неподалеку каменную лестницу, ведущую как на второй этаж, так и в подвал.

Корн молча свернул, так что нам ничего не оставалось, как двинуться за ним следом, выразительно переглядываясь и стараясь лишний раз не раздражать и без того недовольное начальство. Но, оказавшись на предпоследней ступеньке, я вдруг сообразил, что мы поступаем неправильно. И прежде чем Корн успел вякнуть что-то протестующее, рывком ушел на темную сторону и открыл прямую тропу.

– ...Да Фола тебе в душу, Рэйш! – как раз заканчивал длинную тираду шеф, когда я так же быстро вернулся. – Какого демона ты делаешь?!

Я знаком велел ему достать визуализатор:

– Я привел тех, кто справится с поиском артефактов лучше нас.

– Чего?! – недоверчиво уставился на меня Корн. Но потом все же приложил к глазам прибор и, увидев радостно скалящихся ему в лицо Грозу и Шторма, с воплем отшатнулся. – Да что б тебя, Рэйш! Предупреждать же надо!

Я только ухмыльнулся и снова ушел на темную сторону к ластящимся и восторженно повизгивающим собакам. Вот так. Мои духи уже полгода привязаны не к дому, а ко мне. Они умны, быстры, послушны, оба посажены на поводки душ... так что я решил, чего им дома полы протирать? Они же собаки, хоть и неживые. Вот и пускай делают то, что умеют лучше всего.

Умным псам даже объяснять ничего не пришлось – давно научившись улавливать мои мысли, они подпрыгнули, обрадовавшись, что наконец-то смогут послужить мне по-настоящему. Затем крутанулись вокруг своей оси. Дружно потянули носами. И... со всех ног ринулись обратно на первый этаж, заставив нашу команду приглушенно выругаться.

Когда мы свернули в центральное крыло дворца и следом за собаками помчались по лестнице вверх, Корн прямо на бегу достал переговорник и бросил туда несколько слов. Обе команды лорда Искадо нагнали нас почти сразу, благо не успели уйти далеко. А вот Триш, Тори, Лиз и молчаливый некрос подоспели гораздо позже. Уже после того, как Гроза и Шторм привели нас на третий этаж и сели возле стены, за которой, даже на мой предвзятый взгляд, не было ничего интересного.

– Рэйш, а ты уверен, что нам сюда? – вполголоса бросила Хокк, когда мы остановились перед неожиданным препятствием и я вернулся в реальный мир. – Там все глухо. Даже потайного хода не видно.

Я оценивающе оглядел стену через линзу: и правда, стена как стена. Толстая, каменная, чуть ли не литая. Она и на темной стороне была именно такой – несокрушимой и надежной. Но в этом-то и крылся подвох.

– Скажи, Хокк, что тебе во всем этом кажется неправильным?

– Ничего, – буркнула Лора, напряженно осматривая стену. – Собаки твои, случаем, не ошиблись? Тут же ни одной щелочки нет!

– А должны быть, не так ли?

И вот тут напарница сперва замерла, буквально пожирая глазами каменную кладку. Затем нырнула во Тьму. Снова вынырнула. А потом, покрутив головой, восхищенно ругнулась. И не зря – с некоторых пор на темной стороне она видела почти так же хорошо, как я, Триш и Йен. Но если по соседству с подозрительной стеной весь остальной дворец был похож на изъеденный мышами сыр, то конкретно в этом месте кладка оказалась нетронутой. Не новой, что самое интересное, а именно нетронутой.

– Это и есть защита? – первым сообразил, что к чему, шеф.

Я задумчиво кивнул и снова вернулся на темную сторону, по пути набрасывая на глаза вторую пару линз.

Если бы не собаки, вряд ли мы обратили бы внимание на эту несуразность. Однако Корн оказался прав – если присмотреться, то становилось ясно, что прямо внутри камня шли мощные энергетические каналы, до предела заполненные темной магией. Причем старой магией, могущественной. Не зря мои псы туда не сунулись. Даже дотронуться до стены не рискнули. Просто уселись

рядом, всем видом выражая нетерпение, и ждали, что я вот так, с ходу, открою для них проход.

А я, признаться, призадумался над тем, как это сделать. Защита оказалась невероятно сложной, хорошо замаскированной, да еще сделана по принципу, которого я не понимал. Вероятно, старая школа, еще доэрнестовских времен, когда темные были не в пример сильнее и искуснее, чем сейчас. Очень сомневаюсь, что ее удастся быстро разрушить.

Угу. Точно. Вон те две нити прочно завязаны на спрятанных внутри стены артефактах. Если я правильно увидел, то артефакты огненные. Причем двойные. Огромной мощи. И если мы их ненароком потревожим, тут полдворца взлетит на воздух, причем не только в реальном мире, но и на темной стороне.

Тьма. Кто ее только сделал?! И каким образом этим людям удалось скрыть каналы, по которым к защите шла почти непрерывная подпитка? Собственно, я даже сейчас их не видел. Только догадывался, что они есть и проходят где-то в глубине толстых стен. Быть может, накопители прятались в подвалах. Может, их вообще замуровали под землей и подпитывали такими же каналами из других емкостей. Но очевидно, что если бы не собаки и не их фантастическое чутье на магию, фиг бы мы вообще что-то здесь нашли, да еще за такое короткое время.

– Милорд, у вас, часом, нет ключа к этой штуке? – на всякий случай поинтересовался я, ненадолго вернувшись в реальный мир.

Герцог с сожалением развел руками. Визуализатор тоже находился при нем, но, судя по всему, его светлость пребывал в таком же недоумении, как и остальные.

– Я даже понять не могу, где тут защита и есть ли у нее отверстие под ключ, – прошептала стоящая за моей спиной Триш. – Такое впечатление, что стена цельная.

– И толстая, – угрюмо отозвался Тори. – Не уверен, что мы сможем ее сломать. Тут и впрямь нужен какой-то ключ.

– А у нас его нет, – огорченно вздохнула спрятавшаяся за спину парня Лиза. – Господа темные маги, какие у вас возникли идеи по этому поводу?

«Можно, я попробую?» – вдруг прозвучал в моей голове задумчивый голос.

Я едва не вздрогнул.

Тьма! Мэл... как я мог про него забыть?! Похоже, дрянная магия начинает воздействовать и на меня. А с учетом того, насколько тесно мы с братом связаны...

От последней мысли меня бросило в холодный пот, но по поводку тут же пришла успокаивающая волна. Мол, все в порядке, о тебе помню я. И пока это так, окончательно утратить эту часть памяти нам не грозит.

– Рэйш, ты чего? – с подозрением воззрилась на меня Хокк, когда я с облегчением выдохнул и утер выступившую на лбу испарину. – Что-то вспомнил?

– Скорее, забыл. Но мне вовремя напомнили.

Взгляд у Хокк стал настороженным:

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Теперь уже нет, – криво улыбнулся я, приходя в себя. – Отойдите. Не уверен, что получится, но хочу подключить к работе еще одного служителя.

У Корна на физиономии вновь проступило подозрение, когда маги безропотно отступили в сторону, предоставляя мне полную свободу действий. Затем он поправил на носу визуализатор и старательно завертел головой, явно надеясь увидеть того загадочного духа, о природе которого догадывался совершенно правильно.

Мэл тем временем, не снимая невидимости, подступил к стене вплотную, и я прямо почувствовал, как в его мыслях зародилось колебание. Кажется, он что-то такое вспомнил. Или же еще только пытался это сделать? Но он был магом. Причем темным и родом с тех самых времен, когда некросы и маги Смерти имели не в пример больше возможностей. Быть может, ему и этот тип защиты чем-то знаком?

«Да, – мысленно отозвался брат в ответ на мой молчаливый вопрос. – Что-то такое припоминаю. Кажется, это называется “клубок”?»

Я сосредоточился на чужих ощущениях и буквально почувствовал, как брат положил обе ладони на стену в попытках что-то в ней найти. Спрятанные внутри камня нити заклинания зашевелились, будто разбуженные змеи. Некоторые даже отпрянули. Какие-то, напротив, кинулись к нарушителю. Но, не добравшись до его

ладоней совсем немного, неожиданно остановились и медленно закачались, став еще больше похожими на взбудораженных змей, которых пытается приручить укротитель.

Что именно делал Мэл, я не понимал – мне эта магия была незнакома. Но от его действия вскоре вся стена пришла в движение, магические нити сперва раскачивались вразнобой, но по мере того, как брат продолжал колдовать, все больше и больше «змей» начинали раскачиваться в едином ритме.

Наконец, когда в унисон зашевелились все нити до единой, весь громадный клубок неожиданно провернулся вокруг своей оси и раскрылся, будто живой цветок.

В казавшейся непроницаемой стене что-то щелкнуло.

Где-то внутри загрохотали невидимые цепи.

А еще через миг камни перед нами расступились, открыв узкий и совершенно прямой проход, конец которого пропадал в непроглядной тьме.

– Отличный у вас служитель, Рэйш, – нейтральным тоном заметил лорд Искадо. – И с крайне интересными навыками... Не подскажите, где добыли?

– Где добыл, там таких уже нет, – буркнул я, мысленно поблагодарив брата за помощь. После чего отодвинул светлых и первым шагнул в зияющий чернотой проход.

...Глава 17...

Больше никаких сюрпризов нам не встретилось. Коридор оказался коротким и закончился в идеально круглой, сложенной из такого же непонятого камня комнате, которую можно было пересечь всего за десять шагов. На дно этого каменного шара вели четыре узкие ступеньки. Но и на них, и внутри стен, и даже на полу виднелось множество магических нитей, надежно защищающих этот участок пространства от посторонних гостей.

Судя по направлению нитей и строению стен, это было что-то вроде потайной комнаты, замурованной в центре королевского дворца в незапамятные времена. Обнаружить ее ни в обычном мире, ни на темной стороне было нереально. Если, конечно, не знать, что искать. Ни снаружи, ни внутри магия абсолютно не ощущалась. Но стоило мне спуститься, как проскочивший внутрь по темной стороне брат тут же предупредил:

«Будь осторожен. “Колодец” прямо перед тобой».

Я настороженно оглядел ровный пол. Ничего. Обычный камень, темный и сухой. Ни пыли, ни следов пребывания живых... просто пол, в котором не было ничего необычного.

Желая убедиться в правоте Мэла, я взглянул на камни сперва через одну линзу, а затем перешел на темную сторону и взглянул снова. Во Тьму через Тьму. И только тогда сумел различить небольшую, четко очерченную зону прямо в центре помещения, до края которой мой сапог не добрался всего на волосок.

Собаки, кстати, туда тоже не сунулись – чуяли или видели, что там крылся подвох. Мэл, вскарабкавшись на потолок, тут же взялся за изучение защиты, заодно освободив место для перешедших на темную сторону магов. Вкратце пояснив им, что и как, я создал из Тьмы тонкий жгут и на всякий случай огородил опасное место, чтобы не пришлось оттуда кого-нибудь вытаскивать.

– Гадость какая, – поежилась Триш, явно припомнив, чем для нее закончилось знакомство с подобной аномалией. – Вам не кажется, что

тут гораздо холоднее, чем на том чердаке?

Хокк покосилась на свое покрытое инеем плечо и хмуро кивнула.

– Что это значит, Рэйш?

– Возможно, лишь то, что этот «колодец» несколько глубже.

– Насколько глубже?

– Откуда мне знать? – удивился я. – Сейчас залезем и все выясним.

«Кстати, Арт, обрати внимание – времени здесь не существует, – снова подал голос Мэл. – И в каком-то смысле это играет нам на руку».

«Хоть одна хорошая новость. Значит, не нужно спешить обратно в Управление, чтобы поменять защитные амулеты».

«Только я не знаю, что произойдет, когда ты достанешь из “колодца” “зеркало королей”. Возможно, будет обратная реакция, и к этому надо быть готовым».

Я выбрался в реальный мир и вопросительно посмотрел на беспокойно озирающегося Корна:

– Что от меня требуется? И есть ли смысл доставать оттуда артефакт?

– А ты сможешь его уничтожить? – настороженно уточнил шеф.

– Понятия не имею. Сначала я должен на него посмотреть.

– Один пойдешь? – как само собой разумеющееся поинтересовался он.

Я кивнул:

– Но мне будет нужна привязка к реальному миру. На случай, если проблема действительно в артефакте и если рядом с ним я начну забывать, зачем пришел.

Ко мне быстро шагнула Хокк:

– Я буду для тебя источником. У нас с тобой магия теперь похожа.

– И я, – кивнула Триш, демонстративно размяв кисти. – На пару с Тори. У нас есть хоть какой-то опыт работы с «колодцами». А остальные станут нашими источниками на случай, если нас попытается туда утянуть.

Я молча кинул коллегам привязку так же, как в свое время сделал с Лорой, и ребята ее так же молча приняли. Отлично. Теперь, если что, мои резервы будут втрое больше, чем обычно. А если считать брата, то вчетверо. Не говоря уж о том, что забыть о самом важном они мне не дадут.

Это уже хоть какая-то уверенность.

– А я, если что, попробую вас подлечить, мастер Рэйш, – тихонько пробормотала побледневшая Лиз. – Милорд, вы мне поможете?

Герцог Исадо замедленно кивнул, внимательно следя за тем, как мы обмениваемся магией.

Обычный процесс, если честно. Для нас четверых уже привычный – все-таки за полгода я успел прилично подтянуть своих по части практики. Ну а с теорией они и сами прекрасно справились. Хотя, конечно, ни Корн, ни его светлость до настоящего времени об этом не подозревали.

– Тогда я пошел, – сообщил я, как только привязки закрепились, а Лора, Триш и Тори подтвердили, что готовы меня поддержать. Затем рывком ушел на темную сторону и подтянул поближе еще один поводок. – Мэл, ты со мной?

– Куда же я денусь? – прошептала Тьма у меня над головой, и всего через миг моего затылка коснулось что-то твердое. Ладонь? Секира? Паучья лапа? – Поводок душ все равно утянет меня следом, так что... держись, брат. Сейчас мы немного полетаем. Ал, помоги!

Я успел только крикнуть, как неведомая сила дернула меня за плечи и буквально швырнула вперед и вниз. Одновременно с этим Тьма вокруг меня уплотнилась, и на лицо без напоминания лег сотканный из темноты шлем. Еще через мгновение черный металл стремительно посветлел, начав отливать явственным серебром. И я мимолетно порадовался, что в свое время забрал Ала из опустевшего храма. Одному ему там делать было нечего, а находясь в наших с Робертом и Мэлом телах, он мог принести немалую пользу. Например, как сейчас, когда почти мгновенно окутал нас с братом второй броней и избавил от неудобств нижних слоев темной стороны.

Единственное, что меня напрягало, это то, что мы все еще продолжали падать. Тогда, на чердаке, я как ступил за черту, так и ухнул с головой на самое дно, а сейчас этот процесс шел гораздо медленнее. Хотя, может, мы просто слегка не угадали с глубиной?

«Да уж, слегка, – несколько нервно хмыкнул Мэл, вцепившись верхней парой рук в мои плечи. – Похоже, нас тянет на дно не просто «колодца», а в самую что ни на есть бездну!»

– Значит, заглянем в гости к Поводырю, – фыркнул я. – Он там небось заскучал без своих отрезанных пальцев.

Ощущение падения вскоре усилилось, но определить, с какой именно скоростью мы уходим на дно, не представлялось возможным. Вокруг простиралась лишь Тьма – густая и непроницаемая даже для моего взора. Ни лучика света в ней, ни тени, ни громких звуков... просто Тьма: оглушительная, всепоглощающая и на удивление спокойная. Окружив нас плотным коконом, она едва слышно что-то шептала, незаметно убаюкивая и отвлекая внимание. Густая чернота неуклонно притягивала взгляд. Сначала мне казалось, что за ней ничего нет, но по мере того, как мы опускались ниже, все чаще появлялось ощущение, что за нами наблюдают. Не зло, не с жадностью... просто следят, словно утомившийся от жизни древний бог, на глаза которому попала человеческая букашка.

«Арт, не спи», – встряхнул меня брат, когда мои веки сами собой начали опускаться.

Я встрепенулся.

Да уж. В прошлые разы на меня это так не действовало. Быть может, потому что тогда меня отвлекала боль?

«Хочешь, по уху врежу?» – с готовностью предложил Мэл.

Я покосился на материализовавшийся перед носом громадный кулак.

«Спасибо, не надо. Лучше что-нибудь умное скажи. К примеру, как долго нам еще падать?»

Брат замедлился с ответом, а потом меня снова дернуло ввысь и в буквальном смысле перевернуло вверх тормашками. Не ожидая такого финта, я выругался, перекувыркнулся во Тьме, будто попавший в бассейн тюлень, и, к собственному удивлению, оказался точнехонько на спине Палача, да еще и прижатым к нему второй парой рук.

– Мэл?!

«Держись! – напряженно отозвался Мэл, и его тело подо мной напряглось еще больше. – Тьма сгущается! Кажется, мы сейчас...»

Он не успел договорить, как темнота под нами внезапно расступилась, открыв крохотный пяточок, выстланный древними, побелевшими от времени и выпавшего инея плитами. Наше падение внезапно ускорилося. Пол так же резко приблизился. Но Мэл, к счастью, успел среагировать, поэтому приземлился на плиты ровно и на все свои восемь паучьих лап. А я, хоть и клацнул зубами, сумел на

нем удержаться. Только язык прикусил и выругался про себя так, что даже бывший Палач удивился.

– Слезай, – велел он, убирая руки-секиры, которыми только чудом сумел удержать меня на месте.

Я, сплюнув кровь, кое-как сполз и утер губы рукавом.

Алый сгусток, попав на плиту, зашипел и испарился, оставив после себя черную проплешину, но я на нее почти не взглянул, поскольку увидел нечто заслуживающее гораздо большего внимания.

– Это оно, Арт? – напряженно поинтересовался брат, вместе со мной уставившись на старое, дряхлое, незнамо какой древности деревянное трюмо, которое венчало такое же старое зеркало. – «Проклятие королей»?

– Похоже на то, – пробормотал я, не торопясь подходить ближе. – По крайней мере, внешне похоже.

Каким образом на такой глубине удалось сохранить настоящее дерево, да еще на протяжении стольких веков, было непонятно. Толстые ножки были явно подточены термитами еще когда трюмо стояло наверху, криво висящие дверцы грозились вот-вот отвалиться. Искусная резьба на корпусе практически стерлась. И тем не менее трюмо по-прежнему стояло. Старое, замызганное... но стояло. А венчающее его мутное зеркало даже умудрялось что-то отражать.

Что именно, я не разобрал. Зато довольно быстро обнаружил, что вещица сама по себе неоднородна – в самом ее центре в окружении белесоватых, слегка искрящихся трещин был помещен странный, похожий на изломанный круг осколок... по всей видимости, от другого предмета.

Я присмотрелся повнимательнее и понял, что это не совсем зеркало. Вплавленный прямо в стекло материал чем-то напоминал Ала, когда тот обращался в лужу. Только выглядел не гладким, а был усеян снаружи острыми ледяными кристаллами. Более того, трещины, которые змеились от него во все стороны, не были настоящими. Создавалось впечатление, что чужеродная вещь... прорастала через настоящее зеркало насквозь?

– Интересно, почему его стали называть не «зеркалом», а именно «проклятием»? – отвлек меня от размышлений Мэл.

Я поморщился и, стряхнув невесть откуда взявшееся оцепенение, шагнул к подозрительному предмету.

– Вот сейчас и узнаем.

Само собой, трогать непонятную штуку руками я не собирался – мастер Этор давно отучил меня лапать неизвестные артефакты. Все, что я планировал, это поднять «зеркало королей» на поверхность, и для этого мне понадобилась магия. Однако стоило моей Тьме поднырнуть под трюмо с намерением оторвать его от плиты, как вырвавшиеся из моих ладоней жгуты, которые должны были сыграть роль поддержки, неожиданно из веревок превратились в удавки. И я, вместо того чтобы подтянуть на них трюмо к верхушке «колодца», внезапно ощутил, что меня поволокло к нему! Причем с такой силой, что устоять на ногах я попросту не сумел.

Хорошо, что Мэл оказался быстрее и, цапнув меня за плечи, дернул в обратную сторону. Но вот в чем беда – сила воздействия неизвестного артефакта оказалась такова, что даже наших совместных усилий не хватило, чтобы ее перебороть. Меня буквально разрывало между «зеркалом королей» и хрипло выругавшимся Палачом. Мгновение, другое... и нас с Мэлом уже вдвоем неумолимо потянуло вперед. Руки моего служителя напряглись, тщетно пытаюсь сопротивляться этой непонятной магии. Он выгнулся, упираясь в пол всеми восемью лапами. Скрипнул зубами. Острые когти прочертили в камне глубокие царапины. Но моя Тьма, будто парализованная, намертво приклеилась к проклятому предмету и наотрез отказывалась от него отлепиться. А еще через миг она сжалась, будто тугая пружина, и нас с такой силой швырнуло вперед, что я успел только вскинуть руку, прикрывая лицо и глаза.

Что именно сделал в этот момент Мэл, я не понял, но, как ни странно, меня не размазало по дурацкому зеркалу и даже башкой как следует об него не приложило. Рывок в самый последний момент был остановлен. В мои плечи глубоко вонзились когтистые пальцы Палача. В спине что-то подозрительно хрупнуло, меня следом за Мэлом выгнуло и едва не переломило пополам, но... мы так и не ударились. А когда я осторожно взглянул на зеркало, то обнаружил, что в нем дрожит и переливается мое искаженное отражение, а искрящийся белесоватыми искорками осколок торчит перед самым моим носом,

лишь на волосок не доставая до кожи, но даже так источая нечеловеческий, лютый, воистину убивающий холод.

Что произошло дальше, я и сейчас толком не помню.

Вроде бы я не шевелился. Да и Мэл, как мне кажется, сумел меня удержать. Однако между моим лицом и зеркалом словно молния мелькнула. Ослепительно яркая, ледяная... Я непроизвольно зажмурился, чувствуя, как заохлодило кожу на лице. А потом меня снова дернуло вперед. Закрутило, завертело. Наконец со всей силы шарахнуло по башке, да так, что из глаз аж звездочки посыпались, а в ушах оглушительно загудело.

Удар оказался такой силы, что на мгновение – тогда мне показалось, что это было всего лишь мгновение, – я потерял сознание. А вместе с сознанием – и память, и даже просто ощущение того, что я это я. После этого на какое-то время вокруг меня сомкнулась непроглядная Тьма. А миг спустя, как когда-то давно, со всех сторон обрушились чужие голоса.

– ...На южных границах снова неспокойно, ваше величество. Обстоятельства требуют срочного вмешательства. По слухам, младший герцог Орнуэлл планирует мятеж.

– ...Да, сир. Очень удачное совпадение. Программа «Палач» как раз находится в завершающей стадии, поэтому считаю возможным использовать полученный образец для проведения полевых испытаний.

– ...Боюсь, это наша вина, повелитель. Испытания прошли не так, как мы планировали. Были жертвы среди мирного населения, образец оказался поврежден, но его функционирование все еще возможно. Прототип нуждается в доработке... Да, сир. Я смогу это сделать. И готов поручиться головой, что подобное больше не повторится...

– ...Ваше величество, это существо слишком опасно! Проект «Палач» должен быть немедленно закрыт!

– ...Так точно. Проект будет доработан и уже в следующем году введен в активную фазу...

Я дернулся, с трудом приходя в себя и отстраняясь от чужих воспоминаний, но сомкнувшаяся со всех сторон Тьма лишь подступила ближе. Голоса звучали все громче, настойчивее. Затем к

ним присоединились образы, чувства, события. А еще через какое-то время я едва не задохнулся от обрушившегося на меня потока воспоминаний, которые были очень похожи на мои, но при этом таковыми не являлись.

– ...Сир, только что получена новая информация: при уничтожении одного из отрядов противника нашими бойцами захвачен неизвестный артефакт! – докладывает мне один из адъютантов.

В палатке темно. На улице царит ночь, но сражение, начавшееся еще утром, пока не закончилось. У нас есть потери, но благодаря новым разработкам темных они гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. Противник почти разбит. Мятежники бегут с поля боя, но уйти им я не позволю. Победа – это лишь вопрос времени.

Я отворачиваюсь от расстеленной на столе карты и с интересом смотрю на взмыленного парня:

– Что за артефакт?

– Маги еще проверяют, но предварительно сообщили, что шкатулка, в которой он находится, очень похожа на те, что уже давно ищут жрецы.

– Частица бога?

– Сир! Срочный вызов по амулету связи! Отец настоятель просит у вас аудиенции! – доносится откуда-то еще один голос, и в палатку врывается второй адъютант.

Я думаю. Недолго, но очень напряженно оцениваю полученную информацию:

– Где сейчас находится шкатулка?

– У командира части, сумевшей захватить Кельниградский холм!

– Кто-то из жрецов есть рядом?

– Никак нет, сир!

Я снова думаю:

– Шкатулку доставить сюда. Вызовите ко мне мастера Норра и мастера Диллоса. Для них есть работа. И найди мне мастера-краснодеревщика. Любого, кто есть под рукой. Пусть изготовит точную копию шкатулки.

– А отец настоятель? Что ему передать? – осторожно спросил адъютант.

Я недобро улыбнулся:

– Я навещу его сразу по возвращении в столицу. К этому времени вторая шкатулка должна быть готова и выглядеть как настоящая...

Сопротивляться чужим воспоминаниям оказалось до отвращения тяжело. Они подавляли, оглушали, то и дело окунали в забытие. Большинство из них были абсолютно бессвязными. Некоторые обрывались прямо на середине. Какие-то незнакомые мне люди. Сплошная череда непонятных для меня событий. Плач, смех, крики боли, ярости и отчаяния... Но при этом их было так много, что я барахтался в них, как выпавший за борт моряк во время шторма. Отчаянно старался выплыть, но время от времени все равно погружался в холодную воду с головой, до последнего мига переживая все, что когда-то случилось не со мной.

Я видел сотни лиц, которые сменялись с ужасающей скоростью. Залитую кровью плаху. Сменяющихся и развратно танцующих женщин. Угрюмых мужчин и плачущих детей, к которым не испытывал ни малейшего сострадания.

Я видел разоренные города. Зарево пожаров над дотла сожженными деревнями. Горы трупов, сплошным ковром устилающих огромное поле. И тучи воронья, безвозбранно пирующих посреди всеобщего горя.

Я видел также раззолоченные дворцы, которые по праву принадлежали мне и в которых меня почитали как бога. Слышал нескончаемые здравицы и неприкрытую фальшь в голосах тех, кто поднимал за меня кубки с отравленным вином.

Видел собственную смерть. Не раз и не два.

Помнил, каково это – стремительно покрываться потом и жадно хватать ртом воздух, тщетно пытаюсь избавиться от накинутаго на горло удавки. Захлебываться кровью от предательского удара в спину. Бессильно выл, стоя на коленях и глядя на растерзанные тела родных...

Я все это видел. Слышал. Переживал. Снова и снова, до тех пор, пока чья-то сильная рука не дернула меня за волосы, а смутно знакомый голос не гаркнул над самым ухом:

– Арт! Не смей! Не вздумай снова забыть меня, брат!

Брат...

Какое далекое, непонятное и странное слово. У меня разве были братья? А сестры? Была ли вообще семья? Ах да, всех их уже когда-то убили... Или же это были не мои родные? Но тогда чьи? И почему при мысли о них все равно становится больно?

– Арт! Борись, демон тебя заberi! Это не твои воспоминания! Ты слышишь?! *He твои!*

На мгновение в моей голове прояснилось, и яростно завывающие голоса отступили. Мутная пелена перед глазами рассеялась, и мой блуждающий взгляд уперся в круглый, бешено светящийся разноцветными огнями осколок, в многочисленных гранях которого, как в кривом зеркале, отразилось мое искажившееся лицо.

– Разбей его! – снова гаркнул кто-то над самым ухом, и поверх моего отражения легло совсем другое. В плечи впилось что-то острое, глубоко пропоров холодную кожу. А следом за этим пришла боль, слабая, тупая и словно бы тоже не моя.

Я вздрогнул, ощутив, что рядом со мной находится нечто потустороннее и такое же холодное, как я сам, но послушно выбросил руку и что было сил шархнул по сверкающему осколку, отчего-то желая выбить, выколотить из него свое собственное отражение, которое на какой-то миг показалось мне изломанным и чужим.

Боль в содранных костяшках оказалась на удивление острой и намного более понятной, чем та, что терзала сейчас мои плечи. От нее в мозгах прояснилось намного быстрее. Я вспомнил, зачем сюда пришел. Вспомнил Мэла, Лору, Триш, Йена, Тори. После чего встрепенулся. С ненавистью уставился на ничуть не пострадавший от удара осколок. Уловил отголосок бьющегося во мне сознания брата. Попытался использовать Тьму, но вовремя вспомнил, к чему это привело в прошлый раз, после чего в каком-то остервенении принялся долбить кулаком по дурацкому зеркалу, которое кто-то очень даже метко обозвал «проклятием королей».

Не знаю, кто и зачем вообще это придумал – прятать воспоминания в этот долбаный артефакт, а затем снова их оживлять, ведь прикосновение к зеркалу и впрямь могло свести с ума.

«Алтории стоило хотя бы раз выбрать себе в короли темного мага! – зло подумал я, безостановочно пытаюсь расколоть проклятый артефакт. – Что бы ни говорил герцог, а у темных больше шансов *это*

выдержать! И никакие исцеляющие заклинания тут не помогут...
Тьма!»

Я отстранился, раздраженно уставившись на зеркало, забрызганное кровью из разбитых косяшек.

Оно потемнело. Почернело. Едва не зашипело, начав источать легкий дымок. Однако ни одной трещины на нем так и не появилось. Эта дрянь не поддавалась магии! Ее не брала физическая сила! Фол знает, как на нее вообще можно воздействовать...

И тут меня, как говорится, осенило!

– Фол!!! – в каком-то прозрении выдохнул я, глядя, как капли моей крови медленно стекают по дурацкому зеркалу. – Тебе жертвую!!!

И вот тогда окружившая нас Тьма отреагировала. Завыла, завертелась, подняв на дне «колодца» самую настоящую бурю. Мэл, прижавшись со спины, с удвоенной силой вцепился в мои плечи. Я приглушенно ругнулся, почувствовав, как его когти пропороли мышцы до кости. Хотел было попросить его не так усердствовать в процессе снятия моей и без того дырявой шкуры, но в этот момент Тьма обрушилась на нас со всех сторон и с воем набросилась на жалобно скрипнувшее трюмо. В мгновение ока сожрала чудом сохранившееся до сих пор дерево. Жадно слизала с пола несколько капель моей крови. С неистовым ревом вгрызлась в покореженное зеркало. А когда уничтожила его подчистую, то так же яростно набросилась на залитый моей кровью осколок...

В «колодце» случился самый настоящий взрыв.

Нас с Мэлом отшвырнуло прочь с такой силой, что я на какое-то время перестал понимать, кто из нас кого держит и где чьи ноги находятся. Когда нас увлекло в бешеный водоворот, даже мимоходом подумал, что случайно создал в «колодце» еще одну «воронку», но в этот момент почувствовал, как напряглись прикрепленные к моей ауре поводки. Затем во Тьме раздался слаженный вопль, в котором мне почудилось не столько удивление или испуг, сколько злость. А затем Тьма накрыла меня с головой, и больше я ничего не помню.

...Глава 18...

Меня привели в чувство ощущение стремительного падения и мощный удар, которым ознаменовалось приземление. Упал я неудачно, крепко приложившись правым плечом и вдобавок треснувшись виском обо что-то твердое. Голова после этого загудела еще больше, все мысли отсюда на какое-то время исчезли. А когда ко мне вернулась способность соображать, то оказалось, что мы находимся вовсе не на том месте, где по идее должны были находиться.

На «колодец» в дворцовом подземелье это место ничуть не походило. Да, я все еще находился на темной стороне, но это была какая-то странная темная сторона. Во-первых, тут было более или менее тепло, несмотря на покрытую изморозью землю. А во-вторых, для темной стороны тут было чересчур светло. Причем льющийся со всех сторон свет исходил не от какого-то одного источника – он был повсюду. Сочился из покрытой белесым налетом земли. Окружал повисшие над головой непонятные шарообразные штуки, похожие на ошетилившихся иголками, подвешенных на ниточках ледяных ежей. Я, даже присмотревшись, не смог понять, что же это такое. Но внутреннее чутье подсказывало, что это нечто неправильное, чужеродное, а значит, и потенциально опасное.

Впрочем, разбираться с обстановкой было некогда. Как только я осознал себя живым и относительно здоровым, даже неестественный и чуждый для темной стороны свет отошел на второй план. Просто потому, что шагах в десяти с обледенелой земли медленно поднимался мой названный брат, и по одному его виду я сразу понял: что-то не так.

Неуверенно распрямив паучьи ноги, Мэл встал и, пошатнувшись, не сразу нашел меня глазами. Он выглядел как никогда озадаченным, даже растерянным. Невидимость свою успел где-то потерять, как и остальную броню, поэтому выглядел точно так же, как в тот день, когда мы впервые встретились. Но когда наши взгляды пересеклись, у меня по спине пробежал холодок – лицо Мэла снова превратилось в бесстрастную маску. Человеческих глаз тоже не стало – вместо них на

меня смотрели два мутных бельма, в которых не было ни капли узнавания. Агрессии слугитель пока не проявлял, но уже по тому, как неловко он приподнял свои секиры и с каким выражением посмотрел на две пары своих рук, стало понятно, что «проклятие королей» его тоже зацепило. А значит, передо мной сейчас стоял не брат и не друг – я снова оказался один на один с вернувшимся к своим первоначальным функциям Палачом.

По-видимому, нашей главной ошибкой стало то, что мы осмелились прямо взглянуть на себя в «зеркало королей». Вполне вероятно, именно это активировало артефакт, заставив отдавать ему свои воспоминания и взамен забирая то, что в нем хранилось. Быть может, принцип его действия заключался в равноценном обмене: ты отдаешь, тебе возвращают. Но поскольку заимствованные воспоминания редко бывают упорядоченными и чересчур сильно врезаются в разум, от их присутствия и впрямь можно потерять себя. Исчезнуть как личность. Не удивлюсь, если окажется, что многие претенденты на трон сходили с ума, просто оказавшись вблизи от артефакта. Хотя, возможно, присутствие целителей помогало им оторваться от «зеркала» до того, как изменения личности становились необратимыми.

Со мной этот номер точно бы не прошел. Я бы эту магию попросту не заметил. Светлых все-таки проще вернуть обратно к свету. А темные если уж уходят окончательно во Тьму, то обратно, как правило, не возвращаются.

Я тяжело вздохнул и активировал одновременно и перстень, и поводок.

– Мэл? Эй, брат, ты меня помнишь?

На неподвижной физиономии Палача не дрогнул ни один мускул. Правда, и напасть он по-прежнему не пытался. Просто стоял, растерянно пощелкивая костяшками и все так же неуверенно поводя из стороны в сторону громадными секирами. Лишь когда по поводку к нему хлынули наши общие воспоминания, на лице слугителя проступила болезненная гримаса. Он содрогнулся всем телом, его руки опустились. Кончики секир уперлись в твердую землю, из грозного оружия превратившись в обычные костыли. А затем Мэл грузно осел и, помотав головой, поднял на меня совсем другой взгляд:

– Арт?

Я с облегчением выдохнул и, подойдя, протянул ему руку:

– Вставай, брат. Мы еще не закончили работу.

Мэл снова тряхнул головой, словно отгоняя непрошенные воспоминания, после чего неприязненно повел плечами и с видимым усилием поднялся:

– Какая же омерзительная гадость – это ваше «зеркало королей»! Нормальные люди с него дуреют! А где эта дрянь, кстати?

Я поискал глазами по земле и кивнул в сторону мерцающего чуть поодаль осколка:

– Вон валяется.

– Это из-за него нас сюда забросило? – хмуро осведомился брат.

– Похоже на то. Мы совершенно определенно больше не во дворце. И даже, по-моему, не в «колодце».

– Что это за место?

– Да Фол его знает. Первый раз такое вижу.

Мы с братом непроизвольно сдвинулись, чтобы было кому прикрыть спину, и настороженно всмотрелись во Тьму.

Как ни странно, на этот раз я не смог разглядеть, что в ней творится, дальше чем на два десятка шагов. Вокруг нас по-прежнему смыкались непроницаемо черные стены, воздух был сухим и неестественно теплым, а льющийся прямо из земли свет и те странные штуки, что зависли над головой, создавали впечатление, что вокруг простирается какой-то промежуточный мир. Не то живой, не то мертвый.

Прислушавшись и не услышав во Тьме ни единого голоса, я присел и провел рукой по белесой земле.

Нет... это был не снег. И даже не иней. Собственно, это даже землей нельзя было назвать. Но в то же время мои пальцы касались не камня. Я по большому счету вообще не понял, к чему именно прикоснулся. Слежавшийся пепел? Прах? Спрессованная за века зола? Но почему она была белой?

Желая убедиться, что не ошибся, я ковырнул ногтем непонятную поверхность, но был вынужден признать, что во Тьме мне такого точно еще не встречалось. Как и вон те штуки, которые я поначалу принял за гигантские светильники.

Брат, читая мои мысли, тоже вскинул голову, пристально рассматривая непонятные шары. Большие, размером со служебный кеб

или чуть меньше, они были хаотично разбросаны в воздухе. Штук двадцать навскидку. Совершенно одинаковые. Похожие на колючие шарики, развешанные в пустоте на разном расстоянии от нас, от земли и друг от друга. При этом я, как ни присматривался, не смог понять, какая сила удерживает их в воздухе. Магии в них не чувствовалось. Цепей и веревок над ними тоже не было видно.

– Дурь какая-то, – пробормотал Мэл, совершенно точно выразив наше общее мнение.

Но прежде чем я успел согласиться, откуда-то из темноты послышался шум, после чего во Тьме мелькнула неясная тень.

Мы с братом одновременно ошетинились секирами, призвали броню и... так же одновременно выругались, внезапно обнаружив, что больше не способны этого сделать. Тьма, хоть и клубилась вокруг, на зов больше не откликнулась. Ал, когда я попробовал до него дотянуться, тоже не ответил. Да и Мэл ничуть не изменился, оставшись волосатым паукообразным чудовищем. Оружие в моих руках тоже не появилось. И никакая броня на тело почему-то не легла, поэтому встречать опасность мне пришлось в самой обычной одежде, в старом кожаном плаще, да еще и без верной шляпы, которую я умудрился где-то потерять.

Фол! Да что же это такое?! Неужели алтарь владыки ночи все-таки умудрился заснуть следом за хозяином?! Только этого нам не хватало!

Смутная тень во Тьме снова шевельнулась. Мы с братом сдвинулись еще теснее, но в этот момент черные стены расступились и оттуда, с трудом удерживая равновесие, вышла одетая в тесный кожаный костюм, рано поседевшая леди. Растрепанная, с искаженным лицом и держащаяся обеими руками за голову, которая, судя по страдальческому выражению глаз леди, сейчас зверски болела.

– Лора?! – вздрогнул я.

Девушка подняла голову и в шоке уставилась на нас с братом. Меня она, судя по всему, не узнала, а вот оставшегося без невидимости Палача идентифицировала сразу. Поэтому моментально встала в боевую стойку, сдернула с пояса небольшой арбалет и, прошипев что-то яростное, выстрелила в грудь озадаченно крикнувшему служителю.

– Лора! – гаркнул я, одновременно активируя еще один поводок.

Сухо щелкнула арбалетная струна. Тяжелый болт, сорвавшись с ложа, со свистом рассек стусившийся воздух. Мэл, молниеносно вскинув вторую пару рук, благополучно его отбил. А невесть откуда взявшаяся Хокк вдруг охнула и, выронив арбалет, снова схватилась за голову.

Я почти бегом добрался до рухнувшей на колени магички и, ухватив ее за плечи, торопливо прогнал по поводку свои последние воспоминания. Хокк после этого шатнуло. Она едва не завалилась на бок, а когда все же пришла в себя, то посмотрела на меня почти что с ненавистью.

– Рэйш... сволочь... ну почему, когда мне плохо, в этом почти всегда виноват именно ты?!

– Судьба у тебя, видно, такая, – с облегчением выдохнул я. – Не надо хвататься за оружие. Мэл не опасен.

Хокк с трудом выпрямилась и кинула за мою спину выразительный взгляд:

– Палач?!

– Да, – снова вздохнул я. – Прости, я вас не представил... Мэл, это Хокк. Хокк, это Мэл. Мой новый друг, кровный брат и служитель, которому я не единожды обязан жизнью.

Губы Хокк сжались в тонкую линию, но я не зря нагрузил ее своими воспоминаниями. Прятать Мэла было уже поздно, объяснять – слишком долго, поэтому я сделал что мог в надежде, что хотя бы какое-то время Лора не будет пытаться его убить.

– Мое почтение, леди, – спокойно сказал Мэл, когда бешеный взгляд магички уперся в него. – Вполне могу понять ваше негодование, но сейчас не время выяснять отношения. Арт, мне кажется, здесь есть кто-то еще.

Я отпустил напарницу и напряженно уставился во Тьму. Но вскоре понял, что брат прав – следом за Хокк из темноты, с трудом держась на подрагивающих ногах, стали один за другим выходить люди. Отчаянно морщившаяся Триш, болезненно кривящийся и держащийся за голову Тори, а следом за ними – я глазам своим не поверил – озадаченно вертящий головой Роберт Искадо на пару с Йеном Норриди, которому здесь вообще делать было нечего!

– Что за бред? – пробормотал я, встретившись глазами с ошеломленным и слегка пришибленным Йеном.

– Ты?! – вздрогнул мой старый друг и начальник.

– Мастер Рэйш?! – почти одновременно с ним остановилась Триш.

Тори тоже замер, и только Роберт, увидев меня, искренне просиял:

– Учитель! Мэл! Вот вы где! А я все понять не мог, кто меня сюда выдернул!

Хокк остановившимся взглядом проследила, как мальчик с чувством обнял меня, а затем и чудовище, о котором в Алтории ходило столько кошмарных слухов. И тихо ругнулась, когда Мэл не просто улыбнулся юному герцогу, но и ласково погладил пацана по голове.

– Выдернул? – озадаченно переспросил Норриди. А затем увидел (вспомнил?) супругу, в мгновение ока оказался рядом, крепко обнял судорожно выдохнувшую Хелену и только после этого с рыком обернулся ко мне: – Арт!!! Что, демон тебя задери, все это значит?!

Я растерянно взлохматил и без того находящиеся в беспорядке волосы:

– Хороший вопрос, Йен. Кто бы мне самому это объяснил.

– Я почти ничего не помню, – пожаловалась Триш, когда все немного успокоились и перестали диковато коситься на моего нового брата. – Когда мастер Рэйш ушел, поначалу все было спокойно и мы просто ждали возле «колодца». А потом... все. Темнота. Удар. И вот я уже здесь.

– Аналогично, – кратко ответил на мой вопросительный взгляд Тори Норн. – Сперва все было прекрасно, а потом – бац, и я куда-то полетел.

Хокк, старавшаяся все это время держаться как можно дальше от бывшего Палача, хмуро кивнула:

– Вероятно, нас сюда притянуло благодаря поводкам.

– С чего бы? – внимательно посмотрел на нее я. – Вас было трое против меня одного. Вы могли разорвать связь в любой момент.

– Не могли, – проворчала напарница. – Мы сделали дополнительные поводки друг для друга. После первого «колодца» рисковать туда свалиться больше никто не хотел, и мы решили, что в случае чего уж вдвоем-то сумеем тебя вытянуть обратно.

Я хмыкнул:

– Угу. Вытянули... молодцы. Отлично сработали.

– Даже если бы мы и захотели разорвать связь, то не успели бы, – возразил Тори. – Все произошло слишком быстро, мастер Рэйш. Никто даже пикнуть не успел.

– Зато поводки помогли вам сохранить память, – задумчиво обронил Мэл. – Нам с Артом понадобилось время. А вы почти сразу пришли в себя, и это, я считаю, хорошо. Было бы намного хуже, если бы вы друг друга перебили до того, как кто-то из вас вспомнил, кто вы и что тут делаете.

Хокк метнула на служителя настороженный взгляд, но ничего не сказала. Я же тем временем обернулся к Йену:

– А тебя каким ветром сюда занесло?

Норриди озадаченно поскреб затылок:

– Да Фол его знает. Я, собственно, как раз ужинать собирался, как тут меня позвала Хелена... а потом ка-а-ак швырнет во Тьму. Ну, я подумал, что ей нужна помощь. У нас ведь тоже привязка душ. Уже давно. Наверное, она и сработала?

Триш, когда на ней скрестились все взгляды, смущенно опустила глаза:

– Я случайно. Кто ж знал, что получится?

– А я ваш голос услышал, учитель, – пожал плечами Роберт, когда я выразительно глянул в его сторону. – Тьма заволновалась. Шепнула, что я здесь нужен. Ну я и побежал. И вышел прямо к вам. Кстати, учитель, а что это за место? Оно какое-то... странное.

– Я бы сказал, жуткое, – буркнул Тори, кинув подозрительный взгляд на зависшие в воздухе шары.

– Согласна, – медленно проговорила Хокк, все еще не сводя с Мэла глаз. – Здесь все не так. И снег – вовсе не снег. И темнота какая-то не такая, как везде.

– Здесь даже не холодно, – тихонько согласилась с наставницей Триш. – Обычно на глубоких слоях я замерзаю сразу. А тут... все чужое. И даже воздух пахнет иначе. А между тем мы все еще во Тьме. Правда, мастер Рэйш?

Я задумчиво оглядел странный пейзаж. А затем нашел глазами откатившийся в сторонку осколок и нахмурился:

– Никто из вас, пока сюда добирался, ничего подозрительного не видел?

– Я видел, – с готовностью отозвался Роберт. – Но Тьма сказала, что одному туда нельзя, поэтому я близко не подходил.

– Что именно ты видел?! – одновременно спросили мы с Мэлом.

– Какую-то штуку, похожую вон на ту стекляшку, на которую вы только что смотрели, учитель. Только она была большой, та штука. Очень большой. И Тьма сказала, что мне не стоит на нее долго смотреть, потому что она забирает у живых не только силу, но и память. А еще Тьма сказала, что подобное всегда притягивается подобным. И как свет стремится к свету, так и мрак найдет частичку себя, даже если эта частичка была когда-то утеряна.

Мы с братом быстро переглянулись.

– Думаешь?..

– Это похоже на правду, – кивнул я. – Если изначально осколок был частью чего-то большего, то, возможно, нас выкинуло сюда именно из-за него. Это также объясняет происходящее в Алтире. Если осколок обладает теми же свойствами, что и основная структура, то получается, что мы нашли источник своих проблем. Вернее, ту его часть, которая воздействовала на жителей столицы. А то, что убивает весь остальной мир, находится здесь. И осколок привел нас точно к нему.

Мэл хмыкнул:

– Хочешь сказать, мы сейчас в Лотэйне?

– Да. И по-видимому, где-то рядом находится место, где были открыты первые Врата. Помнишь, что сказала Ферза?

– Что?! – ахнули Триш, Тори и Хокк. – Лотэйн?!

– Мастер Рэйш!

– Но это невозможно!

– Троп такой длины не бывает!

Я насмешливо посмотрел на возмущенного Тори:

– Пора бы вам запомнить, мастер Норн, во Тьме возможно абсолютно все, чего только пожелает настоящий темный маг. По моему, Роберт уже не раз вам это доказывал. Разве нет?

Ученик хитро улыбнулся и поднял руку, явно собираясь призвать Тьму, чтобы еще раз поразить старшего коллегу, но очень быстро его улыбка погасла, а на лбу появилась озадаченная морщинка.

– Учитель, что происходит? Я чувствую Тьму. Она все еще здесь, живая и послушная. Но она не отзывается на призыв!

– Скорее, ей здесь некомфортно, – качнул головой я. – Поэтому наша магия и не работает. Ни твоя, ни моя. Здесь даже Тьма совсем другая. И думаю, вы уже знаете, по какой причине она так изменилась.

– На нее что-то воздействует?! – вскинул на меня растерянный взгляд ученик.

– Верно.

– И это «что-то» находится... наверное, там? – мальчик прислушался к себе и махнул рукой куда-то мне за спину. – Вы думаете, Тьма поэтому не разрешила мне туда заходить?

– Она сказала, что ты не должен находиться там один, – напомнил я. – Так. Коллеги, создавайте дополнительные привязки. Пусть каждый из вас будет привязан ко всем остальным. Дублируйте поводки. И делайте их как можно крепче.

Йен беспокойно замялся:

– Арт, ты думаешь, то, что происходит в Алтире, может случиться и здесь?

– Оно *уже* случилось: когда мы здесь оказались, Мэл с трудом себя вспомнил. Меня выбило из колеи чуть раньше, когда я пытался воздействовать магией на «проклятие королей». Если бы не брат, я бы уже, наверное, считал себя другим человеком. Даже вы, имея привязки друг к другу, на какое-то время потеряли ориентацию. Кстати, велика вероятность, что рядом с той штукой, которую нашел Роберт, это влияние усиливается. Нам нужно себя обезопасить.

– Откуда ты узнал, что творится в столице? – с нескрываемым подозрением уставилась на Норриди Хокк.

Тот ухмыльнулся:

– Привязка душ, помнишь?

– Тьфу ты... забыла. Хотя мы только что говорили об этом!

– Хватит болтать, – нахмурился я. – Время идет. Мы снова можем начать забывать.

– Время... – вдруг задумалась Хокк. – Ты как-то сказал, что на дне «колодца» оно течет иначе, чем везде. А возле того «колодца», что находится во дворце, оно вообще остановилось. Как думаешь, это могло повлиять на «зеркало королей» и отсрочить влияние артефакта на жителей столицы?

Я качнул головой. А про себя подумал, что, возможно, недавнее видение показало тот самый момент, когда «зеркало королей» попало в руки к людям. На адъютанте я видел странный доспех – сейчас таких уже не делают. Чеканка явно не наша. Да и герб на шлеме был определенно лотэйнийским. Еще того, старого, образца, который я видел однажды в книге отца Гона. Возможно, сегодня мне показали времена, которые наступили после открытия Врат. Смуту, возникшую вскоре после того, как боги уснули. Тогда же осколок попал в руки одного из лотэйнийских правителей. Он же первым его и использовал, сохранив свои первые воспоминания об этой штуке. Когда разгорелась война, повелителя, возможно, убили, а сокровищницу разграбили. Кто-то потом нашел и вывез шкатулку за пределы страны. Еще через какое-то время она, как и многие артефакты прошлого, оказалась в Алтире. И точно так же, как в свое время лотэйнийский правитель не захотел отдавать неизвестный артефакт в руки жрецов, так, возможно, и в Алтории король решил, что у последователей богов и без того слишком много власти.

Могло ли такое случиться?

Легко. Ведь даже сейчас, после стольких веков мира и взаимного уважения, светская власть и Орден жрецов все еще настороженно относятся друг к другу. Не так давно ее величество выразила прямые опасения по поводу усиления власти жрецов. А что было сто лет назад? А тысячу?

Я тяжело вздохнул и, перехватив сразу шесть брошенных друзьями поводков, заново их привязал.

– Теперь мы можем идти, мастер Рэйш? – тихонько спросил Роберт, вопросительно уставившись на меня снизу вверх.

Я вдруг припомнил кое-что еще и вместо ответа подошел к валяющемуся на земле осколку.

Говорите, подобное притягивается подобным?

Я прищурился и от души наподдал проклятому артефакту сапогом. Тот, негодуяюще сверкнув, серебристой рыбкой улетел вперед. Но именно тогда Тьма вокруг нас неожиданно заволновалась, забурлила, отпрянув в стороны и пропустив мимо себя чужеродный предмет. И вот тогда, когда черный занавес отдернулся в сторону, мы наконец увидели, что за ним было скрыто.

...Глава 19 ...

Представьте огромное, занесенное снегом поле. Посреди неестественно ровно лежащих сугробов стоят, безмолвно сложив ладони на груди, сотни одинаковых ледяных статуй. Мужчины, женщины в старомодных одеждах. С удивительно спокойными лицами, плотно сомкнутыми веками и старательно выточенными чертами, которые неизвестный скульптор сумел вырезать с таким искусством, что они кажутся живыми.

Безмолвные фигуры выглядят так, словно их поставили тут совсем недавно – на них не видно ни трещин, ни плесени, ни других следов воздействия времени. И точно так же не тронут идеально ровно лежащий между ними снег, словно неведомый создатель принес скульптуры по воздуху, а потом таким же загадочным образом испарился.

Правда, человеческие фигуры – не единственное, что привлекает внимание. Тут и там на поле виднеются многочисленные деревья. Кривые, изломанные, созданные из торчащих во все стороны белых кристаллов, они, словно нарочно, портят гармонию статуй и будто соревнуются с ними в своей непонятной, уродливой и непривычной человеческому глазу внешности. В этих деревьях все кажется не таким – ни перекрученные, будто вывернутые наизнанку стволы; ни немыслимых форм ветви; ни проросшие прямо сквозь них непонятного вида отростки, которые язык не поворачивается назвать обычными листьями.

Похожие конструкции растут и на земле – кривые, странные. Покрытые ледяными колючками и абсолютно гладкие. Треугольные и шарообразные. Такие же изломанные, как деревья, и чем-то даже смутно похожие на знакомые нам с детства кусты...

Во всем этом была какая-то своя извращенная логика и, быть может, даже некая упорядоченность. Но у меня при виде этой картины мороз продрал по коже, а между лопатками впервые скользнуло что-то наподобие холодного ветерка.

Но больше всего поразило даже не это – там, впереди, почти в центре заснеженного поля и немного в стороне от навеки застывших фигур, виднелось нечто непонятное. Громадное. Пугающее. Гигантский разлом, края которого разрывали пространство от самой земли и вплоть до того черного потолка, который заменял этому месту небо.

Разлом больше походил на рваную рану, края которой кто-то жестоко вывернул наружу. Пульсирующее бело-синее нутро выплескивалось оттуда тысячами и десятками тысяч таких же неестественно ярко сверкающих кристаллов. Такие же кристаллы росли на притихшем поле. Такие же острые грани виднелись и на уродливых деревьях. Они, эти кристаллы, раздвигали окружившее их пространство искусственно, насильно и теперь медленно, но неумолимо расползались во все стороны, попутно меня и уродуя все, к чему прикасались.

Единожды глянув на это нечто, я больше не сомневался в словах своей богини.

Вот они, Врата...

Разлом, откуда к нам упрямо лезла какая-то дрянь. Причем лезла годами, тысячелетиями, постепенно разрушая саму основу нашего мира. Меняя его под себя. Грубо вмешиваясь в текущие в нем процессы.

А еще я увидел, как болезненно изгибается над разломом сгустившаяся в отчаянной попытке себя защитить Тьма. Та самая, *наша* Тьма, которой мы были обязаны всем, что имели.

В какой-то момент я ощутил то самое гадливое чувство, которое испытал, увидев заготовку Врат в убежище умрунов. Над ними точно так же изгибалось и стеноло изуродованное пространство. И Свет, и Тьма отчаянно сражались за каждую пядь земли, которую постепенно отвоевывало у них запредельное нечто. Но если там Вратами, по сути, служила полоумная ведьма, согласившаяся принять в себя уродливое зерно, то здесь чужеродная ткань прорывалась извне. Из распахнутого, омерзительно зияющего нутра, один вид которого вызывал непередаваемое отвращение.

– Эт-то... неестественно... – сглотнув подступивший к горлу комок, выдавила из себя Хокк.

– Это мерзко, – прошептала Триш, отводя глаза.

– Чудовищно, – согласился с ней Тори.

– Этого не должно здесь быть, – так же тихо добавил вцепившийся в мою руку Роберт.

И с этим было трудно поспорить.

Мальчик, правда, глаз не отвел, открывшаяся нам картина его не напугала, и на его лице помимо отвращения я увидел и решимость. Но честно говоря, пока не представлял, что тут можно сделать.

– Статуи – это ведь маги? – неожиданно подал голос Мэл. – Те самые темные, которые однажды уже пытались закрыть Врата?

Я дернул щекой.

Да. Люди – единственное, что во всем этом зрелище казалось более или менее правильным. Сотни людей. Огромное количество темных, которых наши боги призвали в попытке остановить то, что начал какой-то безумец.

Здесь были сотни магов! За ними стояли сами боги!

На то, чтобы остановить разлом, была брошена прорва сил! И все равно они не справились.

Что же тогда сможем сделать мы? Семеро почти обычных людей, среди которых две женщины и один ребенок?

– Все равно надо попробовать, – охрипшим голосом сказал Йен, успевший через поводок считать мои мысли. – Надо, Арт... ты видишь, что делает с нашим миром эта дрянь?

Я промолчал: я видел. В том числе гигантские полупрозрачные облака, которые закручивались вокруг разлома в медленный и величественный вихрь. Думаю, что не ошибусь, если предположу, что формировался он очень долго. Столетиями собирался с силами, вбирая в себя тянущиеся к нему со всех сторон тоненькие ручейки.

Я мельком глянул на стоящих рядом друзей и, заметив, как от них в сторону вихря тоже потянулись тончайшие полупрозрачные ниточки, сжал зубы.

Эта тварь вытягивала из нас магию. Силы. Эмоции. Причем, похоже, вместе с воспоминаниями. Она по каплям высасывала жизнь из нашего мира! Но самое поганое заключалось в том, что чем дальше мы здесь находились, тем опаснее это становилось. На сколько хватит моих сил? На два удара сердца? Три? Десять? А у Триш? Или Хокк? А у Роберта и Йена? Даже объединившись, мы почти ничего не могли

противопоставить этому нечто. И мгновение за мгновением продолжали терять магию и силы!

А что будет дальше? Что произойдет, когда потери станут критичны и непонятная магия вытянет из нас слишком много воспоминаний?

– Я все еще вас помню, – пробормотала Хелена, до которой первой донеслась эта мысль. – Хокк, Тори... мастер Рэйш... что бы ни случилось, нам надо держаться вместе. Если разделимся, умрем.

Роберт второй рукой ухватился за стоящего рядом Мэла, а остальные непроизвольно сдвинулись, чтобы хотя бы так чувствовать близость друг друга. Постоянно слышать, ощущать тепло соседей. И уже этим напоминать, что они не одни.

– Защита, – внезапно нахмурилась Хокк, ухватив меня за вторую руку. – Рэйш, ты говорил, что боги когда-то поставили здесь защиту.

Я мрачно кивнул в сторону почерневшего, съезжившегося, похожего на порванные крылья неба:

– Вот то, что от нее осталось.

– Думаешь, раньше она опускалась до самой земли? Как купол?

– Думаю, она цеплялась за наших с тобой коллег. Они служили ей якорями, и именно они отдали на ее создание свою энергию. Боги ее скорее всего просто объединили и поддерживали потом сколько могли. А теперь это не защита – просто обрывки, в которых почти не осталось силы.

– А мы не можем их снова притянуть к земле? – вздрогнула Триш.

– Нас слишком мало, – тихо ответил Мэл. – Хотя это не значит, что мы не должны попытаться. Арт, тебе не кажется, что есть в этих сугробах нечто неправильное?

Я невесело хмыкнул:

– Что, например?

– Смотри, – махнул рукой брат. – Вот там и вон там снег лежит не совсем ровно. Такое впечатление, что под ним что-то есть. Кочка или камень.

– И там, – тут же среагировал Роберт, указав в другую сторону. – И еще вон там!

– Сколько их всего? Четыре? – встрепнулся Йен.

Я всмотрелся в даль:

– Кажется, семь.

– Надо проверить, – решительно вмешалась Хокк и первой выдвинулась вперед. – Идемте. Вдруг это что-то стоящее?

Я не ответил, но благодаря поводкам в этом и не было особой необходимости. Все, что было нужно, мы и так прекрасно слышали. Знали, что на уме у каждого из нас. Ощущали эмоции, делились воспоминаниями, чувствовали друг друга как себя самих. Собственно, мы и разговаривали-то скорее по привычке. И вперед двинулись почти одновременно с Хокк, хотя вслух больше никто не произнес ни слова.

Это было непривычно. Странно. Даже, наверное, дико. Но теперь, когда до последней мысли ощущал Йена и остальных, я стал гораздо лучше понимать своих друзей. Почувствовал всю глубину той нежной привязанности, которую Триш и Норриди испытывали друг к другу. Неожиданно усилившуюся тоску Тори, который в этот миг думал об оставшейся наверху Лиз. Сомнения Мэла. Нетерпение Роберта. И даже смешанные эмоции Хокк.

– Заткнись, Рэйш, – проворчала напарница, когда я с удивлением узнал, что она все же считает меня хорошим другом. – Это не твои мысли! Не лезь куда не просят.

– Да ладно, – добродушно усмехнулся я. – Было бы что скрывать.

– Я кому сказала!

Я мысленно дал упрямыце дружеский подзатыльник и ускорил шаг. А когда добрался до подозрительного бугорка и провел по нему ладонью, то удивленно замер – это был камень! Самый обычный, только оплавленный по краям и слегка покосившийся камень, на котором виднелся стершийся от времени отпечаток чьей-то ступни!

– Нет, брат, – прошептал Мэл, успевший к тому времени добраться до второго такого же бугра. – Это не просто камень. Это черный базальт! Понимаешь?!

Я замер, вспомнив, где именно его раньше видел и почему он оказался именно в том месте, где я его нашел. А когда Хокк, Триш, Йен, Тори и Роберт почти одновременно подтвердили предположение брата, неожиданно понял, что именно здесь произошло. И так же неожиданно осознал, что теперь знаю, каким образом можно попытаться уничтожить разлом.

– Ты сумасшедший! – со злым восхищением произнес Норриди, уставившись на меня так, словно впервые увидел. – Нет, я, конечно, знал, что ты больной на всю голову, но чтобы настолько...

Я досадливо отмахнулся:

– Все сходится, Йен. Черный базальт – единственный камень, способный служить проводником для божественной силы и одновременно удерживать ее внутри. Посмотри, как расположены камни! Дугой. Сначала идут они, затем маги... думаешь, просто так?

– Чтобы наилучшим образом аккумулировать магическую энергию, целесообразно расставить накопители и регуляторы на как можно более близком расстоянии к источнику с максимальным охватом его по площади, – без запинки процитировала учебник Триш. – Мастер Рэйш прав, дорогой. Если защиту создавали боги, а источниками энергии служили темные маги и жрецы, которых, в свою очередь, подпитывали оставшиеся в реальном мире светлые, это могло сработать.

– Проблема в том, что без подходящих вместилищ боги не смогли бы этого сделать, – кивнул я. – Но ты видел статуи в главном храме? Можешь себе представить, чтобы кто-то сумел в короткие сроки перетащить такое количество базальта во Тьму? Я, между прочим, пробовал – он неподъемный, даже когда пытаешься тащить на себе крохотный осколок. А целую статую сюда припереть вообще нереально.

– Тогда как они это сделали? – насупился Норриди, упорно не желая дочитывать мою мысль до конца.

Хокк, решившись на это первой, аж позеленела:

– Род всемогущий... Рэйш! Ты уверен?!

– Боги не способны полностью воплотиться даже на темной стороне, – невесело улыбнулся я. – Но тем не менее они это сделали. Только вместилищем для них стали не статуи...

– А люди! – испуганно прижала ладони ко рту Триш.

– Маги, – сглотнул Тори. – Мастер Рэйш, вы предлагаете нам это повторить?

Я хмуро кивнул.

Друзья уставились на меня кто с ужасом, кто с сомнением, а кто с обреченным пониманием.

– Я согласен, – убито произнес Тори, опуская голову. – Ради Лиз... ради того, чтобы она жила... Что надо делать, мастер Рэйш?

Я тяжело вздохнул:

– Выбери себе постамент и бога, которого рискнул бы призвать. Роберт...

– Я с вами! – тут же отреагировал мальчик. – Без меня у вас ничего не получится!

– Знаю, – против воли улыбнулся я. – Занимай свое место, ученик. Мэл...

– Он будет слева от тебя, а я справа, – кивнул бывший Палач и в два громадных прыжка достиг своего постамента. А затем прокричал прямо оттуда: – Если никто не возражает, я призову Рейса!

– Спятил?! Он тебя в прошлый раз чуть по полу не размазал!

Мэл ухмыльнулся:

– Авось он об этом еще не забыл. Когда злишься, охотнее реагируешь, правда?

– Тогда я возьму Абоса, – внезапно севшим голосом произнес Норриди.

– Малайя, – тихо сказала сжавшая его руку Триш. Они на мгновение встретились взглядами, застыли на пару мгновений, прекрасно понимая, чем им грозит призыв. А затем быстро разошлись, словно боясь лишний раз об этом задуматься.

– Ирейя, – спокойно сообщила Хокк и быстро направилась в сторону выбранного камня. По правую руку от меня, непроизвольно повторяя вместе с Триш и остальными расположение божественных постаментов в первохраме.

Я, кстати, никому его не сообщал, но они, наверное, чувствовали, как надо? А может, что-то такое витало в воздухе. Какое-то напряжение, ожидание. Как если бы боги пристально следили за нами из темноты и беззвучно подсказывали, что требуется сделать.

– Сол, наверное, – чуть виновато глянул на меня Тори и, не спрашивая больше ни о чем, поспешил следом за Йеном.

– Мастер Рэйш, а вы? – тихо спросил Роберт, не торопясь уходить. – У нас ведь с вами одна богиня.

Я взъерошил седые волосы мальчишки и улыбнулся:

– Смерть тебя любит. Вы с ней по-любому договоритесь. А я, пожалуй, рискну призвать Фола. В конце концов, мы с ним неплохо

знакомы. Авось, как говорит Мэл, не зашибет.

Роберт хотел было что-то сказать, но я молча развернул его и подтолкнул в спину. Я не облегчал его жизнь и не рисковал больше других. Это был всего лишь трезвый расчет: кроме меня, тяжести присутствия Фола никто бы из них не выдержал. А еще за ним остался должок. Главное, чтобы он сам вовремя об этом вспомнил.

Когда маги заняли свои места, я прищурился и в последний раз взглянул на громадину разлома своими глазами.

Тот, словно почувствовав что-то, засиял ярче. Мне даже показалось, с раздражением. Было ли оно живым, или же это просто игра воображения... Я ни тогда, ни потом об этом не думал. Но в какой-то момент мне все же почудилось, что на плоских гранях торчащих из него осколков все же проступило странное отражение: семеро магов, на лицах которых застыла мрачная решимость. Семеро безумцев, которые решили, что могут безвозбранно потревожить покой своих жестоких богов.

Четверо мужчин, две женщины и ребенок...

Казалось бы, на что тут рассчитывать?

Но я с облегчением услышал раздавшийся в оглушительной тишине голосок Триш:

– Малайя! К тебе зываю!

– Ирейя!.. – почти одновременно с ней произнесла Хокк.

– Сол!..

– Абос!..

– Рейс! – перекрыв голоса остальных, оглушительно, с нескрываемым вызовом рыкнул Мэл.

– Ферза, тебя прошу о помощи, – едва слышно донеслось до меня слева, после чего мой затылок обдул знакомый ветерок.

Я снова взглянул на отражение, внезапно показавшееся мне гораздо ближе, чем раньше. Хотя, может, это произошло лишь потому, что наши фигуры непостижимым образом вытянулись и стали выше? Не сами по себе, нет. Лишь потому, что в это же самое время за спиной каждого из нас бесшумно выросла гигантская тень.

Вот над головой Хокк вспыхнуло два кроваво-красных глаза под низко надвинутым капюшоном явившейся на призыв Ирейи. Стремительный росчерк такой же красной молнии. Торжествующая и немного жутковатая усмешка на бледных губах, и вот под гигантской

тенью алыми огнями вспыхивают еще два глаза. На этот раз простых, человеческих, только пылающих так, что на них было больно смотреть.

Хокк...

Вернее, уже не Хокк, а временное вместилище для могущественной темной богини.

Следом за ней неумолимо изменились фигуры Триш, Йена, Тори. Вот и над Мэлом угрожающе нависла огромная тень с зажатым в руке мечом. Явившийся на призыв Рейс был, как ожидалось, в бешенстве. Но брат все правильно рассчитал и по-своему все же отомстил свирепому богу – вынудил его принять то самое уродливое тело, которое так взбесило повелителя войн в первый раз.

Последним изменилась фигурка стоящего неподалеку Роберта. Мальчик внезапно стал выше ростом, его плечи расправились, распрямились. Упавшая ему под ноги тень оказалась чернее ночи и, как водится, была готова поглотить все вокруг. Но голос, который раздался у меня за плечами, был ласков и нежен, как прежде.

– Ты уверен, что выбрал правильно, Артур? – вкрадчиво прошептала Тьма, когда на лбу Роберта расцвел перечеркнутый крест-накрест круг.

Я кинул быстрый взгляд на свое собственное отражение:

– Да, прекраснейшая. Мальчик для тебя важнее. Поэтому прости меня за дерзость, но... Фол, к тебе взываю!

Нависшая надо мной тяжелая тень одобрительно заворчала и рухнула вниз всей своей немаленькой массой. После чего в моей голове помутилось, и все, что я о себе помню, это два бешено горящих в отражении глаза, из которых во все стороны брызнула на редкость густая, первобытная, свирепая и всецело покорная мне Тьма.

...Глава 20 ...

Согласиться стать вместилищем для темного бога – все равно что подписать себе смертный приговор. Боги грузны, неповоротливы и слишком сильны для хрупкого человеческого тела. Всего одно неловкое движение, и во все стороны полетят кровавые ошметки.

Я, если честно, вообще не рассчитывал на возвращение, поэтому изрядно озадачился, в какой-то момент осознав себя не только живым, но и более-менее целым. Мне даже память не стерли, как ни странно. Я помнил все, что было до момента слияния с Фолом. И только потом – провал, будто кто-то выключил свет.

Собственно, пока меня не было, на темной стороне ничего существенного не произошло. Ну, если не считать того, что все статуи на заснеженном поле обратились в пыль, на месте уродливых деревьев красовались глубокие ямы с оплавленными краями, пугающие шары над нашими головами исчезли, а все до единого «кустики» превратились в бесформенную пузырящуюся массу, от которой к тому же жутко воняло.

Ах да, мои руки теперь покрывал знакомый серебристый доспех, так что, похоже, с пробуждением Фола Ал тоже очнулся и, вполне вероятно, вернул себе прежнюю силу. Вот только что я делал возле самых Врат, было не очень понятно. Другие боги почему-то не захотели лезть в самое пекло. А вот меня, то есть себя, конечно, Фол не пожалел, и я очнулся в тот самый момент, когда он, окутанный зеркальной броней, стоял у подножия Врат и задумчиво рассматривал слегка подкопченную, дымящуюся, но ничуть не пострадавшую громаду.

Ощущения при этом были на редкость странными. Я вроде и сознавал себя, но тело мне больше не подчинялось. Смотреть я тоже мог, но лишь до тех пор, пока владыка ночи это позволял. Я почему-то ничего не слышал. А может, на темной стороне просто не производили шума. Боги, как выяснилось, общались исключительно мыслеобразами, поэтому я совершенно точно знал, что они пытались

уничтожить Врата. Примерно представлял, сколько на это угрохали и своих, и наших резервов. Смутно чувствовал глухое раздражение соседа по телу и отчего-то подумал, что я не сам по себе вдруг очнулся, а был разбужен лишь потому, что великому темному богу внезапно потребовалась помощь.

– Магия эту штуку не берет, – на пробу пробормотал я, сидя в самом дальнем и темном углу своего собственного разума.

Мне показалось, что пространство вокруг глухо заворчал, но никаких репрессий за своеволие не последовало: Фол все еще думал. И похоже, понятия не имел, каким образом можно воздействовать на разрушающую наш мир дыру.

Абсолютная, если не сказать унижительная, беспомощность бога слегка выбила меня из колеи, но внезапно пришедший на ум образ, который стал для меня сродни оплеухе, наглядно напомнил, что для богов, так же как и для нас, это была совершенно непонятная напасть. К тому же ее непосредственной причиной стал человек, темный маг, поэтому неудивительно, что Фол был, мягко говоря, не в духе.

Когда он повернул голову, позволив мне рассмотреть поле повнимательнее, я успел заметить, что остальные боги тоже приобрели зеркальные доспехи. Видимо, с разрешения Фола. Однако в отличие от владыки ночи все они по-прежнему оставались на своих местах, даже не порываясь сойти с постаментов.

«Связь с миром, – словно в ответ на вопрос, мелькнула в моей голове недовольная мысль. А затем еще одна: – Пытаемся сохранить».

Я не понял, к чему именно относится последняя фраза – к моим друзьям или же к собственно миру, но постарался думать потише, чтобы не отвлекать владыку ночи от размышлений.

Фол же тем временем откровенно колебался. Насколько я понял, Тьмой он уже пытался закрыть разлом, и, судя по отголоскам его воспоминаний, неудачно. Потом он попробовал объединить силы с другими богами, и это тоже ни к чему не привело. Рейс даже рискнул воздействовать на разлом и на то, что оттуда лезло, физически. Так что сейчас его выщербленный, утративший прежний лоск меч медленно тонул в разверзшемся наверху зеве.

И вот, когда боги все испробовали и многократно потерпели неудачу, Фол надумал обратиться к своему нерадивому творению. Ну знаете, по принципу: спроси дурака – вдруг чего умного скажет?

«Мне нужна твоя память! – довольно хлестко ударила меня чужая мысль. – Мы успели забыть слишком многое!»

От громогласного рева у меня мгновенно потемнело в глазах, и я едва не отправился туда, откуда только что вылез. Но Фол успокоился так же быстро, как и рассвирепел. Видимо, сообразив, что в мертвом виде от меня еще меньше пользы, чем в живом.

– Прости, – пробормотал я, не испытывая особого восторга от мысли, что кто-то, пусть даже владыка ночи, собирается копаться в моей памяти. Сам же Фол не церемонился и в считанные мгновения вывернул всю мою подноготную наизнанку. Я себя враз почувствовал нежной устрицей, которую грубо вскрывают и вилкой выковыривают из раковины нутро. Причем устрица до последнего была вынуждена оставаться в сознании, хотя была бы не прочь позорно грохнуться в обморок, лишь бы не испытывать больше такого кошмара.

К тому же осторожности Фола явно не учили, и его вмешательство оказалось не только грубым, но и крайне болезненным. Так что, когда он закончил, не материться у меня уже не получалось, а уж о том, чтобы делать это как-то помягче, я и вовсе не думал.

Рухнув в свой угол грязной, тухлой и гнусно использованной половой тряпкой, я был так зол, что без стеснения помянул весь наш светло-темный пантеон во главе с его основателем. Смачно. Грубо. Злым сорванным голосом высказав все, что я думаю об их методах добиваться добровольного сотрудничества. Тварь! Я же по своей воле его призвал! Нельзя было как-то поаккуратнее?! Хотя бы вид сделать, что стараешься?!

Фол на мои претензии не отреагировал.

И это неожиданно взбесило настолько, что со злости я не только выбрался из своего угла, но и каким-то образом перехватил управление собственным телом. Не над всем, конечно. Кто бы мне такое позволил? Но хотя бы над правой рукой контроль я вернул. Исключительно ради того, чтобы выломать из проклятого разлома хотя бы один острый кристалл и от души нацарапать на другом кристалле какое-нибудь матерное слово.

Стоило мне ухватиться за ближайший выступ, как руку мгновенно обожгло.

Похоже, порезался. Да, прямо сквозь доспех, потому что даже присутствие Ала от травм уже не спасало. Мать вашу так! Ну да и

Тьма с ним! Я же не думал, что, даже имея возможности бога, это будет так просто?

Фол, как ни удивительно, не вмешался, когда я принялся остервенело выдирать из кристалла первый попавшийся кусок. И не обратил внимания, что из порезанной ладони медленно и неохотно сочится кровь. Когда же у меня с ходу не получилось выломать проклятый осколок, я окончательно озверел, а затем принялся остервенело долбить в его основание кулаком. И это сработало! Так что спустя сравнительно небольшой отрезок времени я стал счастливым обладателем кривого, тонкого, зато невероятно острого лезвия, которое умудрялось резать мою кожу просто прикосновением к ней!

И вот когда я в бешенстве его сжал, зло уставившись на неподатливую махину разлома, то неожиданно обнаружил в отражении одну любопытную вещь – оказывается, чем сильнее я сжимал проклятое лезвие, тем охотнее оно сгибалось под моими пальцами. Напившись кровью из порезанной руки, оно стремительно утрачивало прежнюю твердость! Становилось мягким, податливым, но что самое главное – оно истаивало прямо на глазах!

Я поднял на отражение растерянный взгляд и тут же почувствовал, как губы сами собой расползаются в чужой, откровенно торжествующей ухмылке.

– Кровь, – прошептал я, хотя наружу не вырвалось ни единого слова. – Эта вещь чужеродна и губительна для нас точно так же, как наша кровь губительна для нее... Фол!

Но темный бог уже встрепенулся, и контроль над собственным телом я снова утратил. После чего мог только издали следить за тем, как темный владыка без особых церемоний вскрывает мне вены на левой руке. Как то же самое одновременно делают и остальные боги. Как, повинувшись мысленному приказу, щедро льющиеся на землю алые ручьи безропотно поднимаются в воздух. И, собравшись в одну гигантскую каплю, со всего размаху обрушиваются на рвущий мироздание бело-синий кристалл, расплескиваясь по его поверхности идеально ровным слоем.

Как только это произошло, все поле под нами содрогнулось, будто в агонии. Земля под моими ногами задрожала, а затем и заходила ходуном. От разлома в сторону постаментов протянулись глубокие

трещины. На том месте, где недавно стояли деревья и росли кривые кусты, земля вовсе вздыбилась, словно боги сожгли лишь верхнюю часть чужеродной дряни, но почему-то позабыли про корни. И вот теперь эти корни почти одновременно выстрелили вверх, стегая воздух длинными, усыпанными острыми кристаллами плетью. Небеса над нами потемнели еще больше. Сам разлом резко съежился, словно жирная пиявка, которую щедро посыпали солью. Поверхность составляющих его кристаллов начала стремительно темнеть. Они начали нервно дергаться, будто в приступе бешенства. Какие-то скукожились, как засохшие бутоны на ветках. А некоторые, наоборот, вздулись, словно созревшие на коже нарывы.

Еще через некоторое время хлещущие по воздуху щупальца окончательно порвали землю и с огромной скоростью поползли назад. К той дыре, откуда вылезли. И я смог воочию убедиться, что *это*, чем бы оно ни было, на самом деле являлось живым. Неправильным, ненормальным, чуждым для нас, но все-таки живым существом, которое столетиями питалось энергией нашего мира.

Поняв, что первой порции крови не хватило, Фол располосовал мне вторую руку, и как только боги собрали еще одну громадную каплю, она тоже полетела в пролом. При этом если в первый раз владыка ночи метил ближе к краю, то сейчас кровавая капля улетела точнехонько в центр. Прямо в широко разверстую пасть неведомого зверя, в которой хлысты выполняли роль обычных щупалец, а кристаллы, вероятно, были чем-то вроде зубов.

После этого воздух прорезал долгий, жуткий, чудовищно громкий рык, от которого даже Фол не удержал равновесия и кубарем откатился прочь от разлома.

Я искренне понадеялся, что ноги-руки мне потом лечить не придется. Но как только я встал, мысль о здоровье исчезла: с разломом творилось нечто совершенно невообразимое. Он содрогался уже без остановки. Его нутро окончательно почернело, будто сожженная кислотой громадная глотка. Оттуда то раздавался знакомый рев, то выплескивалась бело-синяя, частично смешанная с алой кровью жижа. Сразу после этого она снова засасывалась обратно, как если бы монстра дико тошнило, но по каким-то причинам он не мог выплюнуть то, что глотнул, наружу. Еще через миг изуродованная, жестоко покореженная и сожженная до основания «глотка» и вовсе втянулась

куда-то внутрь. Оставив вместо себя медленно вращающийся вихрь, а затем, когда он уплотнился, на ее месте возникла тонкая, грязно-серая, подозрительно подрагивающая пленка, которая до боли напоминала готовое разлететься на куски старое зеркало.

Фол... а может, и я... проворно отпрыгнул назад, едва не споткнувшись о забытый кем-то осколок. Замешкался, чтобы от души его пнуть туда, откуда он когда-то прибыл. В жутковато изогнувшейся пленке, которая стала для нас своеобразным щитом, я еще успел заметить, как обессиленно опускаются за моей спиной шесть почти одинаковых фигур. Одновременно с этим разлом наконец-то схлопнулся, а его края с оглушительным грохотом сомкнулись. И в тот же миг накрывавшая его пленка разлетелась на миллионы сверкающих осколков. Тонких, мелких, острых как бритва, способных изрешетить не только меня, но и вообще все вокруг.

Я даже не думал, когда вскидывал руки в попытке создать защитное облако из Тьмы, которая по-прежнему была мне послушна. Но к сожалению, слишком поздно сообразил, что опасаться нужно было не осколков. И ставить щит вовсе не от мельчайших кусочков разлетавшегося в разные стороны стекла.

Нет.

То, что накрыло нас темной тучей, не так давно было воспоминаниями тысяч и тысяч людей, которые не успела сожрать изгнанная богами тварь. Чтобы от них защититься, надо было ставить ментальный щит. Но я не мог создать его сам – магия разума мне была недоступна. Я успел об этом лишь попросить, вернее, потребовать у своего могущественного соседа, однако Фол отчего-то промедлил. То ли замешкался, а то ли, что вероятнее, у него уже не хватило на это сил. Поэтому, когда нас накрыла сплошная лавина того, что в народе называли «проклятием королей», у нас, вернее, у меня, не оказалось от него защиты.

И я упал...

Да, наверное, все-таки упал. Всего за миг до того, как под бешеным напором чужих образов, голосов и эмоций все, что когда-то было мной, с оглушительным звоном разлетелось на куски.

Когда я осознал себя заново, вокруг было тихо и темно. Этакая умиротворяющая, спокойная и благодатная тишина, от которой не нужно ждать никакого подвоха.

Впрочем, я его и не ждал. Мне было хорошо. Причем настолько, что довольно долгое время у меня не возникло потребности ни осмотреться, ни встревожиться, ни пошевелиться.

О том, сколько времени я провел в этой темноте, тоже не было необходимости думать. Собственно, понятия времени здесь попросту не существовало. Я просто был. Болтался неприкаянной искоркой посреди бескрайнего черного океана. И откуда-то знал, что именно здесь и сейчас мне ничего не грозит.

Правда, в какой-то момент в темноте что-то изменилось.

Я услышал, а может, почувствовал зов. Долгий, настойчивый, идущий из такой невообразимой дали, что если бы не стоящая вокруг абсолютная, ничем не нарушаемая тишина, я бы его скорее всего не разобрал.

– Артур... – вдруг совершенно отчетливо шепнула клубящаяся вокруг меня чернота. – Вернись.

Куда вернуться? Зачем?

Этого я не понимал, но вскоре мне стало любопытно. Да, всего-навсего захотелось узнать, кто и зачем меня зовет. И почему это вдруг показалось важным.

– Артур...

Я повернул голову и именно тогда осознал, что у меня все-таки есть тело. Самое обычное. Человеческое. И это было настолько обыденно, что я даже удивился тому, почему не заметил этого раньше.

А голос, между прочим, так и продолжал звучать в темноте. Тихий, печальный, но при этом на удивление ласковый. Теплый, смутно знакомый и определенно женский голос, услышав который в третий раз я вдруг понял, что очень хочу за ним последовать.

Сделать это оказалось несложно. Как только в голове оформилась нужная мысль, темнота без промедления расступилась и я смог увидеть себя целиком. Две ноги, обутые в высокие кожаные сапоги, такие же кожаные штаны, чересчур плотно обтягивающие бедра. Льнувшая к коже тонкая рубашка. Туго затянутый пояс, на котором ощущались какие-то неровности. Видавший виды плащ, в котором вроде не было необходимости. А на голове...

Я машинально провел руками по макушке и с недоумением снял с себя такую же потертую шляпу, которая, стоило лишь подумать о том, что она не нужна, бесследно растаяла в воздухе, словно была ненастоящей.

Слегка растерявшись от таких новостей, я расстегнул завязки плаща и, проследив за тем, как он тоже послушно исчезает из виду, с любопытством помял ворот рубахи. Ткань была легкой, на удивление мягкой и приятной на ощупь. Если бы не угнетающий черный цвет, который делал меня почти неотличимым от скопившегося вокруг мрака...

Ворот дрогнул и послушно осветлился, вызвав у меня удовлетворенный кивок.

Так гораздо лучше. Так я хотя бы похож на человека.

Я ведь человек, правда?

Простой, в сущности, вопрос застал меня врасплох – до этого момента я об этом как-то не задумывался. Поэтому прежде, чем давать на него ответ, взглянул на свои руки. Ну что сказать... руки как руки. В меру ухоженные. С длинными пальцами и широкими ладонями. Кожа не грубая, хотя, по моим ощущениям, это было неправильно. Ни рубцов, ни шрамов на ней тоже не оказалось. А вот украшение имелось: массивный серебряный перстень на правой руке, внешний вид которого показался мне смутно знакомым.

Задумчиво покрутив кольцо, я не ощутил внутреннего протеста от присутствия на теле чужеродной вещи, поэтому решил его не снимать. Перстень слегка потеплел под моими пальцами. Откликнулся. После чего я решил, что он действительно мой, и оставил кольцо в покое.

Так. И что мы будем делать дальше?

Я снова покрутил головой, но голос из темноты больше не звучал. Но раз уж я себя осознал и обрел какое-никакое, но все же тело, то оставаться на месте показалось мне глупым. Надо было осмотреться, что ли? Понять, что это за место? Кто тут живет? И какого демона я тут, собственно, торчу?

Кстати, о демонах...

Что-то неуверенно шевельнулось в памяти, словно когда-то для меня это было не просто слово, а вполне даже понятный термин. Но вспомнить, что именно он означает, я не сумел. Правда, и беспокойство по этому поводу меня не терзало. Не вспомнил сейчас –

вспомню чуть позже. В конце концов, в этом мире для меня нет угрозы. А если и есть...

Я ненадолго прислушался к себе.

Нет. Ни малейшей угрозы. Просто потому, что я был дома. Именно так я ощущал это место. И только поэтому не волновался, когда делал свой первый шаг.

Словно уловив мое желание, темнота снова беззвучно расступилась, и теперь я видел намного дальше, чем мгновение назад. Мир, в котором я оказался, все же был черен как ночь, но отнюдь не непроницаем для моего взора. А еще он не выглядел пустым. Тьма переливалась, свивалась вокруг меня кольцами, незримо сопровождала, куда бы я ни двинулся. Послушно расступаясь спереди, она тут же смыкалась за спиной. Податливая и уступчивая. Загадочная и красивая. Живая и на удивление отзывчивая. Она, словно заботливая мать, сопровождала меня на этом пути и ни разу не попыталась заступить дорогу.

Довольно быстро я обратил внимание, что к тому же была неоднородной. Та, что находилась вдали, выглядела темнее и гуще. Она походила на бескрайний океан, в недрах которого могли прятаться воистину гигантские глубины. Но рядом со мной казалась чуточку светлее. Она льнула к моим рукам, как родная, тихонько гладила кожу, шевелила волосы на затылке, незримо присутствовала везде, куда бы я ни повернул. И едва заметной стеной отгораживала от другой темноты. От той, что дальше. Как тонкая, но невероятно прочная пленка, служащая одновременно и защитой.

Обнаружив это необычное явление, я остановился и протянул руку, желая убедиться в собственных выводах. И не отпрянула. Напротив, прильнула еще теснее, потерлась о мои пальцы, игриво пощекотала кожу на ладони. И пока я подыскивал подходящее определение для нахлынувших ощущений, она вдруг уплотнилась, стянулась к моим ногам и превратилась в угольно-черный силуэт большого лохматого пса, который уставился на меня из темноты такими же черными глазами.

Собака... Ну конечно. Темнота вела себя как преданный пес, верный друг, в наличии которого я ни разу не усомнился.

Найдя, наконец, нужное слово, я удовлетворенно хмыкнул. А когда пес радостно запрыгал, разевая пасть и всю размахивая

пушистым хвостом, я неожиданно даже для себя рассмеялся.

Звук моего голоса разнесся в темноте, как круги от брошенного в воду камня. Пес, так же внезапно замерев, пытливо заглянул мне в глаза и без предупреждения сменил форму. Сперва это был крупный кот, который с довольным видом потерся о мои ноги. Затем большая черная птица, которая торжественно и абсолютно бесшумно сделала вокруг меня почетный круг. Наконец птица обратилась в туман, который вновь образовал плотную дымку. И лишь после этого из тумана на меня взглянуло самое обычное, хоть и совершенно незнакомое человеческое лицо, на котором нарисовалось вопросительное выражение.

– Ты бываешь разной, – кивнул я, без труда уловив смысл всех этих изменений.

Тьма улыбнулась в ответ и тихо зашептала. Казалось, что не вслух, а прямо у меня в голове.

– Нет, – снова ответил я, не испытав по этому поводу ни малейшего удивления. – Ограничивать тебя не буду. Оставайся какой захочешь. Я приму тебя любой.

Лицо, озарившись еще одной мягкой улыбкой, тут же исчезло, а вместо него передо мной соткался человеческий силуэт.

Девушка...

Я запоздало вспомнил, что хотел ее найти, и Тьма, улыбнувшись в третий раз, поманила меня пальцем. Жаль, что ее лицо было закрыто плотной вуалью, но приказывать ей открыться было уже поздно. Я дал ей свободу. Подарил право самой выбирать тот облик, который ей нравится. Поэтому я только кивнул и без колебаний пошел за необычной подругой, ни на миг не усомнившись, что поступаю правильно.

Что-то в ней было... знакомое. Уютное. Родное, что ли?

Девушка вдруг остановилась и, будто услышав мои мысли, тихо рассмеялась. Всего на миг. На долю мгновения, за которое я понял, что она и впрямь меня понимает. После чего на месте девушки образовался черный вихрь. Еще через миг он с тихим шорохом прильнул к моей ладони. В мгновение ока промчался по груди, поцеловал в щеки, коснулся губами лба. И тут же отпрянул, снова соткавшись в стройный девичий силуэт, который при виде моей растерянности во второй раз беззвучно рассмеялся.

– Ты – это я, – наконец-то дошла до меня простая истина.

Девушка снова хихикнула.

– Хорошо. Не совсем я. Но, наверное, часть меня?

– Ты веришь мне, Артур? – тихо шепнула ночь, сгустившись за моей спиной черными крыльями.

Я подумал и, не отрывая взгляда от девушки, кивнул.

– Хорошо, – едва слышно вздохнула темнота, а незнакомка снова протянула мне руку. – Тогда иди. Какими бы ни были твои возможности, даже тебе не стоит находиться там, где долго не было света.

Совету я внял и снова двинулся вслед за проворно упорхнувшей леди, но на всякий случай продолжал прислушиваться к тишине. Чужие слова отчего-то запали в душу. Я не понимал их, но выкинуть из головы не мог, поэтому, наверное, был более внимательным, чем поначалу. И когда неподалеку мелькнула и пропала еще одна тень, успел ее заметить.

Мое ощущение того, что темнота обитаема, подтвердилось. Однако не принесло с собой ощущения тревоги. Напротив, мне стало любопытно, поэтому, сделав девушке знак подождать, я направился туда, где, как мне показалось, скрывалось нечто интересное.

Идти, к счастью, долго не пришлось – темнота расступалась передо мной с такой готовностью, что непонятную тень я смог рассмотреть издалека. Плоский, как блин, абсолютно черный, лоснящийся, словно от выступившего сверху масла, непонятный... объект. То ли длиннющая водоросль, плавающая в темноте, как рыба в океане. То ли живое существо.

Я не удержался и подошел вплотную. Но странное нечто, размеры которого превышали мои почти втрое, отчего-то не захотело знакомиться. Стоило лишь мелькнуть моей белой рубашке, как чудо прыснуло в сторону и, наверное, даже сумело бы удрать, если бы я не ощутил неудовольствия и не изъявил желания взглянуть на него поближе.

Стоило этой мысли оформиться, как клубящаяся вокруг темнота подалась вперед и, извернувшись, буквально выплюнула непонятное существо мне под ноги. Издав жалобный писк, оно плюхнулось на то, что я именовал для себя полом. Все скрючилось. Скукожилось. Попыталось свернуться в клубок. Но тут его пришлепнуло сверху

невидимым кулаком, отчего странная тварь с обиженным всхлипом распласталась передо мной во всю немаленькую длину.

Обойдя ее по кругу, я наклонился и, приподняв край «водоросли», тихо присвистнул, обнаружив под ней сплошной ковер из треугольных зубов. Ничего себе «покрывалко» плавает по океану. Такое как ухнет сверху, как грохнется на голову, так и все – считай, пиши пропало.

Впрочем, убивать необычное создание я не захотел: мой интерес был сугубо академическим. Поэтому, отпустив скользкий край, я отступил в сторону. А тварь, почувствовав, что свободна, проворно отползла назад и, извернувшись всем телом, шмыгнула обратно в темноту.

Я обернулся и, наткнувшись взглядом на терпеливо ожидающую в стороне девушку, сделал успокаивающий жест. Она кивнула, а потом запрокинула голову и выразительно посмотрела наверх.

– Туда так туда, – не стал спорить я и не удивился, когда прямо у меня перед носом из темноты стали одна за другой проступать широкие ступени.

Девушка, тут же вспорхнув на невесть откуда взявшуюся лестницу, одобрительно кивнула, но я уже понял, что в этом месте все будет так, как я того пожелаю. Оно было частью меня. Так же, как и я теперь был частью этого места. Я его видел, чувствовал, понимал. А оно, в свою очередь, охотно откликалось на мои желания.

Подниматься по лестнице в полной темноте было бы скучно, если бы не то, что ступени возникали прямо передо мной и исчезали, стоило лишь убрать с них ногу.

Мне показалось это забавным, поэтому я даже поэкспериментировал и пару раз спрыгивал с лестницы, со смешком убеждаясь, что упасть мне не грозит. Что бы я ни делал и как бы ни хулиганил, под ногами всегда находилась твердая опора. При этом я по-прежнему двигался наверх. Причем довольно быстро. Но создавалось впечатление, что лестница, по которой мы шли, была повсюду. Поэтому, куда бы я ни ступил, это все равно было бы движение к поверхности. Ровно до тех пор, пока мне не пришлось бы в голову вернуться на дно.

На дно я, правда, не захотел – мне было любопытно узнать что-то новое. Наверное, именно поэтому, когда где-то в стороне мелькнула крохотная искорка, я снова не утерпел и сошел с пути.

Топать в такую даль, правда, не хотелось. Однако и оставить без внимания слабый огонек я не мог. Поэтому немного подумал, сформулировал желание. И спустя всего миг, за время которого темнота снова умудрилась вывернуться наизнанку и расступиться, пропуская меня туда, куда я пожелал, передо мной открылась необычная картина.

Это было похоже на комнату – не слишком большую, шагов двадцать в длину и почти столько же в ширину, – со всех сторон окруженную той самой чернильной темнотой, которую я воспринимал как далекий и безбрежный океан. Правда, здесь он больше походил на слежавшийся уголь. Плотный и неподатливый. Из этого же материала оказались выстроены пол и потолок. И из него же, по-видимому, произрастал большой, подозрительно гладкий валун, на вершине которого я с удивлением распознал неподвижно сидящего человека.

Клубящаяся вокруг него темнота не помешала увидеть его скрещенные ноги и босые пятки, выглядывающие из-под наброшенной на тело серой хламиды. Худое, аскетичное лицо, лишенное бороды и усов. Поджатые, словно от досады, губы. Выдающийся вперед подбородок. Болезненно заострившиеся скулы. Глубокие провалы глаз, которые были прикрыты морщинистыми веками. И гладко выбритый череп, на котором играли невесть откуда взявшиеся блики...

Пока я разглядывал странного смертного, темнота расступилась окончательно и моя рубашка стала похожа на белое знамя, которое совершенно неуместно смотрелось посреди кромешного мрака.

Быть может, именно это яркое пятно заставило очнуться ушедшего в себя мужчину. А может, что-то другое привлекло его внимание. Но прежде чем я успел понять, отчего его лицо мне показалось знакомым, он распахнул глубоко посаженные, абсолютно черные глаза. Мгновенно отыскал меня взглядом. Вздрыгнул. Едва не отшатнулся. После чего кубарем скатился с громадного валуна и, замерев у стены, неверяще прошептал:

– Ты?!

Я вопросительно поднял брови. Значит, мы встречались раньше?

– Чтоб я сдох... – тем временем выдохнул чужак. – Артур! Какого демона ты здесь делаешь?!

...Глава 21 ...

Встретить посреди мира, в котором я оказался, живого человека было удивительно и чем-то даже приятно. Поэтому я полагал, что сейчас мы поговорим и мне станет ясно, что происходит. Однако пока я размышлял, какие лучше задать вопросы, искреннее потрясение на лице бритоголового внезапно сменилось такой же искренней, только почему-то злой радостью. А еще через миг его тело стремительно изменилось, из человеческого превратилось в нечто уродливое и зубастое. После чего злобно каркнувшая тварь высоко подпрыгнула, расправила крылья, разразилась торжествующим воем и, выставив острые когти, с огромной скоростью ринулась в мою сторону.

Меня такая реакция привела сначала в замешательство, а потом окрасила мой эмоциональный фон в цвета разочарования и досады.

Ну вот. Еще один монстр вместо нормального собеседника...

Тьма за спиной недовольно заворчала и, окутав меня тяжелым плащом, без предупреждения расползлась во все стороны.

Тварь тем временем злобно щелкнула пастью. Ее морда при виде выросшей на пути стены аж перекосилась от злости. Но, не успев затормозить вовремя, она лишь суматошно захлопала крыльями, а потом с устрашающим всхлипом на полном ходу вмазалась в неожиданное препятствие. Тьма плавно изогнулась, принимая на себя удар, напряглась и, негодуя взыв, без особых усилий отшвырнула странную тварь прочь. После чего нагнала. Поймала. Стиснула в колючих объятиях. А по дороге еще и скомкала бедолагу, будто старую тряпку. И только после этого со всего размаху ударила о дальнюю стену, по которой искалеченная тварюга медленно сползла вниз и уже оттуда жалобно простонала:

– Твою ж мать... больно! А говорили, что после смерти чувства отшибает напрочь даже у нежити!

Я без особого интереса оглядел неопрятную кучу мусора, в которую превратился непонятный тип. Но ни беспокойства, ни страха, даже запоздалого, так и не появилось. Тьма, ненадолго заполонив

комнату, с ворчанием уползла обратно за мою спину. Однако далеко не ушла. И предупреждая выстрелила вперед черными щупальцами, едва покалеченная тварь приподнялась и бросила в мою сторону раздраженный взгляд.

– Да понял я! – рыкнул бритоголовый, принимая первоначальный облик и с трудом поднимаясь на ноги. – Понял уже... не надо! Не трону я твоего хозяина, не дурак!

Тьма, поворчав для острастки, убрала от него когтистые лапы. Но незнакомец действительно делать глупостей больше не стал. Тяжело вздохнув, он доковылял до своего валуна, устало прислонился к нему спиной и бросил на меня еще один взгляд. На этот раз уже не столько раздраженный, сколько усталый.

– Значит, у тебя получилось, да? Хотя этого стоило ожидать. После храма, статуй и всего остального... одного не пойму: что ты забыл на нижних уровнях?

– Мы знакомы? – задал я крутящийся в голове вопрос.

– Что значит?.. – Бритоголовый аж поперхнулся. А потом оценивающе прищурился и задумчиво протянул: – Так-так-так... ну надо же, какая неожиданность. Хочешь сказать, ты меня не помнишь?

Я качнул головой.

– А себя?

Я ненадолго задумался, однако память была девственно чиста.

– Вот оно что, – присвистнул странный тип в хламиде. – Похоже, тебя расщепило! Неудивительно, что ты тарацишься на меня как на потенциального друга, а не врага!

– А мы были врагами? – на всякий случай поинтересовался я.

– Да как сказать... вообще-то ты меня убил.

– Наверное, было за что?

– А то, – вдруг ухмыльнулся бритоголовый и, отлепившись от валуна, шагнул ближе. Тьма за моей спиной снова заволновалась, но на этот раз мужчина ее не испугался. Только отмахнулся, как от досадной помехи, и, подойдя вплотную, оценивающе уставился на мое лицо. – Ты хоть помнишь, как тебя раньше звали?

Я пожал плечами:

– Артур Кристофер де Ленур.

– Кто?! – отшатнулся бритоголовый. После чего изумленно разинул рот, издал нечленораздельный звук, а потом вдруг согнулся

пополам и хрипло расхохотался. – Святой Род и его помощники... де Ленур! Ты?!

Я скептически оглядел задыхающегося от хохота мужика.

Ну и что его, позвольте спросить, рассмешило? Имя как имя. Единственное, которое вообще осталось в моей дырявой голове. Может, оно и вовсе не мое, потому что полного сродства к нему я, как ни старался, не почувствовал. Артур... да. На это имя во мне что-то отзывалось. А вот остальное – увы. Оно звучало как пустой звук, словно действительно не было моим. Или же когда-то было, но по какой-то причине перестало ощущаться как родное.

– Де Ленур... – тем временем продолжал биться в истерике бритоголовый. – Уму непостижимо! Это что же получается, что я сам... вот этими вот руками, тебя же и создал?!

Я озадаченно кашлянул.

– Святой Род и все его помощники, – чуть не захлебнувшись от смеха, закашлялся непонятный тип. – Вот уж и правда не зря говорят, что неисповедимы пути богов... наверное, в тот день, когда я захотел стать жнецом, они оставили мне жизнь лишь для того, чтобы впоследствии показать, как же я на самом деле ошибался!

Он наконец отсмеялся и, утерев рукавом выступившие слезы, уставился на меня как на диковинку, о сути которой сумел догадаться вот только сейчас.

– Ну надо же, де Ленур... где же ты прятался столько времени? Как сумел укрыться от моего взора... ах да, Гидеро! Это же он вернул в дом милосердия похожего на тебя безумца и поручился, что это именно де Ленур! Вот ведь паскуда! Вот подлец! – с восхищением пробормотал бритоголовый, а затем сокрушенно покачал головой. – Но идея была великолепна. Честное слово, Фол, я преклоняюсь перед твоим замыслом и тем фактом, что ты сумел уничтожить меня моими же руками.

Я вежливо промолчал, не зная, что сказать в такой ситуации. А мужчина, успокоившись, снова подступил ближе и уставился на меня с удвоенным интересом.

– Ладно. Вопрос о твоём происхождении оставим на потом – все равно ты ничего не помнишь. Расщепление – дело такое... от твоей личности сейчас остался лишь жалкий осколок. И можно считать чудом уже тот факт, что ты вообще живой и каким-то невероятным

образом сумел вспомнить хотя бы старое имя. Что еще у тебя уцелело в голове, враг мой?

Я поколебался, но все же решил, что скрывать правду нет смысла:

– Ничего.

– Тогда что же тебя сюда привело?

– Голос, – нахмурился я. – Меня вроде как... позвали?

На губах бритоголового мелькнула понимающая усмешка:

– Значит, в том мире еще остались те, кто тебя помнит. Это хорошо, Артур. Кому-то ты по-прежнему небезразличен. И если твои друзья не устанут тебя вспоминать, в конце концов ты найдешь дорогу. Хочешь, я тебе помогу?

– А ты сумеешь?

Мужчина вместо ответа махнул рукой, и справа от меня одна из стен преобразовалась в огромное зеркало.

Я непроизвольно отступил, чувствуя необъяснимую неприязнь при виде этого предмета интерьера. Но желание вспомнить оказалось сильнее невесть откуда взявшегося чувства, поэтому после короткой заминки я все же заставил себя вернуться и внимательно взглянул на свое отражение.

Смотрящий оттуда молодой парень произвел отнюдь не приятное впечатление. Было ему лет двадцать. Может, чуть меньше. Был он на редкость холеным, золотоволосым и голубоглазым, а в его одежде чувствовался не только хороший вкус, но и немалый достаток. При этом выражение лица у этого смазливого хлыща было самым что ни на есть презрительным. Капризные складки в уголках рта производили отталкивающее впечатление. А выражение глаз... если бы этот высокомерный щенок встретился мне в темном переулке, не думаю, что смог бы удержаться, чтобы не подправить эту надменную физиономию.

Тьфу. Неужели это я?!

– Ты, – со смешком ответил на мой невысказанный вопрос бритоголовый. – Такой, каким я тебя помню. Звали тебя тогда действительно Артур де Ленур. И у тебя, кажется, даже был какой-то титул... Ты помнишь своих родителей, Артур?

Я молча покачал головой. После этого незнакомец приблизился, встал рядом. Но при этом в отражении я увидел не человека, а все ту

же зубастую тварь, которая, встретившись со мной взглядом, вкрадчиво прошептала:

– Позволь, я тебе подскажу...

В тот же миг мне в руку спланировал клочок бумаги. Кусок старой, пожелтевшей от времени газетной вырезки, на самом верху которой чернела полуистершаяся надпись: «Столичный вестник». А чуть ниже виднелся написанный крупными буквами заголовок: «Ужасное происшествие в Белом квартале!»

У меня перед глазами все поплыло, а затем в памяти само по себе возникло содержание этой самой заметки:

После долгого расследования Королевский суд Алтира наконец-то огласил приговор юному графу Артуру Кристоферу де Ленуру и признал его виновным в совершении жестокого убийства... Два дня назад около часа пополудни граф Кристофер де Ленур был найден повешенным в собственном кабинете... убитая горем графиня Элеонора де Ленур выбросилась из окна собственной спальни...

Да, когда-то я уже видел эту страшную статью. Но только сейчас вспомнил, что именно после этого в моей душе что-то оборвалось. Глухие черные стены, которые сомкнулись вокруг меня, как тюремные решетки. Внезапное оцепенение. Оглушение. Такой же внезапный ужас. И холод... невыносимый, воистину смертоносный холод, от которого останавливается сердце.

Он и сейчас проснулся в моей душе, ненадолго вернув в то страшное мгновение. Зато я вспомнил... вспомнил, как именно стал темным магом. И после этого проклятая газета с шорохом смялась в моем кулаке, а затем вспыхнула серебристой искоркой и исчезла, больно уколов мою руку.

– Мастер Этор Рэйш, – снова шепнула зубастая морда в зеркале. – Ты помнишь его, Артур?

Я вздрогнул, когда во тьме зародилась и бесшумно спланировала в мою ладонь еще одна искорка.

Да. Теперь я вспомнил еще кое-что. И короткую вспышку боли, и затмившую ее пелену безумия, и собственные метания по смертоносному болоту. И те горько-серые дни на затерянном посреди

Алторийской трясины острове, где больше десяти лет назад меня встретил мой первый и единственный настоящий учитель.

– Верль, – в третий раз шепнула опасно близко стоящая тварь, предвкушающе облизнув черные губы.

Очередная искорка юркнула мне в руку, и я как наяву увидел острые шпили городской ратуши, хмурое лицо Йена, приветливо распахнутые двери городского храма и человека, который некогда меня там встретил, а чуть позже отправил в столицу.

– Лотий, – тихо выдохнул я, во все глаза глядя на скалящееся во все сто зубов отражение.

– Алтир, Рэйш, – напомнил бывший жрец. – Отец Гон... Палач... «двойной убийца»...

По мере того как он перечислял имена и названия, живущая во мне Тьма словно просыпалась. Та ее часть, что по-прежнему находилась снаружи, сворачивалась в тугие кольца, словно испытывала те же чувства, что и я, когда вспоминал свое невеселое прошлое. Шаг за шагом, имя за именем я по крупицам восстанавливал себя, одну за другой принимая в ладонь выскальзывающиеся из темноты искорки.

А может, это просто осколки?

Те самые, на которые разлетелась моя душа, а теперь, откликаясь на зов, неумолимо собиралась обратно?

И по мере того как я вспоминал, отражение в зеркале тоже менялось. Сначала смотрящий на меня смазливый юнец растерял былую привлекательность и стал заметно старше. Затем его лицо посуровело, обзавелось рубцами и шрамами. Тщательно уложенные золотистые локоны растрепались и превратились в седые лохмы. Смешливые голубые глаза выцвели. Надменная улыбка сменилась на недовольно поджатые губы...

И вот из зеркала на меня хмуро уставился настоящий я. Тот самый, которого я неожиданно вспомнил и при взгляде на которого что-то неприятно ворохнулось в душе.

Артур Рэйш...

Теперь я знал, почему мне близко именно это имя. Осознал, кем я был и как таким стал. Вспомнил друзей, врагов, даже нового брата, которого так неожиданно обрел. Я все вспомнил. Абсолютно все.

Правда, осталось кое-что еще, что не давало мне покоя.

– Как я оказался здесь? – осведомился я, порывшись в памяти и обнаружив, что она по-прежнему неполна. Не хватало нескольких месяцев. А может, и дней, которые я провел между тем, как вышел из первохрама совершенно другим человеком, и тем мигом, когда осознал себя на темной стороне.

– Этого не могу сказать, – пожал плечами Лотий. Он же Лот. Он же много кто еще. Убийца и палач, от рук которого погибло немало моих коллег. – Мои воспоминания простираются ровно до того момента, как ты бросил меня умирать во Тьме. А куда ты умудрился вляпаться потом, я, сам понимаешь, знать не могу.

Я нахмурился и повернулся к тому, кого так долго считал врагом.

– Что? – ухмыльнулся бывший жрец, когда мы пересеклись взглядами. – Хочешь закончить начатое?

– Нет. Пытаюсь понять, зачем ты мне помогаешь.

– Скучно тут, Рэйш, – неожиданно признался Лотий. – Скука прямо-таки смертная. Поэтому я подумал: а почему бы и нет?

Я хмыкнул:

– Надеешься, что это поможет искупить грехи?

– Искупить не получится, – с сожалением покачал головой лжежрец. – А вот немного сократить срок... говорят, Смерть милосердна. Однако забвения, как сам видишь, мне не соизволили подарить, поэтому я вынужден торчать в этой дыре и сходить с ума от безделья. Один. В темноте. В четырех стенах, от одного вида которых меня уже тошнит... Оглянись, Рэйш! Разве не видишь, что это тюрьма?!

Я обвел глазами заполненную Тьмой комнату.

– Да, тюрьма, – с отвращением повторил Лотий, дернув за ворот своей... хм... тюремной робы. – Самая надежная клетка на свете, потому что с нижних слоев Тьмы даже мне самостоятельно не выбраться. А если и выберусь, то моя смерть станет окончательной, и второго шанса мне уже не дадут. Но! – неожиданно встрепенулся он. – Ты теперь тоже здесь заперт, и это прекрасно! Так что будем считать, что Смерть напоследок все же сделала мне роскошный подарок. Поскольку без памяти ты был бы плохим собеседником, то я решил, что надо это исправить. Теперь нам хотя бы будет весело. А, Рэйш? Как считаешь?

Я без особых эмоций взглянул на скалящегося жреца:

– Надеюсь, ты это не всерьез.

– А куда ты денешься? – рассмеялся Лотий. – Разбитая душа – это всегда смерть, Рэйш. Да, ты сохранил какую-то часть себя, и я помог тебе вспомнить остальное, но тело ты уже не вернешь. Неужели не понимаешь?

Тело? Я нахмурился еще больше.

В чем-то этот паскудник прав. Вылетевшая из тела душа – это всегда плохой признак для мага. Тело без души долго не живет. Интересно, сколько времени я пробыл во Тьме? День? Год? Все двадцать?

– Трое суток, Рэйш, – гадко хихикнул бывший жрец. – Ровно столько у тебя было времени, чтобы попытаться вернуться. Но мне отчего-то кажется, что ты перегулял свой срок, и теперь, как бы ты ни был хорош, каким бы великим и могучим не стал, в реальном мире тебя уже не ждут. И твоё тело благополучно догнивает под могильным камнем. Просто по той причине, что пока во Тьме пройдет хотя бы день, там, за чертой, могут пролететь столетия!

Я ненадолго прикрыл глаза, но поводок, который когда-то связывал меня с Мэлом, не отозвался. Он был оборван, и, похоже, давно. Ал тоже не отреагировал, но этому я как раз не удивился – с братом я был связан поводком душ, тогда как к алтарю прикреплен сугубо на физическом уровне.

Значит, и в этом гаденыш прав? Если во Тьме мое личное время останавливается, то одна мерная свеча может идти за сотню или даже тысячу таких свечей. И пока здесь догорает она одна, за пределами темной стороны хронометр продолжает неумолимо отсчитывать дни и недели. Сколько времени я тут провел? Определенно больше свечи. Поэтому – да, Лотий прав: мое время в реальном мире давно уже вышло.

Сказать, что эта мысль меня испугала, – нет. Скорее, я испытал досаду. Быть может, немного разочарования. И вместе с тем – желание убедиться, что мои выводы действительно верны.

– Хочешь, помогу еще разок? – неприятно ухмыльнулась зубастая рожа в зеркале, когда я снова повернулся к нему и окинул задумчивым взглядом. – В наказание силу у меня не отобрали. Вернее, отобрали не всю. Но понимаешь, бесит вдвойне, когда ты знаешь, на что способен, но при этом не можешь пробить какую-то дурацкую стену.

Не дождавшись от меня ответа, бывший жрец коснулся зеркала когтистой лапой, и изображение ненадолго померкло. Правда, поверхность зеркала темной оставалась недолго и спустя пару мгновений снова ожила, в невероятных подробностях показав мне полутемную спальню, при виде которой я озадаченно замер.

Спальня, как следовало догадаться, была моей. Кровать, комод у стены, даже плотно зашторенные окна. Но в то же время я был готов поклясться, что Лотий никогда не был в моем доме. Поэтому он не мог знать, не мог с такой точностью даже предвидеть!..

– Это и есть мое наказание, Рэйш, – криво улыбнулся жрец, когда я бросил в его сторону напряженный взгляд. – Мне дозволено иногда заглядывать в верхний мир. И поверь, удержаться от этого невозможно. Но каждый раз, когда я его вижу, то вспоминаю, что вернусь туда очень не скоро, если вообще до этого доживу. Это пытка, Рэйш. Намного изощреннее и страшнее, чем дыба, перекрестные заклинания или придумки королевских палачей.

Я молча перевел взгляд на зеркало и прикусил губу, обнаружив на кровати свое собственное тело, покрытое снаружи чем-то вроде очень плотного черного кокона. На темной стороне Тьма была везде – на прямых тропах, в небе, в кавернах. Когда я приходил, она неохотно отступала, оставляя за мной право решать. А теперь вон как – защищала, будто родного. И это было удивительно, но вместе с тем и приятно. Выходит, мы больше не враги, не соперники. Только благодаря ей я, получается, еще не гнил в земле. Правда, судя по обстановке и траурно задернутым шторам, обратно меня уже никто не ждет. Ни брата поблизости, ни Йена, ни Хокк, ни даже Нортиджа с заботливыми служанками...

Хотя нет. Кто-то заходит в комнату... похоже, девушка. Да. Незнакомая, красивая, со вкусом одетая и немного печальная леди, которую я, кажется, где-то видел, но никак не мог вспомнить.

Самое интересное, что девушка вела себя здесь свободно. К тому же она была магией. Светлой. И, судя по всему, целительницей. Прошуршав длинным платьем по ковру, она спокойно сняла перчатки и, бросив их на кресло, подошла к постели. При этом защитный кокон с готовностью разошелся, открыв ее взгляду мое осунувшееся лицо. Но леди, как ни удивительно, не испугалась. Вместо того чтобы отшатнуться, она присела на краешек постели и, наклонившись,

бережно отвела с моей щеки подозрительно длинную седую прядь. Причем я видел это так четко, словно стоял совсем рядом! Слышал, как бьется ее сердце! Да и Тьма без помех ее пропустила, словно знала, что она своя, родная. Более того, позволила сорвавшимся с кончиков пальцев искоркам спокойно впиться в мою кожу. Дала разрешение меня подлечить, восстановить силы. Именно ей, светлой!

Проклятье! Ну почему я ничего не помню?!

Хотя если и Лотий это чувствует, то это и впрямь настоящая пытка. Находиться так близко и не иметь возможности даже прикоснуться. Стоять на самой границе и быть лишенным возможности ее перешагнуть! Буквально чувствовать дыхание света, но быть целиком погруженным во тьму!

Для темного мага хуже испытания не придумаешь.

– Артур Рэйш, – тем временем тихонько позвала девушка, снова погладив мою щеку. – Возвращайтесь... вас здесь так ждут! Вы меня слышите, Артур? Пожалуйста. Станьте снова живым!

Я даже дышать перестал, неожиданно осознав, откуда я знаю этот голос. Именно его я слышал, когда впервые проснулся. Именно он заставил меня себя осознать! Наверное, он же и выдернул мою душу из небытия, где я пребывал до этого времени?

Но кто ты?!

Откуда взялась?! Отчего моя Тьма тебя признала? И почему именно ты зовешь меня так, словно мы давно знакомы?!

– Меня зовут Натали, – так же тихо шепнула девушка, наклонившись и запечатлев у меня на лбу целомудренный поцелуй. – Надеюсь, вы меня не забыли. А если все-таки забыли, то я хочу, чтобы вы знали: я о вас по-прежнему помню, Артур. И я прошу вас: вернитесь.

Я вздрогнул и неверяще провел ладонью по лбу, на который самым невероятным образом пахнуло живым теплом. Это, конечно же, самообман. Простое совпадение. То самое желаемое, которое очень хотелось бы принять за действительное. Но на мгновение мне почудилось, что я впрямь это почувствовал! А еще я вдруг понял, что действительно ее знаю! Что уже видел эти решительно поджатые губы. Вспомнил полумрак тесной ниши, раздающиеся неподалеку голоса и крепкий, но не слишком умелый поцелуй, от которого у меня в душе все перевернулось!

– Красивая леди, – оценивающе оглядела девушку стоящая рядом тварь. – Жаль, что ты ее больше не увидишь, Рэйш. На ближайшие десять лет мои возможности себя исчерпали, так что не мучай себя. Не думай. Просто живи с тем, что есть. И тогда, быть может, безумие тебя минует.

Зеркало передо мной тут же потускнело и погасло, оставив после себя глухое раздражение и еще большее разочарование, чем раньше. Но на Лотия я уже не смотрел. Я думал. Оценивал. После чего подошел к стене, положил на нее раскрытые ладони и ненадолго прикрыл глаза, не веря, не желая верить, что мой путь должен закончиться именно так, здесь и сейчас.

Не для того моя Тьма показывала дорогу наверх, чтобы позволить так легко остановиться.

Не для того я шел сквозь нее, настойчиво следуя за голосом, который заставил меня проснуться.

Нет, я не принцесса из сказки. И далеко не самый хороший в мире человек. Но что-то та девушка во мне все-таки затронула. Я вспомнил ее. Наш недолгий разговор, ее мимолетный испуг, удивительную для леди решительность и тихий смех, с которым она встретила мое недолгое замешательство. А еще я вспомнил то необычное чувство, которое она во мне пробудила. И теперь я снова захотел его испытать. Найти ее. Вернуть. Спросить. Понять. Просто посмотреть ей в глаза и убедиться, что мне не привиделось...

Когда я открыл глаза, зеркало снова было живым, однако на этот раз в нем отражался не я и не погруженная в полумрак спальня, а самая обычная улочка, каких было немало в Алтире. Кажется, когда-то я поставил здесь свою метку? Однако сейчас я думал вовсе не об этом. Я просто смотрел на раскинувшийся за зеркалом мир, узнавал в нем темную сторону Алтира и с удивлением понимал, что вижу ее иначе, чем раньше.

Когда-то темная сторона была для меня абсолютно мертвым миром. Мрачным, холодным, лишенным какой бы то ни было жизни, если не считать, конечно, населяющую его нежить. Здесь было неуютно. Неприятно. Меня всегда встречали темнота и ледяные ветра. Я чувствовал себя единственным выжившим в этом мертвом царстве. И сражался с ним так же, как сражался когда-то с самим собой.

Потом этот мир стал понемногу меняться, и я обнаружил, что в нем есть место не только для меня, но и для других существ. Сначала для гулей и шуршей. Затем для моргулов и вампиров. Со временем я впустил сюда даже людей. Но лишь много позже осознал, что в действительности это не темная сторона была мертва, а я когда-то умер. Это не она стремилась укрыть покореженные балки и дырявые крыши свежим снежком, а я хоронил в себе болезненные воспоминания.

Однажды Роберт Исадо уже открыл мне глаза, продемонстрировав тот мир, который был для меня недоступен.

И вот теперь я увидел его снова. Лишенный солнца, но отнюдь не темный в полном смысле этого слова. Немного мрачный, однако при этом удивительно притягательный. Особенный. Холодный, но совсем не мертвый. Укрытый глубокими снегами, но искусно раскрашенный разноцветными клубками виднеющейся в нем магии. Темной и светлой, смертоносной и исцеляющей...

Конечно, ожидать праздной толпы на этих улицах было глупо, но тем не менее жизнь здесь была. Она буквально кипела. Снизу, сверху. Внутри и снаружи утративших зловещий оскал домов. Просто нужно было иметь смелость ее увидеть. И с самого начала следовало принять ее такой, какая она есть.

Я смотрел перед собой и словно в первый раз видел яркие краски в этом некогда бесцветном мире. Он был настоящим. Глубоким. Бесконечным. Таким же цельным, как и тот мир, который царил снаружи.

Как я ни старался, но все же не смог убить его до конца. И все эти годы он старательно избавлялся от пепла, потихоньку стирал следы того страшного пожара, которым я выжег собственную душу. И вот когда копоть и руины скрылись под толстым слоем белого снега, когда над ним появились скупые мазки моих воскресающих эмоций, только тогда я понял, что на самом деле хочу туда вернуться. Не в обледеневшую пустыню, а просто в заснеженный город. Не на пепелище, а в самый обычный дом. На ярко освещенную кухню. Увидеть за большим столом всех, кто был и по-прежнему оставался мне дорог...

Все, что для этого требовалось, это просто сделать еще один шаг.

И я без колебаний его сделал, почти не удивившись тому, что Тьма спокойно расступилась и без возражений пропустила меня туда, куда я хотел попасть.

Когда под сапогами хрустнул снег и моего лица коснулся прохладный ветерок, я запрокинул голову и с наслаждением вдохнул морозный воздух, которого, как оказалось, мне не хватало. Горло тут же обожгло. На закрытые веки посыпались колючие снежинки, но, пожалуй, в первый раз за последние десять лет я был бесконечно рад это почувствовать. Ведь чувства – это именно то, что делает нас живыми. То, от чего я в свое время так решительно отказался и так неожиданно снова обрел.

Наверное, для этого стоило расколоть свою душу, а потом собрать ее заново?

И стоило принять помощь старого врага ради того, чтобы во всех смыслах обрести себя самого?

Я не успел додумать эту мысль, как ощутил, что рядом появился посторонний, и резко обернулся, отыскивая взглядом существо, которое посмело проявить ко мне повышенное внимание.

Застигнутый врасплох гуль испуганно замер, а затем поспешно припал на брюхо, заискивающе глядя на меня снизу вверх. Его уши прижались к уродливой башке, короткий хвост безостановочно загулял из стороны в сторону. Гуль был слегка напуган Тьмой, что молниеносно рванулась в его сторону. Но все же не удрал. Не атаковал. Не оскалился. Просто лежал и смотрел, словно откуда-то точно знал, что больше мне не соперник.

Я ощущал его как нервно трепещущий комочек, который сейчас всецело от меня зависел. Я мог убить его, просто приказав. А мог отпустить, как сделал это когда-то Роберт.

При этом я знал, что даже этот гуль – неотъемлемая часть меня точно так же, как я был неотъемлемой частью темной стороны. В каком-то смысле мы были очень похожи. Просто если раньше мне приходилось с ним воевать, то теперь в этом больше не было необходимости.

– Свободен, – спокойно бросил я, перехватив беспокойно-ищущий взгляд твари.

Гуль с облегчением выдохнул и, благодарно курлыкнув, поспешил убраться с улицы, пока моя Тьма не передумала и не сожрала его с

потрохами.

Когда он исчез, я повернулся к тому месту, откуда пришел, и задумчиво уставился на перегородившую улицу полупрозрачную стену, из-за которой на меня с безумной надеждой смотрел отец Лотий. Он снова выглядел человеком, казался растерянным и взбудораженным одновременно. Но в отличие от меня за перегородку ему не было ходу, поэтому его пальцы, больше похожие на когти, лишь царапали стену, будучи не в силах ни пробить ее, ни заставить прогнуться.

– Рэ-э-эйш... – как сквозь вату, донеслось до меня отчаянное. – Рэйш, помоги! Ты ведь можешь!

Я промолчал, а затем почувствовал рядом еще одно существо и, повернув голову, уже без опаски взглянул на спикировавшего сверху моргула.

Тварь была в капюшоне, как раньше, поэтому я видел лишь мрачно посверкивающие из тьмы желтые глаза. Как и гуль, моргул не спешил атаковать. Просто приземлился и замер, пристально разглядывая меня и словно пытаюсь понять, насколько сильно я изменился.

– Тебя было с-сложно найти, – наконец прошипел он, выпростав из-под драного плаща устрашающего вида когтистую кисть. – Но молодой хоз-зяин за тебя прос-сил.

«Роберт?» – успел подумать я, прежде чем моргул согнулся и выплюнул из пасти несколько сверкающих искорок. Не душа. Сплошные осколки. Но при виде их у меня гулко ударило сердце, а губы сами собой растянулись в улыбке.

– Отдаю тебе долг, Р-рэйш, – прошипел моргул, протягивая руку с тем, чего мне так не хватало.

Я благодарно кивнул и, сжав в ладони недостающие фрагменты собственной души, взглядом указал нежити в сторону крыш. Тот понял – отступил и исчез, успев издать напоследок подозрительно громкий смешок. А Тьма, едва добравшись до последних осколков памяти, торжествующе взвыла и на мгновение полыхнула так, что если бы моргул не поторопился, то мог бы лишиться не только плаща, но и зубов.

Впрочем, подруга успокоилась так же быстро, как и взбеленилась. Поводов злиться у нее по большому счету не было. Там, возле Врат, я

принял решение самостоятельно. А теперь все, чего я хотел, это вернуться домой.

– Рэ-э-эйш! – едва слышно проскулил из-за перегородки Лотий, когда я открыл тропу и собрался уйти. – Прошу тебя: помоги!

Вспомнив о нем, я ненадолго задержался и, перехватив умоляющий взгляд лжежнеца, замедленно кивнул:

– Я дам тебе подсказку...

Лотий настороженно замер. А я тем временем создал на ладони небольшой сгусток темного пламени. Подбросил его в воздух. Пару мгновений полюбовался его переливами. После чего улыбнулся. Прикрыл глаза, вспомнив все, о чем так некстати забыл. Снова взглянул на свою руку. Едва не рассмеялся, обнаружив, что держу на ладони не сгусток первородной Тьмы, а загадочно переливающийся комок из такого же чистого света. И, одним щелчком отправив его за перегородку, бросил:

– Тьма над Тьмой дает свет, враг мой. Но только нам решать, как этим знанием воспользоваться.

Лотий вздрогнул, когда искрящийся и переливающийся комок беспрепятственно проник за перегородку и завис у него над головой. Растерянно выдохнул. Затем перевел на меня совершенно дикий взгляд. Хотел было что-то сказать, но в этот момент стена, которая нас разделяла, начала стремительно истаять. А вместе с ней с верхнего слоя так же быстро исчезли и Лотий, и его тюрьма, и весь тот пласт, с которого я так удачно вернулся.

– Теперь мне можно пойти домой? – усмехнулся я, когда на снег легла глубокая, невесть откуда взявшаяся и на удивление длинная тень, в которой мне привиделся знакомый девичий силуэт.

– Ты уже дома, Артур, – шепнула Тьма, ласково взъерошив мои волосы. После чего с земли поднялся тугой вихрь, меня обняли со всех сторон, укутали теплым покрывалом и куда-то понесли. Легко, словно пушинку. И так бережно, будто от малейшего движения я мог рассыпаться.

Почувствовав, что угрозы даже в этом для меня нет, я просто закрыл глаза и расслабился. После чего раскинул руки и спокойно растворился во Тьме, решив всецело довериться той, что однажды не побоялась довериться мне.

В себя я пришел мгновенно и, едва открыв глаза, рывком сел, торопливо оглядываясь по сторонам. Но на этот раз все было как надо – я снова находился в своем теле, мог им управлять и ощущал себя как нельзя более правильно. Живым, я бы сказал... да. После стольких лет глубокой заморозки я снова чувствовал себя живым. Это было непривычно. Местами даже непонятно. Но когда-нибудь я привыкну, следовательно, беспокоиться и переживать было не из-за чего.

Обнаружив, что большая часть тела все еще опутана Тьмой, я одним движением ее развеял. Озадаченно крикнул, обнаружив, что какая-то добрая душа успела меня раздеть. Голова взлохмачена, на подбородке колючая щетина... не порядок. Но не успел я подумать, что пора бы от нее избавиться, как темнота сгустилась с новой силой, и к тому моменту, как я встал, проблема решилась сама собой. На этот раз мне даже просить ни о чем не пришлось – Тьма сделала все сама. Она изменила мой внешний вид именно так, как мне нравилось. И ровно на столько, на сколько я пожелал.

Оглядев строгий камзол традиционно черного цвета, я нашел его вполне приемлемым и, услышав в коридоре шум, быстро поднял голову.

Так. Кажется, о моем пробуждении узнали?

– С возвращением, хозяин, – с достоинством поклонился зашедший в комнату Нортидж. – Вас долго не было, но мы не теряли надежды, и я искренне рад, что они оказались оправданны.

Я с подозрением оглядел своего дворецкого. Что-то с ним было не так... ах, вот оно что! Я смотрел на него и видел перед собой не призрака, а самого обычного человека! Эй, мы вообще в каком мире? И что произошло, раз мой служитель, с позволения сказать, воскрес?

Перехватив мой озадаченный взгляд, Нортидж понимающе улыбнулся. После чего что-то сделал, отчего его облик слегка смазлся. Ненадолго преобразовался в привычный полупрозрачный

силуэт, после чего он снова вернулся в прежний облик и с гордостью выпрямился.

– И что это значит? – скептически хмыкнул я. – Я не понял: ты уже живой или еще нет?

– Дело не во мне, хозяин, – позволил себе усмешку дворецкий. – С некоторых пор в этом доме не существует никаких ограничений, поэтому мы – я имею в виду всех нас – теперь можем выглядеть как захотим. И на темной стороне, и в реальном мире. Но это не наша заслуга, мастер Рэйш.

– Хм. А чья?

– Я так полагаю, ваша, – снова поклонился Нортидж и демонстративно пристукнул каблуком по полу, а тот с готовностью отозвался на удар приглушенным гулом. – Когда вас сюда доставили, ваша Тьма, та, что вас защищала тогда и защищает, насколько я вижу, до сих пор, изменила все. Вас она погрузила в глубокий стазис, вынудив остаться строго на границе между светом и тьмой, где ваше тело не могло умереть окончательно. А вместе с вами на эту же самую границу утянуло все, что вас окружает. Дом, нас. Даже...

В этот момент в коридоре послышался радостный визг, и в комнату, грохоча когтями по паркету, с лаем ворвались две здоровенные псины, при виде которых мои губы сами собой сложились в улыбку. С ходу налетев, зверюги едва меня не опрокинули. Закружились, оглашая весь дом громогласным воем. Активно работая пушистыми хвостами, эти монстры уронили стоящее рядом кресло и едва не опрокинули комод. Гром, от избытка чувств запрыгнув на сиденье, едва не порвал его к Фоловой бабушке. А я, когда зарылся пальцами в густую шерсть, уже даже не хотел разбираться, в каком именно мире мы сейчас находимся.

Мои собаки были настоящими, тяжелыми и такими же живыми, каким я ощущал себя сам. Мои звери. Преданные до последнего вздоха служители, которых я тоже был рад сегодня увидеть.

Впрочем, помимо них мне страшно хотелось увидеть и остальных. Всех, кто был мне дорог. Всех, кого я считал друзьями и почти что семьей. Наверное, это они меня сюда притащили? Конечно, они, больше ведь было некому вытаскивать меня из Тьмы.

– Привет, Арт, – вдруг раздалось тихое от двери, и я, оторвавшись от псов, стремительно поднял голову.

– Мэл?!

– Я, брат, – невесело усмехнулся бывший Палач, при виде которого я на мгновение оторопел. – Что, хорош?

Я промолчал, с недоверием разглядывая самодельное кресло на колесиках, которое с некоторым трудом прикатила неловко отводящая глаза Шейла. Чуть дальше, из-за двери, с беспокойством выглядывала ее сестричка Вея. И тоже, как сестра, при виде меня торопливо уронила взгляд и отпрянула, словно считала именно себя виноватой в том, в каком виде предстал перед нами Мэл.

Признаться, до этого мига я и не думал, что, помимо меня, кто-то мог пострадать. Поводки не работали. Что произошло с Йеном и остальными, я не знал. Смутно надеялся, что они в порядке, ведь я все сделал для того, чтобы они уцелели. И вот сейчас, увидев, во что превратился мой брат по духу, вдруг почувствовал, что сомневаюсь.

От Мэла, как выяснилось, после взрыва осталась в буквальном смысле слова половина. К счастью, человеческая, не паучья. Он сохранил голову, у него совсем не пострадало лицо, а вот второй пары рук, той, что с секирами, брат непостижимым образом лишился. Более того, нормального туловища ниже того места, где торс когда-то соединялся с паучьим брюхом, у него больше не было. Ни таза, ни ног... вместо могучего и свирепого Палача передо мной находился с трудом удерживающийся на кресле обрубок, при виде которого я едва слышно выдохнул:

– Мэл... но кто?!

Восстановить поводок было делом техники. Я, собственно, даже не задумывался над тем, как это сделать. Всего пара мгновений, и связь между нами, которая оборвалась во время взрыва, снова стала прежней.

– Это не тварь, – горько усмехнулся брат, когда до него добралась моя смятенная мысль. – Это, можно сказать, прощальный подарочек от Рейса. Помнишь, как он в первый раз пытался от меня избавиться? Так вот, когда ты упал, больше ему ничто не мешало. Прежде чем свалить восвояси, этот козел заявил, что потусторонних тварей рядом с собой не потерпит, и в два счета меня располовинил. Даже странно, что не убил, да?

Я нахмурился, чувствуя, что еще немного, и мне захочется поговорить с воинственным богом по душам. Но одновременно с этим

в памяти ворохнулись и другие воспоминания. Те, которые не соизволил забрать с собой Фол. То, что недавно происходило на нижнем слое. Его тесную связь с другими богами. Их общий разум, который в итоге помог принять верное решение. И удивительную общность взглядов, которая позволила мне во всем разобраться. А после этого я, вместо того чтобы обматерить несговорчивого бога-кузнеца на все лады, с облегчением рассмеялся.

Мэл непонимающе свел брови к переносице, когда я подошел и протянул ему руку.

– Что в этом смешного, Арт?

– Вставай, – словно не услышал я, и брат без раздумий обхватил сильными пальцами мое предплечье. – Рейс был прав: хватит тебе быть потусторонней тварью. Хватит быть монстром, Мэл. Пора становиться человеком.

– Чего? – озадаченно моргнул бывший Палач, когда я без усилий выдернул его из инвалидного кресла. – Арт! Какого демона?!

Я лишь хмыкнул, когда падающего Мэла услужливо подхватила сгустившаяся Тьма. Дождался, когда она крепко его обнимет, забурлит и заволнуется в том месте, где его туловище когда-то соединялось с паучьим телом. Удовлетворенно кивнул, когда из темноты почти одновременно сформировались две самые обычные человеческие ноги. Мысленно попросил подругу создать для брата еще и штаны, чтобы украдкой подглядывающие за нами служанки не надумали грохнуться в обморок. Наконец отступил. Придирчиво оглядел получившийся результат. А когда шокированный до полного ступора Мэл опасно покачнулся на своих вновь обретенных конечностях, добродушно хлопнул его по плечу.

– Привыкай, брат. Служителем ты быть не перестал, но теперь даже Корн не скажет, что ты похож на монстра. Хотя, если надумаешь, можешь вернуть себе прежнее тело. Ты все-таки маг, Мэл. Пусть мертвый, но по-прежнему темный маг, к которому Тьма благоволит точно так же, как ко всем остальным. Нортидж!

– Так точно, мастер Рэйш! – с готовностью вытянулся дворецкий, подозрительно громко шмыгнув носом.

– Что там с Мартой? И с Марджем? – улыбнулся я и подмигнул восторженно пискнувшим служанкам. – И вообще, у нас сегодня будет обед или нет? Я, между прочим, голоден.

– С Мартой и Марджем все прекрасно. А время обеда давно прошло, – невозмутимо поведал Нортидж, пока Мэл судорожно хватал ртом воздух и пытался прийти в себя. – Да и для ужина уже поздно. Считай, ночь на дворе. Но если позволите, я отдам распоряжение, и через полсвечи все деликатесы, что только есть в этом доме, окажутся в вашем распоряжении.

– Не откажусь. Мэл, ты в порядке?

– Привыкаю, – прошептал бывший Палач, подняв на меня горящий взор. После чего на пробу переступил ногами. Убедился, что они прекрасно слушаются. Поднял правую руку. Без всякого труда преобразовал ее в устрашающую секиру. Затем проделал то же самое со второй рукой. Вернул все как было. Зачем-то оглянулся назад, будто прямо сейчас собирался проверить, не сменился ли его человеческий тыл на прежнее паучье тело. Но вовремя передумал. Отвернулся. Наконец испустил долгий прерывистый вздох и как-то по-особому улыбнулся. – Спасибо, брат. Я рад, что ты вернулся.

– Мастер Рэйш! – неожиданно раздалось в коридоре, и по полу снова прогрохотали чужие башмачки. После чего в комнату вихрем ворвался полураздетый встрепанный мальчишка и, бесцеремонно растолкав широко улыбающихся псов, врезался в меня наподобие маленького тарана.

Хм. Кажется, я рановато активировал поводки. Хотя, наверное, пацану это уже не нужно – думаю, Тьма сама шепнула ему на ушко радостную весть. И он примчался, едва услышав, что меня больше не нужно хоронить.

– Я знал, что вы вернетесь! – поднял на меня сияющие глаза Роберт Искадо. – Знал! Мне богиня сказала!

– Да неужели? – сдержанно удивился я.

– Ага. И еще она сказала, что нам нужно в вас верить. И как можно чаще звать! Вроде как если вы услышите, то наверняка захотите вернуться.

– Хм. А что еще она говорила?

Роберт крепко вцепился в мою руку:

– Что мы должны помочь вам собрать осколки...

Я испытующе глянул на ученика. Он знает?

– И мы три месяца их собирали, – шепотом закончил мальчик, неловко потупившись. – Все мы... даже отец Гон.

Сколько?! Три месяца, он сказал?!

– Святой отец в этом участвовал? – внезапно охрипшим голосом переспросил я.

– Не только он, – со смешком ответил вместо мальчика Мэл. – Все жрецы, кто был в состоянии спуститься во Тьму, все они собирали тебя по кускам. А затем отдавали на хранение отцу настоятелю, и тот один за другим возлагал их на прекрасно знакомый тебе алтарь.

«Ал?!» – в некоторой оторопи позвал я еще одного друга, о котором успел подзабыть.

«Мы ждем тебя в храме, Арт, – без промедления отозвался алтарь. – С возвращением, приятель. Отец Гон будет очень рад тебя увидеть. А еще ему нужно кое о чем тебе рассказать».

У меня в горле образовался комок.

Тьма! Это что же, пока меня не было, куча народу, забросив все дела, рыскала во Тьме в поисках жалких крох того, что от меня осталось?! Мои друзья, отец Гон, мой ученик... три месяца, они сказали?! Целых три месяца, хотя хватило бы и пары дней, чтобы отчаяться и бросить это безнадежное дело?!

– Мы доставили вас сначала в храм, а затем домой, – тихонько признался Роберт, когда я совершенно искренне опешил. – Леди Хокк, леди Триш, мастер Норриди, я, Тори и Мэл... боги истожили и нас тоже, поэтому нести вас пришлось на руках. В реальном мире, куда нам помог вернуться Ал. Неделю после этого никто не мог создать даже простенького заклинания, но, как только силы восстановились, мы снова отправились во Тьму, чтобы подобрать то, что от вас осталось. Осколки разлетелись далеко. Намного дальше, чем можно было ожидать. Но после того, что вы сделали... вы и Фол... Я даже моргулов отправил на поиски. И они помогали, чем могли. Каждый день. Все эти месяцы. И лишь когда осколки стали исчезать из храма...

– Мы поняли, что ты скоро вернешься, – закончил из коридора совсем другой голос, и на пороге комнаты нарисовался сияющий, как новенький золотой, Йен Норриди. – Здор-рово, Арт! Надеюсь, ты – это именно ты, а в твоём теле не поселилась какая-нибудь злобная тварь с нижнего уровня?

Я встретил пристальный взгляд друга, и в комнате воцарилось неловкое молчание. Правда, ненадолго. Мигом позже по паркету простучали острые каблучки. Еще через мгновение в комнату влетела

раскрасневшаяся Триш. При виде меня ахнула, замерла. А потом ринулась вперед и без предупреждения повисла у меня на шее.

Я непроизвольно приобнял девчонку в ответ и тут же почувствовал, что в ней кое-что изменилось. После пребывания во Тьме я стал особенно остро чувствовать любые проявления жизни. Вот и сейчас тоже ощутил нечто новое. Совсем еще крохотное, слабое, но уже отчетливо дышащее Тьмой, которая в изобилии клубилась внутри бывшей ученицы Лойда. Поняв, в чем дело, я даже позволил себе по этому поводу скупую усмешку. А когда Триш все-таки отлипла и ее место занял Йен, мы крепко обнялись. После чего Норриди с чувством сказал:

– Демон тебя задери, Арт... я волновался!

– Я тоже! – раздалось сварливое у дверей, и оттуда на меня остро взглянула чем-то по обыкновению недовольная Хокк. – Рэйш, как ты посмел оставить нас так надолго?! Как у тебя хватило совести свалить в неведомые дали, да еще и без предупреждения?!

Вместо ответа я молча протянул руку. А когда Хокк с недоверием ее пожалала, рывком притянул эту недотрогу к груди, не обращая внимания на возмущенное сопение, сыплющиеся снизу угрозы и чувствительные тычки, которыми непримиримая магичка имела смелость меня осыпать.

Дурочка. Ее я был рад видеть не меньше, чем Йена или Триш. Ворчливая, но надежная. Раздражительная, но смелая. Упрямая, но честная и искренне преданная тому делу, которому мы служим. Способная пожертвовать собой ради других. Прекрасная магичка. Отличный друг. Великолепный напарник. Тот самый человек, к которому без опаски можно повернуться спиной. И кстати, за то время, что меня не было, у нее изменилась аура. Стала спокойнее и... ровнее, что ли?

Надо будет спросить у Херьена, не его ли это рук дело.

– Фу-ух! – выдохнула Хокк, когда я ее все-таки отпустил. – Зараза, Рэйш! Не смей меня больше лапать, понял?! И вообще, я не поняла, что творится с твоей аурой?!

– А что с ней не так?

– Ее больше нет!

– Ты что, не знаешь Рэйша? – негромко рассмеялся Йен. – Очередная заковыристая защита, и вот на месте темного мага перед

нами стоит самый обычный человек... ну, если не считать Тьмы, которая вьется вокруг него, как любимая мама.

– Кто здесь все поминает Артура Рэйша? – с непередаваемым удивлением спросил из коридора еще один непрошенный гость, и почти сразу в и без того тесную комнату шагнул сонно моргающий, откровенно невыспавшийся Тори. – А-а-а... ой! Так мне это не приснилось?! Мастер Рэйш, это и правда вы?!

Я оскалился.

После Мэла я просто должен был убедиться, что каждый из тех, кто рискнул последовать за мной во Тьму, в полном порядке. Должен был увидеть все своими глазами, не полагаясь на поводки. И вот вы здесь. Стоите и искренне не понимаете, что именно заставило вас этой ночью проснуться и явиться в мой дом...

Я заколебался, не зная, как выразить то, что бурлило в моей душе при виде собравшихся здесь людей. Хотел было использовать поводки, ведь так было намного проще и удобнее. Но в этот момент мой взгляд упал на сиротливо лежащие на подлокотнике кресла женские перчатки. Длинные, почти до локтей, изящные, сшитые из тонкой белой кожи перчатки, при виде которых у меня против воли вырвалось:

– Натали!

Тьма, словно только и ждала, с готовностью изогнулась и, извернувшись, под слаженный возглас друзей буквально вытолкнула меня из собственного дома. Я даже шагу ступить не успел, как она охотно расступилась, затем снова сомкнулась у меня за спиной. Причем так, что вместо собственной спальни я оказался совершенно в другом помещении. В полутемном, освещаемом одной-единственной свечой будуаре, где перед красиво оформленным зеркалом на низеньком пуфике сидела и увлеченно расчесывала длинные волосы девушка – красивая, белокурая, задумчиво прикрывшая глаза фея, при виде которой я тихо выдохнул:

– Тьма меня задери... это и правда вы!

Похоже, меня все-таки выбросило в реальном мире, потому что при звуке моего голоса леди вздрогнула, широко распахнула глаза и,

наткнувшись в отражении на мою объятую Тьмой фигуру, проворно соскочила с пуфика.

Причем я даже не понял, когда она успела развернуться, принять воинственную стойку и когда вместо расчески в изящной женской ладошке расцвело, а затем сорвалось в полет самое настоящее боевое заклинание. Стоило признать, весьма опасное заклинание. Огненное. Вперемешку с чем-то совсем диким, о чем имели понятие лишь очень способные, безусловно, светлые и специально обученные маги.

От заклинания я, правда, увернулся, а полыхнувший в комнате огонь тут же погасила явившаяся со мной Тьма, но все же встреча оказалась не слишком теплой. Растрепанные волосы девушки разметались в разные стороны. Ее очаровательное личико стало не просто строгим, а жестким, как у человека, который прекрасно знает, что делает.

Она меня даже не боялась, представляете?

– Кто вы? – требовательно спросила фея, недобро уставившись на меня прищуренными глазами, и весомо подбросила на ладошке еще одно заклинание. Раза в полтора мощнее, чем первое. – Что вам нужно? И как вы прошли через защиту?

Я мельком покосился по сторонам.

Хороший вопрос. Если честно, даже не знаю, что на него можно правдиво ответить. И какого демона меня сюда понесло, спрашивается? На улице ночь. Леди чудом еще не легла. Из одежды на ней надет лишь тонкий пеньюар, явно не предназначенный для посторонних глаз. И тут из пустоты и без предупреждения выныриваю я... весь в черном, как моргул, объятый клубами черного дыма, словно демон... какая девушка не запаникует?

Правда, конкретно эта леди даже не думала паниковать. Напротив, она оценивала меня, как опытный боец, которого я в ней до этого дня даже не подозревал. Но, присмотревшись как следует, она все-таки меня узнала и ахнула:

– Мастер Рэйш?!

Я кивнул, чувствуя себя почти так же глупо, как и во время нашей первой встречи. А леди тем временем торопливо погасила боевое заклинание и, подобрав подол, подбежала почти вплотную.

– Это и правда вы... – прошептала она, уставившись на меня снизу вверх и зачарованно рассматривая клубящуюся надо мной Тьму.

Послушную, холодную, но льнущую к ней, как к старой знакомой.

И девушка воспринимала это как должное. Не отшатнулась. Не закричала. Не задрожала. Отнюдь. Вместо того чтобы поступить как типичная светлая, она вдруг протянула руку и затаенно улыбнулась, глядя, как пляшет и извивается на ее ладони темное пламя. Смело касаясь его тонкими пальцами. Играя с ним, как с самым обычным заклинанием.

Так лихо. Дерзко. И так удивительно легко.

Я был настолько поражен этой картиной, что даже не стал протестовать, когда Тьма сомкнулась вокруг нас глухой стеной и ненавязчиво подтолкнула друг к другу.

– Артур? – нерешительно повторила леди, когда расстояние между нами стало непростительно маленьким. – Это и правда вы?

Я снова кивнул.

– А... что вы тут делаете? – снова спросила девушка, подняв на меня настороженный взгляд.

Я мысленно ругнулся, но Тьма услужливо ткнула мне в руку невесть откуда взявшиеся перчатки, и я с облегчением продемонстрировал их смущенно кашлянувшей леди.

– Простите, если напугал, – наконец сообразил извиниться я за вторжение. – Не подумал, если честно. После стазиса голова совсем не соображает.

Леди вдруг обеспокоенно привстала на цыпочки и, приложив к моему лбу тыльную сторону ладони, нахмурила брови.

– Вам не стоило пользоваться магией, ваша аура все еще нестабильна. Такой длительный стазис наверняка скверно сказался на вашем здоровье... И не спорьте! – построжел ее голос, когда я попытался возразить. – Я целительница, мастер Рэйш. Мне лучше знать.

Хм. Спорное заявление. Но препираться в подобной ситуации я счел бессмысленным, поэтому просто пожал плечами и задал совсем не тот вопрос, который собирался:

– Натали, а как вышло, что вам пришлось оказывать мне помощь? Как вы попали в мой дом?

Девушка отчего-то насторожилась:

– Ваши друзья не рассказали?

– Я, скажем так, излишне поспешно ушел, поэтому они не успели рассказать обо всем.

– Это не тайна, – так же неожиданно успокоилась фея. – Когда по городу объявили общий сбор, я, как и многие другие целители, поспешила в ГУСС и в составе одной из команд следила за установкой масштабированных заклинаний над Алтиром. Ситуацию нам в общих чертах пояснили, поэтому мы знали, что многим после оттаивания потребуется помощь целителей. Затем в мою задачу входили проверка домов и поиск пострадавших. Одним из таких пострадавших стали вы. Я видела, как ваши друзья несли вас по улице.

– Хм, – задумался я. – С того времени прошло три месяца. Наверное, масштабированные заклинания с Алтира уже сняли?

– Конечно. Уже через три дня надобность в них отпала. Первыми из стазиса вышли жрецы – без нашей, правда, помощи – и заверили, что боги контролируют ситуацию, поэтому волноваться нет повода. Деталей отец Гон не сообщил, но я так поняла, что причина, по которой люди начали сходить с ума, была устранена. Тем не менее заклинание с города решили не снимать, пока его не проверят команды магов и жрецов и не убедятся, что люди в безопасности. Всех, кто мог упасть, пораниться или погибнуть, мы отправили в лечебницу. Самых агрессивных изолировали. Тех, кто пытался в момент всеобщей неразберихи совершить преступление, по-тихому перенесли в камеры. Так что всего за три дня столицу, можно сказать, очистили ото всех потенциально опасных личностей. После этого стазис был снят и все стало как раньше.

– А что с воспоминаниями? – любопытствовал я.

– Память вернулась ко всем жителям столицы, и многие даже не поняли, что с ними что-то было не так. Те, кто успел что-то потерять, внезапно отыскивали пропажу. Те, кто забыл родных, быстро о них вспомнили... говорят, сыскарям много таких дел удалось закрыть в считанные недели. А потом все успокоилось, и особых последствий мы не отметили. Хотя было зафиксировано несколько случаев, когда люди вспоминали прошлое не в полном объеме. Как правило, это коснулось тех, у кого в период между потерей памяти и ее возвращением возникла травмирующая ситуация. Вот, например...

«Роберт?» – тут же активировал я поводок, отправив по нему беспокойный ментальный посыл с указанием его причины.

«Я в порядке, учитель, – спокойно отозвался ученик. – Мама меня вспомнила сразу, как только проснулась, но забыла момент, когда выгнала нас из дома. Мы с папой решили ей об этом не говорить. Кстати, не успел вам сказать: мастер Рэйш, мы нашли того, кто чуть не убил Лива Херьена!»

«Да ну?» – изумился я.

«Вы не поверите, но все-таки это был Харри Дойл!»

«Тот самый рабочий, который чинил кому-то водопровод и на которого мы ничего не нарыли?»

«Когда мы общались в первый раз, его супруга пару раз увильнула от ответа, – с едва угадываемой улыбкой пояснил Роберт, пока Натали рассказывала о других пострадавших. – Я поначалу не придавал этому значения – она беспокоилась за мужа и стала бы его защищать в любом случае. Но когда господин Лив пришел в себя, то захотел поговорить с единственным подозреваемым по этому делу. И обнаружил, что у Дойла имелись провалы в памяти, к которым ни Врата, ни воздействие обычной магии не имели ни малейшего отношения!»

«Очень интересно... а его супруга об этом знала?» – поинтересовался я, продолжая слушать увлеченно размахивающую руками девушку. Верю, ситуация в Алтире после снятия стазиса была непростой, в том числе и потому, что незадолго до этого страна осталась без короля, однако в данный момент меня интересовало другое.

«Когда мы допросили ее во второй раз, она созналась, что Дойл с молодости был таким, – продолжил тем временем Роберт. – Вернее, он начал странно себя вести после того, как получил травму. Ему же тогда не только спину повредило, но и по голове, оказывается, ударило. Вот после того случая он как выпивал, так и становился другим человеком. И был склонен к... как же это звучало в рапорте... к немотивированной агрессии, вот!»

«То есть он был психически нездоров и на отказ дать прикурить вполне мог догнать и треснуть Лива дубиной по башке?»

«Скорее всего это была водопроводная труба, – не согласился мальчик. – Господин Херьен не слышал звуков шагов, но у Дойла в саквояже лежал не только разводной ключ, но и обломок трубы, который он захватил из дома номер три по окончании работы, полагая,

что выкинет его по пути. Мы думаем, Дойл просто швырнул ее вслед. Потом подошел, забрал трубу и выкинул чуть дальше, как раз в тот двор, где проводились строительные работы. Благо он стоял по пути. Оттуда труба попала в мусорную телегу и, как мы и предполагали, была отправлена на переплавку. А Дойл просто вернулся домой, разделся-разулся и спокойно уснул. Утром он проснулся уже нормальным и даже не вспомнил, что вообще кого-то ударил. Его жена подтвердила: обычно так и случалось – Дойл побуянит, проспится, а потом опять как новенький. Она даже одно время хотела показать его целителям, ведь порой и она от него страдала. Но услуги хорошего мага стоят дорого, а Дойлы не могли себе позволить такие траты. Поэтому она терпела. И она действительно его любила, несмотря на болезнь. В общем, господин Лив посчитал, что мы имеем дело с классическим расщеплением личности, – заключил Роберт, удивив меня своим рассказом донельзя. – Все это время внутри Дойла жило как бы два человека: один существовал в обычное время, был неплохим мужем и добропорядочным работником. Второй занимал его место, когда первый отключался. Это случалось нечасто, Дойл все-таки не был запойным пьяницей, но, по словам жены, в ту ночь от него пахло спиртным. Он же говорил, что подмерз по дороге. Вот, наверное, и решил согреться, раз зажигалку не нашел. Жена, конечно, подозревала, что по пути домой он мог накуролесить. Тем более что после его отлучек она порой находила в доме чужие вещи. Вот и служебную бляху господина Херьена увидела, когда стирала на следующий день куртку мужа. Но предпочла смолчать, ведь фактически человек, которого она любила, был не виноват».

«Погоди, то есть доказательств причастности Дойла к нападению на Херьена все-таки нет?»

«Есть, – издал хитрый смешок юный жнец. – Мы нашли, куда его жена спрятала бляху. А еще у того, второго, Дойла в доме был тайник, куда он годами складывал трофеи. В обычном состоянии он о нем не помнил, а вот в измененном регулярно пополнял. Его Мэл нашел, когда жена во всем призналась. Так что улик против Дойла достаточно, и не только по этому делу. Однако самое интересное в другом, мастер Рэйш, – оказывается, после воздействия магии Врат у Дойла что-то сдвинулось в мозгах, и теперь алкоголь на него не действует».

«То есть нам не нужно ждать, что после кружки-другой пива он снова пойдет лупить прохожих по головам?»

«Его тщательно обследовали в ГУССе, – угукнул пацан. – И господин Орбис подтвердил заключение Херьена. Дело было рассмотрено в Королевском суде, но судья решил, что в подобной ситуации нет смысла предъявлять обвинение. Правда, Дойла обязали являться на регулярное обследование, и если через год у него не будет рецидива, то Дойлам не нужно будет опасаться королевского правосудия».

Я мысленно улыбнулся.

Новость была необычной, но своевременной. Незакрытые дела, даже такие странные, портили репутацию Управления. И мне было приятно знать, что ребята закончили дело, с которым не успел разобраться я.

– Мастер Рэйш, вы меня слушаете? – вдруг подозрительно прищурилась Натали, заметив мой рассеянный взгляд.

Я кашлянул:

– Да. Конечно. Вы как раз собирались рассказать, как именно попали в мой дом.

– Вас сначала принесли в ГУСС, – все еще с подозрением сообщила девушка. – На носилках. Вы не дышали и вообще были не похожи на себя. Но я вас сразу узнала и не на шутку испугалась, увидев, что вы почти ушли во Тьму. Заклинаний для самопроизвольного погружения в стазис не существует – это я вам как специалист говорю. Но для темных магов это правило работает с оговоркой: каждый раз, выходя на темную сторону или возвращаясь оттуда, маги вашего профиля кратковременно подвергаются сходному воздействию. Вы же в тот момент находились на границе между жизнью и смертью. Словно застряли на переходе и погрузились в неестественно долгий для темного мага стазис.

– И что вы сделали? – тихо спросил я, когда девушка замолчала.

– Не знаю, – нервно улыбнулась она. – Поначалу я боялась, что вы потеряли контроль над даром, и не знала, как к вам подойти. Темная сторона – совсем не та область, где я привыкал практиковать. Но Тьма расступилась сама. Ваши друзья сказали, что я – единственная, кому она вообще позволила к вам прикоснуться. Поэтому я привязала вашу

ауру, простите, к своей. И до сегодняшнего дня продолжала понемногу ее подпитывать.

Я взглянул на Натали с недоверием.

Она смогла сделать со мной то же, что я проделал когда-то с Хокк? Светлая?! Вот это новость! Чтобы сделать такую привязку, нужно быть величайшей светлой магинею или же... просто магинею, в теле которой скрыт могущественный темный дар, ставший для меня настоящим спасением.

«Ал, твоя работа?» – хмуро поинтересовался я про себя.

«Нет, – фыркнул невидимый алтарь. – Я к ней даже не прикоснулся. Она сама почувствовала, что надо сделать... не знаю как, не спрашивай. Так что ты обязан ей не только возвращением, но и жизнью».

– Я знаю, – неосторожно бросил я вслух, после чего Натали посмотрела на меня с нескрываемым удивлением.

– Что вы знаете, мастер Рэйш?

Ответить я не успел – пол под тем самым местом, где беззастенчиво вилась и танцевала моя Тьма, вдруг ощутимо вздрогнул, а по стенам комнаты пробежала целая волна разноцветных искорок.

– Похоже, все-таки защита сработала, – вздрогнула девушка. – А я-то понадеялась... Ой, что сейчас бу-у-удет!

«А что будет?» – собрался было спросить я, но тут в дверь что-то с силой ударило, да так, что створку едва не снесло. Из коридора послышался нарастающий гул. Затем внутрь ворвался столб сизого дыма. А из него выступил объятый ярким пламенем человеческий силуэт, который при виде меня взревел подозрительно знакомым голосом:

– Что здесь происходит?!

Честное слово, я едва челюсть не уронил, когда увидел, *кто* именно ворвался в комнату.

– Корн?!

– Р-рэйш?! – замер на середине движения начальник Главного Управления столичного сыска, уставившись на меня как на выходца из преисподней. – Мать м-моя... это правда ты?!

– Ну, как бы да.

– Какого демона ты здесь делаешь?! – внезапно вызверился на меня шеф, убедившись, что видит перед собой не мираж и не

галлюцинацию. – Зачем приперся?!

– А вы?

Корн свирепо раздул ноздри:

– Это вообще-то мой дом!

– Что-о?! – поперхнулся я. А потом заметил на шефе длинный халат, надетый прямо на голое тело, пушистые тапочки и почувствовал, что мне отчаянно не хватает воздуха.

Фолова бездна... да нет... не может быть!

Тем временем шеф заметил подозрительно близко стоящую ко мне девушку и рассвирепел окончательно.

– Натали Корн! – взревел он так, что под потолком жалобно тренькнула потревоженная люстра. – Немедленно потрудитесь объяснить, что здесь происходит! И почему этот... с позволения сказать, маг, которому, между нами говоря, давно пора надавать по шее... в столь позднее время смеет не только воскресать, предварительно не поставив меня в известность, но еще и нахально пребывает в вашей спальне?!

– Папа! – возмущенно вскинулась фея, резко развернувшись к двери и уперев кулачки в бока. – Как *ты* смеешь врывать в мою комнату без предупреждения?! Мы ведь, кажется, договорились! Тот факт, что я переехала в Алтир и поселилась у вас с мамой, пока не устранят последствия масштабированных заклинаний, совершенно не дает тебе права влетать сюда и предъявлять претензии моим гостям!

Я тихо простонал:

– Натали...

– Доча! – пораженно воскликнул шеф, неверяще глядя то на фею, то на пребывающего в шоке меня. – Что ты несешь?! У тебя, между прочим, мужчина в спальне! Ночью!

– А я что, не человек, что ли?! – вконец рассердилась леди и гневно притопнула босой пяткой по полу. – У меня не может быть ухажера?!

– Нет! Только не он!

– Это еще почему? – недобро прищурилась Натали, а мне внезапно стало интересно послушать.

Первый шок прошел. Ситуация из катастрофической прямо на глазах превращалась в комическую, поэтому, вместо того чтобы красиво свалить в закат, я тоже заинтересованно повернулся к шефу:

– Да, Корн. Почему?

– Потому что ты... ты... – чуть не задохнулся тот. – Тебе вообще здесь не место! Не с моей дочерью! Понял?!

– Между прочим, я его первая скомпрометировала, – решила добить папочку леди, гордо вздернув носик.

Корн от такого заявления едва не поседел окончательно:

– Ч-что?!

– Да, – без тени сомнений выдала девушка. – Я нечаянно бросила тень на его безупречную репутацию. И теперь, как приличная леди, просто обязана выйти за него замуж! Не так ли, мастер Рэйш?

Я перехватил полный смешинок и неподдельного озорства взгляд, а затем галантно поклонился:

– Леди, если бы я с самого начала знал, чья вы дочь, то сделал бы вам предложение сразу. Хотя бы ради того, чтобы от всей души досадить вашему многоуважаемому отцу.

– Вот, папа! Наконец-то от твоей фамилии есть какая-то польза! В первый раз вижу человека, который согласен взять меня замуж лишь потому, что я твоя дочь! Обычно бывает ровно наоборот!

– Но имейте в виду, сударыня, я буду настаивать на заключении брачного договора, – не преминул добавить я, с трудом удерживая на лице серьезное выражение.

Натали встрепенулась:

– Та-а-к... и много в нем будет пунктов?

– Всего два, – невозмутимо сообщил я.

– Это каких же?

– Ну, во-первых, вам придется влюбиться в меня без памяти. А во-вторых, я потребую, чтобы вы родили мне как минимум одного одаренного сына.

– Еще чего! Меньше чем на двоих я не согласна! – гордо заявила растрепанная фея и тут же снова обратила строгий взгляд на бледного, как поганка, Корна: – Отец, ты слышал? Мы с мастером Рэйшем договорились. Значит, свадьбу сыграем... А когда мы, кстати, ее сыграем?

Она бросила в мою сторону еще один лукавый взгляд. Но я лишь пожал плечами:

– Хоть завтра.

– Нет, завтра я не могу, – огорчилась Натали. – Мне нужно купить новое платье. А вот, к примеру... м-м-м... недельки через две или три... Так что готовься, папочка: скоро у тебя появится замечательный во всех отношениях зять. А я наконец-то перестану вышвыривать из дома молодых дураков, которых ты уже не первый год пытаешься мне сосватать.

У Корна от такого заявления в буквальном смысле волосы встали дыбом. Он сперва разинул, а потом с гулким звуком захлопнул рот, так и не найдя что ответить. Затем совершенно дикими глазами уставился сперва на невозмутимого меня, затем на торжествующе усмехнувшуюся дочь. После чего на негнущихся ногах развернулся и молча вышел, оставив покосившуюся дверь тихо покачиваться на одной петле.

Когда его шаги затихли в коридоре, Натали шумно выдохнула. А потом пригладила торчащие во все стороны волосы, поправила сползшую с плеча бретельку и, повернувшись, лихо мне подмигнула:

– Как мы его, а?

Я не выдержал и, перехватив ее отчаянно веселый взгляд, все-таки расхохотался. Нет, это просто невероятно! Сколько бы я ни доводил шефа, никогда у меня не получалось добиться столь безоговорочной победы. А сегодня у Корна было *такое* лицо! При слове «свадьба» его аж перекосило. Бедняга.

– Натали, вы бесподобны, – с трудом успокоившись, сообщил я.

– Да и вы тоже ничего... ох, бедный папа! Он столько ужасов за один раз, наверное, в жизни не слышал! – рассмеялась девчонка. Причем на удивление звонко, задорно, заразительно. Так, что меня снова прорвало, и какое-то время мы просто смеялись, будучи не в силах остановиться.

Потом Натали утерла слезящиеся глаза и снова стала серьезной:

– Спасибо, мастер Рэйш. Папочку я очень люблю, но его, к сожалению, частенько заносит на поворотах, поэтому время от времени приходится щелкать его по носу. Зато в остальном он вполне адекватный человек, хотя и несколько грубоватый. Но я искренне удивлена, что вы вообще рискнули поддержать мой маленький спектакль.

– Мне не впервой, – все еще посмеиваясь, признался я. – У нас с ним с самого начала сложились непростые отношения.

Натали хитро прищурилась:

– Вы расскажете мне об этом?

– А вы расскажете, что делали во дворце? – не остался в долгу я.

Девушка только отмахнулась:

– В этом нет никакой тайны, мастер Рэйш. В последнее время в столице стали происходить странные вещи, а я вовсе не слепая. К тому же на лекарском факультете, где с недавних пор я имею честь преподавать, появились слухи о неизвестной болезни, которая начала без причин поражать горожан. Меня как ведущего специалиста тоже привлекли к этому делу, но когда я начала задавать отцу вопросы, тот не захотел на них отвечать. Зато потребовал, чтобы я на время переехала в его дом. И наотрез отказался взять меня во дворец на аудиенцию к его величеству, потому что у него, видите ли, образовалось важное дело!

– Поэтому вы решили сами все выяснить? – с улыбкой предположил я.

– Конечно! У меня, между прочим, пациенты не выздоравливают! Отец обмолвился, что это связано с его новым расследованием. Затем обязал меня и маму носить не снимая амулеты от магии разума. Все его Управление было приведено в боевую готовность, а родную дочь он, представьте себе, проигнорировал! Я отправилась туда, чтобы понять в чем дело, – мрачно закончила Натали, сжав кулачки. – Из всех сотрудников кафедры я лучше всех разбираюсь в ментальной магии. Разве можно было в таком деле обойтись без моих знаний?!

– Наверное, вы и чужие разговоры подслушивать умеете, да? С таким-то отцом? – как бы невзначай бросил я.

И вот тут фея стремительно порозовела:

– Да, он научил меня некоторым не совсем законным заклинаниям. В том числе и для заметания следов. Ну и что? Это была важная информация для моих больных! Ради нее имело смысл не только использовать иллюзию, пробираясь в закрытое крыло, но и устраивать целый маскарад с переодеванием, чтобы меня не засекли!

– Хм. И много вы узнали, позвольте спросить?

– Почти ничего, – наморщила носик леди. – Только-только я нашла ауру отца и создала заклинание для прослушки, как какой-то дурак заметил меня в коридоре. Решил, что раз я одета не как

благородная леди, то он имеет право шлепнуть меня по ягодице. Я за это ударила его по лицу, о чем совершенно не жалею.

– А потом сбежали, чтобы тот дурак вас не опознал и не сообщил отцу, что вы шпионили прямо в королевском дворце?

– Да, – тяжело вздохнула фея. – Иллюзия с меня от злости слетала, поэтому пришлось уйти. Я как раз собиралась создать новую, но тут меня нашли вы...

Я мысленно усмехнулся:

– Это я тоже помню. Скажите, Натали, а как в девичестве звали вашу мать?

– Норелия де Морай. А что?

– Она родом из провинции?

– Да. Мама родилась далеко на севере. Но она не любит столицу и при каждом удобном случае отправляется погостить у родных. А еще она настояла, чтобы я училась не в Алтире, а в университете у нее на родине. Почему вы об этом спрашиваете?

Я сокрушенно покачал головой.

Де Морай... это имя мне ни разу не встречалось в столичных архивах. Точно так же, как я почти нигде, кроме некролога, не нашел упоминаний об Элеоноре де Латэй. Хотя я и просматривал родословные всех светлых магов Алтира, однако копнуть насчет Корна поглубже почему-то не додумался. Даже королевскую ветвь прошерстил до шестого колена! Ведь чем Фол не шутит? Вдруг Маори так долго скрывали свою тайну лишь потому, что за ними стоял не просто древний род, а *самый* могущественный светлый род в Алтории? Но все оказалось немного проще. Вот только кто бы вообще мне сказал, что у Корна есть взрослая дочь?! И кто мог хотя бы предположить, что именно она окажется той, кто нам нужен?

Хотя, конечно, следовало раньше догадаться, что я не там ищу. И если в роду де Латэй нашлись мудрецы, решившие, что ради их собственной безопасности стоит держаться подальше от густонаселенной столицы, то почему бы и леди из рода Морай до этого не додуматься?

Интересно, Натали в курсе, почему ее мама так не любит столицу? И в курсе ли ее дражайшая матушка, отчего она так упорно стремилась держаться в тени?

Наверное, сам факт, что мы умудрились встретиться, сродни настоящему чуду. Случайное столкновение, случайный поцелуй... хотя, быть может, случайным он был только для меня?

– Мастер Рэйш? – оторвала меня от размышлений фея. – Вы обещали рассказать, почему папа вас так не любит.

– Расскажу, – успокоил я ее. – Только не сегодня. Уже поздно, Натали. Еще раз прошу извинить меня за вторжение. Я лишь хотел выразить вам благодарность за помощь. Привязку к вашей ауре я тоже снял, в ней больше нет необходимости. Ну а теперь мне действительно пора.

«Ты что, дурак?! – вдруг проступила на противоположной стене серебристая надпись. – Целуй ее! Сейчас же! Она последняя из Маори, не забыл?! И нужна нам как воздух!»

– До свидания, Натали, – спрятал усмешку я и коротко поклонился.

Девушка, не видя, как яростно матерится за ее спиной Ал, тепло улыбнулась. Но когда я шагнул на услужливо открывшуюся темную тропу, все-таки меня окликнула:

– Мастер Рэйш... Артур! Скажите, а как вам удалось выжить? – отчаянно волнуясь, спросила она, когда я ненадолго обернулся. – Там, во Тьме? Как вы справились?

Я помолчал, а потом ответил чистую правду:

– Я услышал ваш голос, Натали. И после этого мне захотелось вернуться.

...ЭПИЛОГ !...

В первохраме меня уже ждали – загадочно улыбающийся настоятель и откровенно насупленный Ал, который бубнил у меня в голове все время, которое понадобилось, чтобы добраться сюда с верхнего слоя.

«Это было глупо! – обвиняюще ткнул в меня серебристым пальцем живой алтарь. – Арт! Как ты посмел оттуда уйти, даже не попытавшись ее обнять?!»

– Спокойно, дружище. Мы теперь знаем, кто такая Маори и как ее найти.

«Ну что тебе стоило ее поцеловать?! Это же было так просто!»

Я покачал головой:

– Быстро такие дела не решаются, брат. Натали мне действительно симпатична. Но ни одна женщина не заслуживает, чтобы ею воспользовались даже ради тех великих целей, о которых ты сейчас подумал. Или ты решил, что мне пора из мага Смерти переквалифицироваться в соблазнителя?

Ал насупился еще больше и демонстративно отвернулся, а я крепко пожал руку отцу Гону.

– Рад тебя видеть, Артур, – тепло поздоровался со мной святой отец. – Как себя чувствуешь в новом качестве?

– Хм. Разве во мне что-то изменилось?

– А ты еще не понял? – еще более загадочно улыбнулся настоятель, после чего я был вынужден серьезно задуматься – к глупым шуткам отец Гон был не склонен, так что если он считал, что со мной что-то не так, к его словам стоило прислушаться.

Пожалуй, мне стало легче после возвращения к жизни. Я вспомнил того себя, каким был до обретения темного дара. Вернул то, от чего в свое время неосмотрительно отказался. Но, кроме этого, пожалуй, ничего серьезного не произошло.

Или я что-то упустил?

– Аура, – сжалился надо мной святой отец, и вот тогда я все-таки припомнил, что Йен на эту тему тоже что-то говорил. – Ал, покажи ему.

Алтарь, все еще неодобрительно булькая, повернулся и снова ткнул в мою сторону пальцем, после чего перед нами поднялась серебристая волна, преобразовавшаяся в большое, в полный рост, идеально ровное зеркало. В нем, как и полагалось, отразились мы с отцом настоятелем. Но когда я изменил фокус линзы в левом глазу, то озадаченно хмыкнул, обнаружив, что теперь наши ауры стали одинаковыми. Серыми. Невзрачными. Совсем незаметными. Так что если бы мы не находились в первохраме, на нижнем слое Тьмы, и если бы рядом не фыркал Ал, то я бы сказал, что вижу перед собой двух совершенно обычных людей.

– Забавно, – протянул я, уже смутно догадываясь, в чем дело.

Отец настоятель улыбнулся в третий раз и хитро мне подмигнул. После чего я вспомнил кое-что еще, поднял руку и, создав на ладони сгусток темного пламени, задумчиво на него уставился.

– Тьма над Тьмой дает свет, святой отец?

– Верно, брат мой, – безо всякого удивления кивнул отец Гон, и в его руке без предупреждения появился точно такой же сгусток, который почти одновременно с моим вдруг окрасился в ослепительно белый цвет. – Рад, что ты все-таки это понял.

Я помолчал, внимательно изучая живой свет в наших ладонях, а потом решил, что, наверное, это правильно. Ведь каждый из нас рождается, неся в своей душе и свет, и тьму, правда, в таких ничтожно малых количествах, что на ауре это не отражается. Но по мере того, как мы меняемся, растем и взрослеем, того и другого с каждым годом становится все больше. Если тьма и свет уравновешены, то и с аурой ничего особенного не происходит. Однако стоит весам качнуться в ту или иную сторону, как она тут же окрашивается, причем чем сильнее наша приверженность к свету или тьме, тем ярче она становится.

Для магов этот процесс разнится лишь в том, что наличие магического дара дает гораздо больше возможностей отступить от границы. Каждый светлый маг так или иначе умеет исцелять, а каждый темный, в свою очередь, по умолчанию способен на убийство. Нет, светлые тоже бывают разными, точно так же, как не все темные становятся преступниками. Но все же возможностей обратиться к

светлой стороне своей души у целителя гораздо больше, чем у мага Смерти, который самым фактом своего пребывания во Тьме обязан тому, что в какой-то момент позволил себе стать духовно ущербным.

Я в свое время пережил немало боли и решил, что больше не хочу этого чувствовать. Предпочел убить себя. Ушел во Тьму и уже не стремился оттуда возвращаться. Если бы не мастер Этор, Йен, Триш, Хокк, Мэл... если бы не все те, кто так или иначе помогал мне не скатиться во Тьму окончательно, кто знает, чем бы это закончилось? Но к счастью, мне повезло встретить неравнодушных людей, сумевших восполнить то, что я когда-то утратил. Именно они стали моим якорем. Они меня удержали, когда это было необходимо. И именно им я во всех смыслах был обязан своим возрождением.

Правда, для того чтобы это осознать, мне пришлось сперва расколоть свою душу на части, а затем собрать ее вновь. Лишь оказавшись на самом дне, я ощутил, как же сильно хочу вернуться к Свету. Более того, я нашел в себе силы это сделать. Захотел обрести больше, чем Тьма или Свет по отдельности. Вернулся к началу. К границе. И подумал, что раз даже боги способны при желании и уходить в Свет, и спокойно возвращаться во Тьму, то, вероятно, эта привилегия принадлежит не только им. О чем и попытался намекнуть сегодня Лотию.

Кто бы что ни говорил, а свой путь мы выбираем сами, так что шансы сократить сроки заключения у него имелись. Для этого всего-то надо было впустить в себя капельку Света. Сделать шаг назад, к границе, и вернуться из той беспросветной Тьмы, в которую он погрузился слишком глубоко. Жаль, конечно, что до меня самого это дошло только сегодня, но лучше поздно, чем никогда, верно?

Тем временем отец Гон погасил свой огонек и посмотрел на меня совершенно по-другому. Уже без улыбки, без тени веселья во внезапно потемневших глазах. Но не успел я подумать, что, вероятно, в этот миг на меня смотрел не столько темный жрец, сколько его могущественный покровитель, как отец настоятель наклонил голову и едва слышно выдохнул:

– Владей...

Чем владеть и почему, спросить я уже не успел – мои мысли спутались, на какое-то время я почти перестал осознавать себя самостоятельной личностью. Но вместе с тем в моей памяти возникли

картины недавнего прошлого, и я, как наяву, увидел те несколько мгновений, которые прошли между моим последним воспоминанием о Вратах и тем мигом, когда я умер.

На этот раз я видел себя со стороны и вовсе не ощущал себя Артуром Рэйшем. Мое понимание себя стало намного глубже, чем просто человека или мага. Я был... ну, можно сказать, что всем. Застывшим от мимолетной мысли смертным и одновременно богом, которому подвластно не только окружающее пространство, но и все, что в нем когда-либо находилось. Я чувствовал подступающий страх, но при этом излучал непоколебимую уверенность. Видел крошечную часть прежнего себя, которая была готова сражаться до последнего вздоха, и чувствовал несоизмеримую ответственность за то, что происходило вокруг.

А еще я увидел миг, когда огромные Врата выгнулись и с оглушительным звоном разлетелись на куски. То бесконечно долгое мгновение, когда невероятное количество осколков сплошной лавиной рухнули на наши головы. Я видел, как между мной и ними сплошной стеной встала непроницаемая черная пелена, вся мощь которой сосредоточилась в моих подрагивающих от напряжения руках. И даже сейчас мог с трудом представить, каких усилий Фолу стоило *это* остановить.

Собственно, все, что я знал, это то, что ради братьев и сестер владыка ночи совершил невозможное, и выставленная им наспех, фактически выращенная из Тьмы... стена приняла на себя тот самый удар, который был страшен даже для богов. И стена устояла. Выдержала. Вобрала в себя неистовый ливень из чужеродной материи, смешанной с людскими воспоминаниями. И лишь в одном месте она оказалась чуточку слабее – в том самом, где сущность темного бога прицепилась к моей.

Тонкая пуповина связавшей нас магии оказалась не готова к такому удару, поэтому ожидаемо хрустнула и оборвалась, обрезанная одним из вонзившихся в нее осколков. Фола после этого буквально выдуло из моего тела. Однако крохотная его часть, тот самый якорь, которым он сумел прицепиться к моей душе, все-таки уцелела. Удар, который разрушил нашу связь, одновременно вколотил оставшуюся от бога частичку еще глубже. Неимоверно тяжелую, острую на гранях, опасную для всего живого. И вот тогда моя душа не выдержала –

разлетелась на миллионы частей, как самое обычное зеркало, в которое с силой вбили острие стального ножа.

– Тьма! – выдохнул я, когда отец настоятель отстранился, а я снова осознал себя человеком. – Это что же, во мне теперь?..

– Живет частичка бога, – невозмутимо кивнул жрец. – Все верно, Артур. Фол не стал ее забирать – для тебя это означало бы окончательную и бесповоротную смерть. А поскольку за твоей душой уже давно присматривает одна небезызвестная богиня... полагаю, ты должен и ее поблагодарить за вмешательство.

Я стремительно обернулся к постаменту, с которого на меня с легкой улыбкой взирала прекрасная и недостижимая Ферза.

– С возвращением, жрец мой, – с тихим смехом дохнул мне в затылок ветерок.

Я медленно опустился на одно колено и, как только из воздуха соткался знакомый силуэт, с почтением склонил голову:

– Я благодарен тебе, прекраснейшая, за заботу.

– Это и в моих интересах, Артур. Не хочешь ли на меня взглянуть? – лукаво поинтересовалась Смерть, и перед моим лицом мелькнул краешек ослепительно белого платья.

Я улыбнулся:

– Нет, моя леди. Я ведь уже сказал, что приму тебя любую.

– Наглец, – так же тихо рассмеялась богиня. – Но я всегда предпочитала дерзких. Поэтому будь дерзким, Артур Рэйш. Стремись туда, где еще никто не бывал. Иди вперед. Учись сам и учи других. Я рада, что обрела такого жреца. И очень надеюсь, что скоро их станет больше.

– Сделаю все, что от меня зависит, прекраснейшая.

– Я в тебя верю, – ласково взъерошила мои волосы богиня и, поцеловав меня в лоб, с легким шелестом исчезла.

Поднявшись с пола, я с благодарностью кивнул той, кому был обязан всем, что имел, и под насмешливым взглядом настоятеля приблизился к постаменту владыки ночи. Знать, что где-то внутри меня осталась крохотная его частица, было необычно. В какой-то мере даже странно. Однако страха перед могущественным богом не возникло. Я никогда его не боялся. Сначала просто служил, теперь безгранично уважал. Поэтому вместо тысяч слов и горячей

благодарности за участие в моей судьбе лишь низко, с почтением ему поклонился.

– Владей, – спокойно шепнула мне на ухо Тьма, ненадолго заполнив все вокруг и обняв меня за плечи. И я прикрыл глаза, заново переосмысливая свое положение.

Не знаю, для чего это понадобилось Фолу, но теперь в его владениях я стал по-настоящему своим. Являлся неотъемлемой частью этой Тьмы так же, как она была частью меня. Ее новым хозяином. Братом. А может быть, другом?

– Вот так, – со смешком заключил отец Гон, когда в храме снова посветлело. – Не знаю, что из тебя в итоге получится и каким ты станешь, но полагаю, Фол тебя на это благословил. Не подведи его, Артур.

«А девчонку обязательно приведи в храм, – наконец-то оттаял Ал. – Пора забрать у нее последнюю частичку темного дара и возродить жнецов Смерти как касту».

Я бросил на алтарь скептический взгляд:

– Возродить, я так полагаю, тоже придется мне?

– Конечно, – рассмеялся отец Гон. – Роберт еще слишком мал. К тому же наследница Маори была предназначена именно для тебя, если, конечно, я правильно расшифровал последнее видение.

– Какое еще видение? – насторожился я, но в этот раз мне даже в его глаза заглядывать не пришлось – Фол сам ответил на мой вопрос. Просто и незатейливо. Поэтому я, не успев толком привыкнуть к одному его дару, тут же получил второй.

Это было (а может, еще только будет?) ранней весной. В ту самую прекрасную пору, когда только-только распускаются цветы, а в садах громко щебечут вернувшиеся с зимовки птицы.

Наполненный домашним уютом особняк. Рабочий кабинет. Большое окно, возле которого стоит красивая женщина и с улыбкой смотрит, как на лужайке перед домом играют дети. Двое мальчишек лет семи, как две капли воды похожие друг на друга. Такие же белокурые и голубоглазые, как она. Оседлав двух здоровенных черных псов, сорванцы с ликующими воплями выхватывают из воздуха по громадной секире, окутываются двумя облачками, из которых прямо

на глазах формируются два одинаковых серебристых доспеха, и, ткнув собак в бока голыми пятками, с гиканьем срываются навстречу.

– Стоп! – отчаянно машет руками едва успевший отскочить с дороги Нортидж. – Мастер Лой! Мастер Нел! Так нельзя! Это против правил!

– Р-р-р! – рычат довольные до ужаса собаки.

– Ату! Ату! – одновременно кричат пацаны, лихо размахивая оружием, которое в нужный момент растворяется в воздухе, чтобы никого не поранить, а потом как ни в чем не бывало появляется снова.

Я подхожу к окну и с любопытством смотрю на творящееся внизу безобразие: собаки рычат, дети хохочут, бедняга Нортидж уже не знает, как успокоить неугомонных сорванцов. Чуть поодаль за ними с ностальгией наблюдают Триш и Йен, чьи подростице девочки как раз помогали Марте с завтраком. Еще чуть дальше о чем-то оживленно беседуют Мэл, резко изменившаяся Хокк и Лив, наконец-то уговоривший ее отрастить волосы и избавиться от жуткого шрама. На другом конце поляны заметно возмужавший Роберт в очередной раз пробует взломать мою защиту. Правда, без особых успехов. И только Мардж флегматично обрезает ветки на заметно подростице кустах, при этом внимательно посматривая по сторонам и следя, чтобы никто из соседей не увидел лишнего.

– Совсем они у нас дикие, – с притворным вздохом роняет женщина, прислонившись плечом к стене. – Не мальчишки, а стихийное бедствие. Наверное, в тебя пошли?

– Или в тебя, – улыбаюсь я. – А вообще, это шеф во всем виноват. Это ведь он что ни день, то рассказывает внукам о магических поединках.

– То есть ты, как обычно, ни при чем?

Она вдруг оборачивается и окидывает меня преувеличенно строгим взглядом. Моя прекрасная и суровая фея, в глазах которой, несмотря на внешнюю строгость, по-прежнему пляшут восхитительные смешинки. Живые, волшебные, родные. Крохотные, но такие важные и поразительно теплые искры, свет которых уже много лет согревает мою темную душу...

– Артур? – настороженно спросил отец Гон, когда я на мгновение прикрыл глаза и глубоко вздохнул, принимая свою новую реальность

как данность. – С тобой все хорошо?

Я повел плечами, ощутив на них привычную тяжесть плаща. Ненадолго задумался, сравнивая леди из видения с той, которую мне хотелось бы там увидеть. После чего выудил из пустоты свою старую шляпу и, нахлобучив ее на голову, улыбнулся:

– Лучше не бывает...

---

notes

Примечания

1

Управление городского сыска (*здесь и далее прим. авт.*).

2

Главное Управление столичного сыска.

Существует поверье, что эта разновидность демонов появляется в мире живых перед концом света. Изображаются они в виде рыцарей-скелетов верхом на мертвых лошадях и с черными знаменами.